

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук»

Институт социально-экономических
и энергетических проблем Севера

**КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ
СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ:
СОСТОЯНИЕ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ**

Ответственный редактор:
доктор экономических наук, профессор
А.Г. Шеломенцев

Сыктывкар
2023

УДК 3 32.14
ББК 65 .050.17

Работа подготовлена в рамках плановой темы НИР «Повышение конкурентоспособности экономики северных регионов России» (2019–2021), № госрегистрации АААА-А19-119021190159-9.

Авторы: Ю.А. Гаджиев, Е.Н. Тимушев, М.М. Стыров, Д.В. Колечков,
А.А. Мустафаев, В.В. Тихомирова, В.И. Спириягин.

Рецензенты:

доктор экономических наук, доцент Л.А. Попова,
доктор экономических наук, профессор Е.В. Базуева

Конкурентоспособность северных регионов России: состояние и пути повышения / Отв. ред.: д.э.н., проф. А.Г. Шеломенцев. Воронеж, Изд-во «Строки», 2023. – 220 с.

В коллективной монографии исследованы теоретические, методологические и практические аспекты конкурентоспособности северных регионов России. Раскрыты содержание, методологические подходы, разработана методика оценки конкурентоспособности региона и проведен динамический анализ уровня конкурентоспособности северных территорий. Выявлены особенности и основные тенденции развития конкурентоспособности и предложены пути ее повышения в промышленности, строительстве и агропромышленном комплексе. Определено место индикаторов состояния финансовой системы при оценке конкурентоспособности территории и установлены направления ее повышения. Раскрыто содержание конкурентоспособности и сотрудничества в социальной сфере, проведена диагностика по отраслям этой сферы и определены пути их развития в Республике Коми. Проанализировано состояние сферы экологии северных регионов в условиях жесткой конкуренции и выявлены направления ее улучшения.

Книга предназначена для научных работников, специалистов в области региональной экономики и управления, а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами повышения конкурентоспособности экономики региона.

УДК 3 32.14
ББК 65 .050.17

ISBN 978-5-6050465-9-2

© ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2023

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время ухудшение экономической обстановки в России, вызванное введением широкомасштабных санкций зарубежными странами, характеризуется падением объемов производства, изменением логистики внешнего товарооборота, уходом многих компаний с российского рынка, ростом уровня инфляции, уменьшением реальных доходов населения и иными негативными обстоятельствами. В такой ситуации одним из основных резервов роста экономики является активизация конкурентоспособности организаций, поскольку она выступает фактором экономического роста национальной экономики и социально-экономического развития самих регионов. От степени развитости уровня конкурентоспособности зависят конкурентные преимущества хозяйствующих субъектов – как отдельных предприятий, так и целых отраслей и регионов.

Успешное социально-экономическое развитие регионов зависит от уровня конкуренции на рынках товаров, услуг, труда, капитала, финансов и т.д. В регионах Севера России¹ проблемы роста конкурентоспособности приобретают острое значение в силу уникальной экологической среды, повышенной неравномерности отраслевого (преобладание добывающей промышленности) и пространственного (малая плотность населения) развития, сурового климата, высоких транспортных затрат и повышенной стоимости жизнеобеспечения.

Приведенные обстоятельства обуславливают актуальность изучения содержания механизмов и повышения конкурентоспособности северных регионов.

Цель работы состоит в разработке и совершенствовании теоретико-методологических подходов и практических мер по повышению конкурентоспособности отдельных отраслей и северных регионов, что будет способствовать экономическому росту и повышению благосостояния населения.

В монографии поставлены и решены следующие задачи:

- раскрыть содержание, функции и основные виды конкуренции;
- рассмотреть содержание понятий конкурентоспособности и конкурентного преимущества;
- разработать методику оценки уровня конкурентоспособности региона;

---

¹Под северными регионами нами понимаются субъекты России, территория которых согласно Постановлению Совмина СССР от 03.01.1983 N 12 (с последующими изменениями и дополнениями) полностью относится к районам Крайнего Севера или приравненным к нему местностям: Республики Карелия, Коми и Саха (Якутия), Камчатский край, Архангельская, Магаданская, Мурманская и Сахалинская области, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий и Чукотский автономные округа. Из рассмотрения исключена Республика Тыва из-за географической обособленности от остальных рассматриваемых регионов.

- провести анализ уровня конкурентоспособности северных регионов;
- разработать методику оценки уровня соперничества и сотрудничества в промышленности региона;
- выявить особенности и тенденции соперничества и сотрудничества в промышленности северных регионов;
- разработать методологию оценки, провести диагностику и выявить направления повышения конкурентоспособности строительной отрасли на Севере;
- раскрыть суть конкурентоспособности и основные факторы ее повышения в АПК северных регионов;
- раскрыть финансовые критерии и показатели региональной конкурентоспособности и сформулировать пути ее повышения на основе финансовых факторов;
- рассмотреть теоретические подходы к определению соперничества и сотрудничества в социальной сфере и пути повышения конкурентоспособности социальной сферы Республики Коми;
- выявить состояние экологии на современном этапе и показать направления ее улучшения в северных регионах.

Основные результаты исследования состоят в следующем:

- Доказано, что конкурентоспособность региона — это способность и возможность наиболее эффективно использовать имеющийся в регионе экономический потенциал, обеспечивать динамику повышения уровня жизни населения, улучшения экологической сферы и доходов собственников капитала.
- Разработана методика оценки уровня конкурентоспособности региона, в которой выделено семь конкурентно значимых региональных факторов и раскрывающие их тридцать четыре частных индикатора.
- Выявлено, что за последние годы интегральный индекс большинства регионов Севера значительно повысился, хотя конкурентоспособность многих из них еще находится на низком и крайне низком уровнях.
- Предложена методика оценки конкурентоспособности и сотрудничества в промышленности региона.
- Выявлено, что в промышленности большинства северных регионов в последние годы происходят тенденции нарастания соперничества из-за опережающего развития добывающих и отстающего развития обрабатывающих производств из-за несоответствия законодательства принципам «честной конкуренции».
- Разработан методический инструментарий диагностики конкурентоспособности строительства на основе расчета интегрального индекса и индексов ресурсного, производственного и финансового потенциалов.

- Исследовано влияние мультипликативного эффекта инвестиций на конечный продукт сельского хозяйства в Республике Коми и установлено, что его эффект довольно низкий: величина мультипликатора меньше единицы, что не обеспечивает нужного уровня инвестиций, следовательно, не способствует устойчивому развитию отрасли.

- Установлено, что повышению региональной конкурентоспособности со стороны финансовых факторов будут способствовать делегирование налоговых и расходных бюджетных полномочий и ресурсов муниципальным органам власти и обеспечение сектора малого и среднего предпринимательства доступными финансовыми ресурсами.

- Уточнено содержание конкурентоспособности и сотрудничества в социальной сфере, определено состояние ее конкурентной среды в Республике Коми и предложены некоторые пути повышения степени сотрудничества.

- Проанализировано состояние экологической сферы на современном этапе и показаны направления ее улучшения в северных регионах.

В целом в монографии отражена работа авторского коллектива по дополнению и уточнению теоретико-методологических основ оценки региональной конкурентоспособности и ее отдельных сфер и отраслей, таких как промышленность, строительство, агропромышленный комплекс, социальная сфера и экология.

Монография состоит из введения, семи глав и заключения. В первой главе рассматриваются понятие, функции и основные виды конкуренции и раскрыто содержание конкурентоспособности и конкурентных преимуществ, разработана методика и дана оценка уровня конкурентоспособности северных регионов. Во второй главе рассматривается конкурентоспособность промышленности северных регионов, проведен анализ методик и дана оценка сотрудничества и соперничества в промышленности, сформулированы основные направления повышения конкурентоспособности обрабатывающей промышленности. В третьей главе рассматривается конкурентоспособность строительной отрасли северных регионов, показаны методические подходы к оценке, выполнена диагностика и выявлены направления повышения конкурентоспособности строительства. В четвертой главе уточнено содержание и анализируются отдельные аспекты конкурентоспособности в агропромышленном комплексе северных регионов, факторы повышения конкурентоспособности, такие как инвестиционный, мультипликативный и рыночный. В пятой главе рассмотрены финансовые факторы повышения конкурентоспособности северных регионов, раскрыты финансовые критерии и показатели, выполнен анализ финансовых факторов и показаны направления повышения конкурентоспособности на их основе. В шестой главе раскрыты конкурентоспособность и сотрудничество в социальной сфере северных регионов, выполнен обзор методик

анализа конкурентной среды и ее оценка в социальной сфере. В седьмой главе исследуется современное состояние и направления улучшения экологии северных регионов, показаны перспективы изменения состояния окружающей среды.

Авторский коллектив представлен: к.э.н. Ю.А. Гаджиевым (гл. 1, введение и заключение), к.э.н. М.М. Стыровым (гл. 2), к.э.н. Д.В. Колечковым (гл. 3), к.э.н. А.А. Мустафаевым (гл. 4), к.э.н. Е.Н. Тимушевым (гл. 1, 5), к.э.н. В.В. Тихомировой (гл. 6), к.э.н. В.И. Спирагиным (гл. 7).

Авторы признательны своим коллегам по институту – д.т.н. Ю.Я. Чукрееву, д.э.н. В.В. Фаузеру, д.э.н. Л.А. Поповой, к.г.н. Т.Е. Дмитриевой, д.т.н., д.э.н. А.Н. Киселенко, к.э.н. И.Г. Бурцевой, к.э.н. Е.Ю. Сундукову, к.э.н. Т.Н. Тихоновой, к.э.н. М.А. Шишелову, Е.К. Бушеневой, а также д.э.н. Г.А. Князевой, к.э.н. И.Н. Швецово́й и к.э.н. А.А. Вишнякову (Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина), д.э.н. В.В. Жиделевой (Госссовет Республики Коми), д.э.н. О.А. Козловой (Институт экономики УрО РАН), к.э.н. С.А. Ткачеву (Коми республиканская академия государственной службы и управления).

Большую информационную поддержку в проведении исследования оказали Росстат (руководитель С.С. Галкин), Комистат (руководитель С.В. Бенгардт), ООО «КонсультантПлюсКоми» (руководитель Е.В. Ермолина), Национальная библиотека Республики Коми (директор О.Р. Мифтахова), Научная библиотека ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (заведующая Э.А. Бергман), зал периодических изданий ИСЭиЭПС (З.П. Чукреева).

Особая благодарность ответственному редактору книги д.э.н. А.Г. Шеломенцеву и рецензентам д.э.н. Л.А. Поповой и д.э.н. Е.В. Базуевой.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОЦЕНКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

1.1 Эволюция теории конкуренции

Конкуренция является ключевым признаком рыночной системы и главной движущей силой ее динамичного развития. Именно конкуренция стимулирует предпринимателя и направляет его экономический интерес в виде получения прибыли к сокращению издержек, расширению объемов производства, внедрению инноваций. В России конкурентная среда формировалась не эволюционным путем, как в большинстве развитых стран, а через создание институциональных условий для конкурентного развития экономических субъектов.

Основы теории конкуренции были заложены в XVIII веке в трудах представителей классической политической экономии. Считается, что понятие конкуренции ввел в научный оборот А. Смит (*Смит, 2007*). Следует отметить многогранность его творческого наследия. А. Смит стал основоположником сразу трех наиболее распространенных в настоящее время подходов к сущности конкуренции: поведенческого, функционального и структурного. Приверженцы данных подходов акцентируют внимание на совершенно разных аспектах сложного феномена конкуренции. Так, согласно поведенческой трактовке, конкуренция является присущим человеку по натуре внутренним свойством, проявляющимся в поведении соперничающих людей, одной из структурообразующих форм рационального поведения и рассматривается как конфликт, столкновение противоположных стремлений, интересов и сил. Сторонники функционального подхода смещают рассмотрение сущности конкуренции в сторону изучения ее роли и функций в рыночном хозяйстве и общем экономическом развитии. Существенно иной точки зрения придерживаются сторонники структурного подхода. Если в соответствии с поведенческой и функциональной трактовками конкуренция рассматривается как процесс, то, согласно структурному подходу, она рассматривается как состояние рынка, вытекающее из этого процесса, как оценочный критерий, по которому определяется тот или иной тип рынка (*Рязанов, 2007*).

А. Смит, рассматривая конкуренцию как поведенческую категорию – то есть как соперничество между индивидуальными продавцами и покупателями за более выгодные условия, – выявил связь конкуренции со спросом и предложением, определив, что основным средством ведения борьбы является цена. Роль конкуренции в эффективном распределении и использовании экономических ресурсов Смит обобщил в своем известном афоризме о «невидимой руке рынка»: каждый индивидуум, преследуя свои эгоистические цели, в то же время направляется невидимой рукой провидения в интересах достижения наибольшего блага для всех. Также

А. Смит заложил основы модели совершенной конкуренции на макроэкономическом уровне – бесконечно большое число и полное отсутствие ограничений на поведение и информированность участников рыночных отношений, – и разработал теорию абсолютных конкурентных преимуществ.

Итак, А. Смит рассматривал конкуренцию как нечто само собой разумеющееся, не требующее вмешательства государства. Он уделял внимание только ценовой конкуренции.

Развивая идеи А. Смита, **Д. Рикардо** исследовал и описал механизм ценового регулирования рынка с помощью конкуренции. Рикардо обобщил концепцию совершенной конкуренции при функционировании рынка в долгосрочном периоде. Более того, он близко подошел к разграничению отраслевой и внутриотраслевой конкуренции, анализируя миграцию капитала из одной сферы в другую, предположив возможное усреднение прибыли (*Рикардо, 2003*). Но механизм межотраслевой конкуренции им не был раскрыт из-за непонимания различий стоимости и цены производства. Но заслуга Д. Рикардо велика в отношении создания теории сравнительного преимущества. Данная теория может служить основой для толкования сути международной конкуренции к фирме и экономике в целом.

Развивая теорию совершенной конкуренции, **Д. С. Милль** разработал уравнение международного спроса, выделил «неконкурирующие группы на рынке», дал тройственную классификацию ценовой эластичности спроса, разработал понятия «экономия на масштабе», «альтернативные издержки». Милль полагал, что «принимая во внимание то, что конкуренция является единственным регулировщиком цен, заработной платы, ренты, она сама по себе является законом, который устанавливает правила этого регулирования» (*Милль, 1981*).

Существенный вклад в развитие модели совершенной конкуренции внес **К. Маркс** (*Маркс, 1988*), предположивший, что ведущей предпосылкой конкуренции является хозяйственная обособленность товаропроизводителей и наличие у них частных интересов. Эти интересы обусловлены частной собственностью. Маркс разграничил и охарактеризовал содержание внутри- и межотраслевой форм конкуренции и пришел к выводу, что конкуренция является основой механизма перераспределения капитала между отраслями, который объективно устанавливает средний уровень нормы прибыли в экономике. Маркс определял конкуренцию как борьбу между капиталистами за наиболее выгодные условия вложения капитала (*Рязанов, 2007*).

У. С. Джевонс одним из первых применил математические методы в экономическом анализе конкуренции. Он рассматривал совершенную конкуренцию как необходимое условие успешного развития рынка,

так как она стимулирует участников отношений производить и обменивать те блага, которые наиболее полно удовлетворяют их потребности. Важной заслугой Джевонса является и разработка модели конкурентного обмена, в которой важная роль в формировании совершенной конкуренции отводится информированности участников рыночных отношений (Джевонс, 2005).

В дальнейшем модель У. С. Джевонса была уточнена **Ф. И. Эджуортом**, который сумел продемонстрировать в ней процесс достижения равновесной цены (Блауг, 2008). Кроме того, Эджуорт на основе принципа системности уточнил определение совершенной конкуренции. Он добавил в него выполнение условия свободы заключения и пересмотра контрактов между участниками рыночных отношений. Позже Эджуорт внес существенный вклад в формирование теории олигополии (модель Бертрана–Эджуорта).

В XIX веке важную роль в развитии теории конкуренции сыграли представители неоклассического направления экономической науки. Они сосредоточились на анализе конкуренции на микроэкономическом уровне, исследовали сущностные условия конкуренции и выявили, что ее ведущей предпосылкой выступает ограниченность экономических ресурсов. Они уточнили влияние конкуренции на механизм рыночного ценообразования, а также заложили основы новой модели конкуренции.

А. Маршалл для обоснования теории равновесия рассматривал модель совершенной конкуренции. Эта модель характеризовалась огромным числом независимых друг от друга продавцов и покупателей, свободным доступом на рынок и отсутствием возможности оказывать влияние на рыночные цены. Механизм достижения равновесия при отклонениях цены от равновесного уровня рассматривается ученым как колебания объёмов продаж. Важную роль в модели Маршалла играют запасы производства (Маршалл, 2007).

А. Маршалл считал монополию полной противоположностью конкуренции – либо одно существует, либо другое. Если свободная конкуренция – это оптимальное состояние экономики, то монополия – это такая организация, которая уменьшает общественное благосостояние. А. Маршалл впервые объяснил преимущества крупного производства. Он выявляет связь между экономией на масштабе и концентрацией производства. Расширение масштабов производства быстро увеличивает преимущества перед конкурентами и снижает цены.

Таким образом, к началу XX века в экономической науке складывается статическая модель конкуренции и монополии как двух полярных состояний рынка, между которыми не существуют промежуточных состояний (Гуляев, 2012).

Преодолеть вышеуказанный разрыв первой попыталась **Дж. Робинсон**. Она предложила теорию несовершенной конкуренции в противоположность совершенной конкуренции (*Робинсон, 1986*). Робинсон признает многообразие поведенческой активности фирм. Это не только конкуренция и монополия, но и другие варианты рыночной власти – конкуренция между производителями дифференцированного продукта и ценовая дискриминация. Раньше считалось, что конкуренция – это лишь ценовая конкуренция. Робинсон же выдвигает другие характеристики конкурентного поведения – транспортные расходы, качество продукции, обслуживание клиентов, сроки кредита, репутация, реклама (*Гуляев, 2012*).

Дж. Робинсон уточняет концепцию рыночного равновесия: «отрасль находится в состоянии полного равновесия, когда не наблюдается тенденции к изменению числа функционирующих в ней фирм. Тогда прибыль этих фирм является нормальной» (*Робинсон, 1986*). Кроме того, исследуя монополию, Робинсон выделяет отрасли, где конкуренция невозможна из-за технологических особенностей – это железнодорожный транспорт, электроэнергетика и газовая промышленность. Это те отрасли, которые позднее будут названы «естественными монополиями». Если получилось, что в такую отрасль оказались вовлеченными две фирмы, то они будут вынуждены конкурировать между собой, никто не сможет возместить издержки, более слабая разорится либо они должны объединиться.

В целом можно сказать, что для Робинсон совершенная конкуренция остается идеалом рыночной экономики. Любые отклонения от идеала в реальности должны быть скорректированы государственной политикой.

Э. Чемберлин положил начало исследованию конкуренции как динамического процесса. Он предложил теорию монополистической конкуренции и обосновал идею взаимодействия конкуренции и монополии (*Чемберлин, 1997*). Этот тип рыночной структуры базируется на дифференциации продукта. Различия во вкусах, желаниях, уровнях дохода и местоположении покупателей и различия в способах употребления товаров, по мнению ученого, указывают на потребность в разнообразии и необходимости замены концепции «конкурентного идеала» идеалом, включающим монополию и конкуренцию. Монополистическая конкуренция – это механизм, который наилучшим образом удовлетворяет потребности общества. Если продукт дифференцирован, каждый продавец является одновременно и монополистом, и конкурентом (*Гуляев, 2012*).

Э. Чемберлин теорией монополистической конкуренции обосновал не только ценовые формы конкурентной борьбы, но и раскрыл новые, неценовые. Среди последних – дифференциация продукта, улучшение качества, реклама, репутация фирмы. Неценовая конкуренция имеет

огромное значение в современной экономике. Э. Чемберлин отказывается от чистой конкуренции как идеала экономической жизни. Он отмечает, что полное осознание того, что продукт всегда дифференцирован, раскрывает значение проблемы разнообразия, делает понятным, что чистую конкуренцию нельзя считать «идеалом» для экономики благосостояния.

Начиная с работы **П. Сраффы** «Законы получения доходов в условиях конкуренции», основное внимание стало уделяться исследованию особенностей ценообразования (*Sraffa, 1926*). Они стали областью борьбы неоклассической школы и нового зарождающегося направления. П. Сраффа доказал, что вследствие расширения производства крупные компании получают дополнительные преимущества, а их реализация приводит к нарушению чистой конкуренции, что оказывает влияние на процесс ценообразования. Позднее ученый предположил, что многие недостатки экономической системы не являются случайными явлениями, а сознательно созданы производителями, а анализ лучше всего начать не с конкуренции, а с монополии.

Й. Шумпетер (1883–1950) считал основным фактором развития инновации изменения в способах производства и реализации товаров (*Шумпетер, 1982*). Нововведение – это основной фактор конкуренции нового типа, гораздо более действенной, чем традиционная ценовая конкуренция. Любое нововведение, по мнению Шумпетера, порождает ситуацию монополистической конкуренции. Конкуренция вытесняет с рынка предприятия, использующие устаревшие технологии и выпускающие продукцию, которая не пользуется спросом. Механизм, очищающий экономику от старого, Шумпетер назвал «созидательным разрушением». Конкуренция ведет к созданию нового товара, технологии, источника сырья или типа организации. Эта конкуренция, с одной стороны, обеспечивает существенное сокращение издержек и повышение качества, с другой стороны – угрожает существующим фирмам не просто сокращением прибыли, а полным банкротством. Таким образом, экономика развивается через уничтожение старого – компаний, методов и идей, а им на смену приходят новые – более производительные и прибыльные.

Й. Шумпетер считает, что с монополией несовместимо понятие застойности, так как монополия является следствием нововведений, сама есть благотворный результат конкуренции. Шумпетер выделяет следующие позитивные стороны монополии. Во-первых, монопольная прибыль может служить эффективным способом накопления средств для финансирования дополнительных инвестиций в отрасли. Во-вторых, у монополиста могут находиться способы производства, недоступные для его конкурентов. В-третьих, монополия может иметь более устойчивое финансовое положение, что значит, что у нее больше средств для обеспечения техни-

ческого прогресса. Это идет на пользу всей экономики, а не только данной отрасли.

Совершенная конкуренция порождает такие дополнительные расходы, как менее эффективная внутрифирменная организация, менее производительные технологии и невозможность оценить новые перспективы рынка. Это делает совершенную конкуренцию не только неоптимальным, но даже нежелательным способом организации отрасли. Кроме этого, отрасли с совершенно конкурентной организацией демонстрируют подверженность кризисам и колебаниям конъюнктуры, что не может считаться образцом эффективности. Таким образом, Й. Шумпетер через категорию нововведений углубил понимание конкуренции как закономерности рыночного хозяйства и оправдал процесс монополизации экономики.

Дальнейшее развитие функционального подхода к сущности конкуренции связано с работами **Ф. А. фон Хайека** (1899–1992) (*Хайек, 1989*). Фон Хайек считал, что экономическая теория неправильно использует термин «конкуренция». Согласно ему, конкуренцию следует рассматривать более широко: не только в качестве стратегии взаимодействия, но в качестве движущей силы экономической жизни. Поэтому Хайек делает различие между конкуренцией как динамическим процессом и конкурентным равновесием – статической версией модели рынка. При анализе статической модели конкуренции совершенная конкуренция оказывается лишь одной из возможных точек конкурентного процесса, то есть не единственной. Но конкуренция – это еще и особая скрепляющая сила, которая делает экономическую систему таковой. Конкуренция – это некая внутренняя структура и опора экономики. В этом смысле Хайек говорит о конкурентном порядке, цель которого заключается в том, чтобы заставить конкуренцию работать. Подобный порядок требует более широкого институционального оформления в виде частной собственности, свободы контрактов и других механизмов свободного рынка (*Гуляев, 2012*).

Значительный вклад в развитие функционального подхода конкуренции внесли представители поведенческого, институционального, неоинституционального и неоклассического направлений экономической науки.

У истоков нового представления о сущности конкуренции стоит представитель поведенческой экономической теории **Г.А. Саймон**. Он доказал, что в условиях неопределенности внешней среды и избытка информации конкуренция приобретает адаптивный и социальный характер. Экономические субъекты характеризуются как ограниченно рациональные, принимающие удовлетворительные решения исходя из уровня своих знаний, а не просто из максимизации выгоды (*Саймон, 1993*).

Значительный вклад в развитие теории конкуренции в середине XX века внес **Дж. Стиглер**. Он изучал функционирование рыночной эко-

номики в рамках теории организации промышленности. Стиглер провел анализ поведения фирм в конкурентных и монопольных отраслях промышленности и выделил в качестве условий успешного функционирования компаний принцип выживаемости и принцип минимального масштаба эффективности. Кроме того, по мнению Дж. Стиглера, успех в конкурентной борьбе зависит от интеграции в отрасли. На ранней и поздней стадиях необходима активная интеграция, но на промежуточных она может быть незначительной (Довбенко, 2011).

Представитель индустриального направления институционализма **Д. К. Гэлбрэйт** исследовал специфику конкурентных отношений в двух секторах экономики: крупных корпорациях и малом бизнесе. Он считал, что целью экономической деятельности крупных корпораций является не максимизация прибыли, а самосохранение и независимость от рыночных условий, а также упрочение и расширение власти менеджмента. Он пришел к выводу, что свободная конкуренция в условиях функционирования крупных компаний, контролирующих цены, невозможна. Поэтому государственное регулирование должно быть направлено на разрешение противоречий между индустриальной и рыночной подсистемами национального хозяйства (Гэлбрейт, 2004).

В конце XX века в условиях нестабильности внешней среды, глобализации, ужесточения и перемещения центра конкуренций с отраслевого на межотраслевой и с национального на интернациональный уровни, практика хозяйственной деятельности потребовала разработки эффективных методов конкурентного анализа, ведения конкурентной борьбы и роста конкурентоспособности хозяйствующих субъектов. Предметом теории конкуренции стали способы достижения конкурентных преимуществ. Теория конкуренции была дополнена *рыночной, ресурсной и институциональной* концепциями конкурентных преимуществ (Рязанов, 2007; Флештин, 2014).

Рыночный подход. Наиболее видные представители данного направления – Бостонская консалтинговая группа (матрица “*рост рынка / доля рынка*”), а также М. Портер, Ж. Лабмен, В. Осадник, Р.А. Фатхутдинов и др. Основная идея этого направления состоит в том, что работоспособность предприятия детерминируется рынками сбыта. Исходя из этого, особое внимание уделяется привлекательности окружающей среды как индикатору роста, емкости и качества рынка, а также товарно-рыночному позиционированию по отношению к конкурентам.

Ведущим представителем рыночного подхода признается **М. Портер**. Ему принадлежит одна из первых попыток систематизации теории конкуренции. Суть модели Портера выражена с помощью триединства важнейших аспектов конкуренции – конкурентных сил отрасли, конкурентных стратегий и конкурентных преимуществ. Как утверждает автор, в

любой отрасли интенсивность конкуренции и ожидаемый размер прибыли определяются взаимодействием конкурентных сил, формирующих структуру отрасли: 1) угроза появления новых конкурентов, 2) угроза появления товаров-заменителей, 3) способность поставщиков торговаться, 4) способность покупателей торговаться, 5) соперничество уже имеющихся конкурентов между собой (*Porter, 1998*).

Портер вводит понятие «кластер». Оно отражает степень интеграции и взаимодействия родственных и поддерживающих отраслей. Конкурентные отношения проявляются в способности фирм более успешно использовать различные средства конкурентной борьбы – низкие цены, улучшенные характеристики товара, специальные способы продвижения товара и другие.

М. Портер утверждает, что для успешной конкурентной борьбы, хозяйствующий субъект должен сформировать *конкурентную стратегию*, цель которой заключается в обеспечении превосходства над конкурентами через выявление своих конкурентных преимуществ, их углубление и совершенствование (*Портер, 2010*). Он сделал акцент на ценности «конкурентных преимуществ высшего порядка», которые труднее всего скопировать конкурентам. К ним относятся запатентованная технология, дифференциация на основе уникальности товара, репутация фирмы, тесные связи с поставщиками сырья и потребителями готовой продукции. Конкурентные преимущества высшего порядка возможны при условии долгосрочных и интенсивных капитальных вложений – не столько в производственные мощности, сколько в обучение персонала, проведение НИОКР и маркетинг.

М. Портер выявил общие черты конкурентных стратегий, которые строятся на основе трех базовых методов: 1) низкие издержки и лидерство по издержкам; 2) дифференциация продукта; 3) углубленная специализация в узкой рыночной нише. Он также детально изучил факторы, влияющие на конкурентную борьбу, и добавил к ним успешность стратегии конкурента, наличие сильной маркетинговой концепции и технические новшества.

Ресурсный подход. Необходимость адаптации компаний к изменчивости и неопределенности внешней среды стала одной из причин развития *ресурсного подхода* к теории конкурентных преимуществ. Значительный вклад в ее развитие внесли такие ученые, как Б. Вернерфельт, Э. Пенроуз, Дж. Б. Барни, Г. Хамел и К.К. Прахалад, В.С. Катькало, Г. Клейнер и др. Согласно ресурсному подходу, интенсивные отраслевые изменения ведут к снижению значения структуры отрасли и рыночной позиции каждой конкретной компании и к повышению роли внутренних ресурсов. Опираясь на данный тезис, исследователи пришли к выводу о том,

что источником конкурентных преимуществ становится комбинация внутренних уникальных и труднокопируемых ресурсов у компании.

Одной из первых значение ресурсного подхода отметила **Э. Пенроуз**, которая показала, что «организация скорее представляет собой намного больше, чем обычную административную единицу, это скорее набор всех ресурсов организации, сегрегация которых между разными пользователями с течением времени ведет к принятию административного решения» (*Пенроуз, 1995*). Но на длительное время работа данного автора оставалась едва ли не единственным исследованием в теоретической экономике. Это подчеркивает важность отличий между разными предприятиями.

Д. Барни после длительной паузы пошел дальше и определил подход, базирующийся на ресурсах фирмы на основании противопоставления их «модели внешней среды организации». Разница между этими подходами значительна, однако ресурсный подход пренебрегает двумя предельно важными допущениями модели окружающей среды: 1) гомогенность ресурсов и возможностей среди фирм, которые оперируют в одной и той же сфере и 2) предельная мобильность ресурсов (*Барни, 2009*).

Значительный вклад в развитие ресурсного подхода внесли **К. Эндрюс** (понятие отличительных компетенций) и **Г. Хамел** и **К.К. Прахалад** (понятие ключевых компетенций). По мнению К. Эндрюса, компаниям следует «определять навыки, которые лежат в основе любого достигнутого успеха» и «находить или создавать умения, которые являются по-настоящему отличительными» Он также утверждал, что «отличительные компетенции компании – это больше, чем то, что она может делать; это то, что она может делать особенно хорошо». Кроме этого, компаниям следует «определять навыки, которые лежат в основе любого достигнутого успеха» и «находить или создавать умения, которые являются по-настоящему отличительными» (*Эндрюс, 2001*). Г. Хамел и К.К. Прахалад первыми предложили видеть основным источником конкурентных преимуществ компании их «интеллектуальное лидерство» (*Хамел, Прохалад, 2002*).

Важнейшим условием интеллектуального лидерства Хамел и Прахалад назвали умелое использование «базовых функциональностей продукта» и «ключевых компетенций». Первое понятие означает потенциальные возможности развития и использования продукта, второе – знания и умения людей, которые шире их должностных обязанностей. Если товар не пользуется спросом, ключевые компетенции позволят выйти с другими предложениями.

Отличительные особенности ключевых компетенций – их неосязаемость, долговременность и исключительность. Это позволяет создать безусловное конкурентное преимущество. Постоянное совершенствование и приобретение новых, специфических для компании компетенций, является важнейшим условием успешной стратегии. Это обеспечивает доступ

ко множеству рынков и создает барьеры на пути проникновения конкурентов (Флештин, 2014).

Значительный интерес представляет также и другая ресурсная концепция устойчивых конкурентных преимуществ от Г. Хамела и К.К. Прахалада. Так, была разработана теория обеспечения конкурентных преимуществ компаний XXI века, в которой основным способом достижения лидирующих позиций определена комбинация из уникальных и труднокопируемых внутренних ресурсов. По мнению ученых, для того чтобы компетенции были «ключевыми», они должны удовлетворять трем критериям: 1) предлагать покупателям реальные выгоды; 2) быть сложно имитируемыми; 3) обеспечивать доступ ко множеству рынков (Хэмел, Прахалад, Томас, О'Нил, 2005). Авторы утверждают, что эра прогресса – линейного развития (эволюция) закончилась вместе с XX веком. Экономика и бизнес вошли в стадию революционных потрясений: первоначально фирмы-революционеры отнимут у традиционных компаний потребителей и рынки, затем – лучших сотрудников, далее – их активы. Другими словами, без дара предвидения и работы по старинке легко «лишиться будущего». Чтобы быть в будущем и удержаться, необходимо оставить позади базу менеджмента минувшего века. Здесь речь идет о поэтапных изменениях, организационном обучении, реструктуризации, перестройке, кратковременном выигрыше от снижения издержек и даже эффективности. Конкуренция – это не «эффективность против неэффективности», «продукт против продукта», «худая» фирма против «толстой» и т.п., а «нелинейная» инновация против «линейной» (Хэмел, Прахалад, Томас, О'Нил, 2005).

Институциональный подход в теории конкуренции считает долгосрочные отношения с потребителями, партнерство и стратегические альянсы главными источниками конкурентных преимуществ. К конкурентным преимуществам, согласно данному подходу, относится способность компании эффективно интегрироваться в информационное поле. Это обеспечивает доступ к нужной информации с минимальными издержками.

Институциональный подход включают в себя следующие теории: *неоинституциональный, эволюционный институционализм*, а также *теории коллективных конкурентных преимуществ* – непосредственно конкуренцию и сотрудничество.

К основным представителям **неоинституциональной** теории относятся Р. Коуз (Коуз, 1995), О. Уильямсон (Уильямсон, 1981) и Д. Норт (Норт, 1997). Всех представителей неоинституционализма характеризуют следующие воззрения: а) «институты имеют значение», так как влияют на результаты функционирования и динамику экономики; б) человеческое поведение не характеризуется всеобъемлющей рациональностью, а сам человек склонен к оппортунизму; в) осуществление рыночных трансак-

ций, в том числе ценовой механизм и другие атрибуты рыночной экономики, связано с трансакционными издержками.

Неоинституционалисты выделяют следующие виды трансакционных издержек: а) поиска информации; б) измерения; в) ведения переговоров и заключения контрактов; г) спецификации и защиты прав собственности; д) оппортунистического поведения. В целом критерий эффективности институтов, по мнению неоинституционалистов, – это размер достигнутой благодаря им экономии издержек. Следовательно, достижение минимума издержек является конкурентным преимуществом предприятий.

Внимание исследователей обычно привлекают сформулированные неоинституционалистами представления о цивилизованной конкуренции. В ее рамках интересы конкурирующих сторон удовлетворяются на взаимовыгодных условиях с минимальными трансакционными издержками, и это усиливает выгоду от участия в сделке. Таким образом, цивилизованная конкуренция способствует развитию экономики, направляя силы конкуренции на благо общества. В свою очередь это нивелирует вопрос о разрушительной силе конкуренции (*Кравцевич, 2011*).

Современными представителями **эволюционного институционализма** являются Р. Нельсон, С. Уинтер (*Нельсон, Уинтер, 2000*), Дж. Ходжсон (*Ходжсон, 1997*) и другие. Данные специалисты ввели понятие «организационные рутины» – это устойчивые образцы, стереотипы, шаблоны поведения, которые используются в повседневной деятельности членов организации. Так, на изменения условий хозяйствования фирмы реагируют изменением принципов поведения – рутин. Комбинация рутин относительно различных условий внешней среды рассматривается как стратегия поведения. Р. Нельсон и С. Уинтер утверждают, что во взаимодействии с внешней средой фирмы отбирают наиболее эффективные стратегии поведения. Рутин являются своеобразными активами и как таковые могут рассматриваться в качестве конкурентных преимуществ.

К направлению коллективных конкурентных преимуществ относятся теория коэволюции, теория соконкуренции и ряд других.

Теорию коэволюции разработал **Дж. Ф. Мур** (*Moore, 1996*). Она основывается на посыле о том, что движущей силой экономики становится не только традиционная конкуренция, но и сотрудничество. Проводя аналогии между экологической системой и бизнес-средой, Мур рассматривает компанию как элемент экосистемы. В ней совместно развиваются процессы конкуренции и эволюции, то есть «коэволюция». Поскольку в новых условиях функционирования стратегия, нацеленная на создание конкурентных преимуществ, перестает быть эффективной, компаниям необходимо разрабатывать такую стратегию, которая была бы согласована с условиями внешней среды и сочетала в себе элементы конкуренции и сотрудничества.

Теорию соконкуренции разработали **А. М. Бранденбургер** и **Б. Дж. Нейлбафф** (*Бранденбургер, Нейлбафф, 2012*). Обращая внимание на изменение условий ведения бизнеса в связи с тем, что все большее количество компаний включаются в процесс производства, данные исследователи отмечают, что вся производственно-сбытовая цепочка становится источником конкурентных преимуществ. Придерживаясь данной позиции, А. М. Бранденбургер и Б. Дж. Нейлбафф приходят к выводу, что конкуренция перестает отвечать сущности современных экономических отношений. Опираясь на концепцию установления взаимовыгодных партнерских отношений с участниками рынка, они утверждают, что эффективная стратегия должна сочетать конкуренцию и сотрудничество – «соконкуренцию».

Уже в XXI веке в рамках теории конкурентных преимуществ на основе взаимодействия произошел переход в понимании сущности исследуемого процесса. Так, в условиях глобализации общее видение претерпело разворот от представлений о сотрудничестве как одной из форм конкурентного взаимодействия, наряду с соперничеством, к выводу о взаимодействии на основе сотрудничества как приоритетном источнике конкурентных преимуществ. По мнению сторонников данной концепции, таких как П. А. Глур, Л. Линн, А. Мак-Кормак и некоторых других, неконфликтные формы конкуренции дают возможность ее субъектам получить наилучший результат в достижении их индивидуальных целей, во многом благодаря синергетическому эффекту (*Gloor, 2006*).

Аналогичная трактовка конкуренции в начале XXI века появилась и в работах сторонников поведенческого подхода. Они стали рассматривать конкуренцию более широко – не только как экономическое соперничество, но как взаимодействие. Конкретными формами такого взаимодействия могут быть единство, сотрудничество, сосуществование и противодействие (*Антонов, Иванова, Тумин, 2016*).

В настоящее время продолжается эволюция и других направлений теории конкуренции. Например, в развитие инновационной концепции конкуренции была разработана модель «**стратегии голубого океана**» **В. Чан Кима** и **Р. Моборна**. Ее создатели считают, что в современных условиях компаниям нецелесообразно вести конкурентную борьбу на традиционных рынках («**красные океаны**»), так как они характеризуются ограниченными возможностями для роста и низким уровнем прибыли. Вместо этого следует сосредоточиться на создании абсолютно новых рыночных ниш и рынков, свободных от конкурентов – «**голубых океанах**», – через внедрение инноваций (*Чан Ким, Моборн, 2017*).

Таким образом, краткий анализ основных концепций эволюции теории конкуренции позволяет сделать вывод о том, что хотя данная теория является объектом исследования различных школ и направлений эко-

номической науки, стратегического менеджмента и маркетинга на протяжении трех веков, что позволило исследователям предложить наиболее действенные и эффективные методы ведения конкурентной борьбы и повышения конкурентоспособности, многогранность и сложность данной категории затрудняет формирование единого общепринятого подхода к ее сущности. В настоящее время теория конкуренции представлена набором как взаимосвязанных, так и противоречащих друг другу подходов и концепций, акцентирующих внимание лишь на отдельных ее аспектах. Поэтому наработанные учеными теоретические положения не позволяют объективно описать многие формы сложившихся и еще формирующихся в современной экономике конкурентных отношений.

Для современного периода развития экономики, характеризующегося ограничением глобализации, повышением уровня неопределенности, созданием инновационных продуктов, ростом сферы услуг, информационной революцией и роботизацией, характерен переход к новой форме конкурентных отношений. Чтобы быть эффективными, хозяйствующим субъектам необходимо учитывать разработанные исследователями концепции сотрудничества в бизнесе, управления знаниями, прорывными инновациями, создания рынков будущего, которые формируют главные преимущества в конкурентной борьбе и являются действенными методами повышения конкурентоспособности.

1.2 Содержание, функции и виды конкуренции

Растущий интерес к конкуренции в нашей стране во многом обусловлен обострением конкурентной борьбы из-за усиления проблем ограниченности традиционных факторов производства, а также изменения геополитических, социокультурных, правовых и иных условий хозяйствования.

Заметим, что конкуренция, являясь ключевым звеном в функционировании экономики, приобретает в настоящее время всеобъемлющий характер. Вместе с тем очевидность тесной взаимосвязи понятий «конкуренция» и «конкурентоспособность» обуславливает необходимость рассмотрения основных понятий теории конкуренции.

В экономической науке существуют различные трактовки понятия конкуренции и ее значения в развитии экономики, основы которых были заложены в работах А. Смита, Д. Рикардо, Дж. Милля, А. Курно, У.С. Дживансона, Ф.И. Эджуорта, А. Маршалла, Дж. Робинсон, Э. Чемберлина и др.

А. Смит отмечал, что конкуренция – это процесс реакции на новую силу и способ достижения нового равновесия, сущностью которого является борьба за относительные преимущества. Он определял пять основных условий конкуренции: 1) конкуренты должны действовать незави-

симо, а не в сговоре; 2) число конкурентов (потенциальных или уже имеющих) должно быть достаточным, чтобы исключить экстраординарные подходы; 3) экономические субъекты должны обладать приемлемым знанием о рыночных возможностях; 4) должна быть свобода действия в соответствии с этим знанием; 5) необходимо достаточно времени, чтобы направление и объем потока ресурсов стали отвечать желанию владельцев (Смит, 2007).

Дж. Милль писал, что «принимая во внимание то, что конкуренция является единственным регулировщиком цен, заработной платы, ренты, она сама по себе является законом, который устанавливает правила этого регулирования» (Милль, 1981). В основе трактовки Дж. Милля лежит описание роли конкуренции в экономике.

Основоположники **марксизма** рассматривали законодательный характер конкуренции, трактуя ее как свойственную товарному производству борьбу между частными товаропроизводителями за наиболее выгодные условия производства товаров/услуг. Одновременно они рассматривали конкуренцию как механизм стихийного регулирования пропорций общественного производства. По мнению **Ф. Энгельса**, в обмене как единственной форме общественной связи, присущей товарному производству, законы проявляются и действуют на отдельных производителей как «принудительные законы конкуренции» (Белл, 2004).

П. Хайне предлагает неоклассический вариант управленческой трактовки конкуренции и связывает ее с борьбой за редкие экономические блага: «...конкуренция есть стремление как можно лучше удовлетворять критериям доступа к редким благам» (Хайне, 1993). В основе этой трактовки лежит управление собственным конкурентным преимуществом.

Почти такое же определение дает **Ф. Найт**, согласно которому конкуренция – это ситуация, в которой конкурирующих единиц много, и они независимы.

Ф. Хайек отметил, что конкуренция – это процедура открытия, благодаря которой скрытое становится явным. Конкуренция ведет к лучшему использованию знаний и способностей людей и стимулирует рациональность. Конкуренция приводит к увеличению эффективности и призывает к большей внимательности. Ф. Хайек предложил, что конкуренцию следует рассматривать более широко, не только и не столько в качестве стратегии взаимодействия фирм на рынке, но в целом в качестве движущей силы экономической жизни.

Интересное определение сущности конкуренции дал представитель поведенческой экономической теории **Г.А. Саймон**. Он доказал, что в условиях неопределенности внешней среды и избытка информации конкуренция приобретает адаптивный и социальный характер: хозяйствующие субъекты характеризуются как ограниченно рациональные, принима-

ющие удовлетворительные решения, исходя из уровня своих притязаний, а не из максимизации выгоды (*Саймон, 1993*).

Существенный вклад в развитие к сущности конкуренции внес один из основоположников теории организации промышленности **Дж. Стиглер**. Он исследовал поведение предприятий на конкурентных и монополизированных рынках и пришел к выводу, что успех в конкурентной борьбе в значительной степени зависит от уровня интеграции в отрасли: на начальной и завершающей стадиях жизненного цикла отрасли целесообразен высокий уровень интеграции, на промежуточных – низкий (*Стиглер, 1995*).

Представитель индустриального направления институционализма **Д.К. Гэлбрэйт** исследовал специфику конкурентных отношений в двух секторах экономики: крупных корпорациях и малом бизнесе. Он считал, что целью экономической деятельности крупных корпораций является не максимизация прибыли, а самосохранение, независимость от рыночных условий, упрочение и расширение власти их менеджмента (*Гэлбрэйт, 2004*).

Ведущим представителем рыночной концепции в теории конкуренции является **М. Портер**. Он отметил, что конкуренция – это динамичный и развивающийся процесс, непрерывно меняющий ландшафт, на котором появляются новые товары, новые пути маркетинга, новые производственные процессы и новые рыночные сегменты (*Портер, 2005*). Несомненная заслуга М. Портера состоит в том, что выявление конкурентных преимуществ фирм и конкурентных сил отрасли позволили ему рассмотреть вопросы эффективной деятельности компаний и успеха в конкурентной борьбе с учетом особенностей текущей конкурентной (внешней) среды и внутренних возможностей (ресурсов) компании.

Дж. Ф. Мур внес большой вклад в развитии теории конкуренции. Он предположил, что для современной бизнес-среды, по аналогии с естественной (экологической) системой, характерны процессы не только конкуренции, но и эволюции («коэволюции»), которые превращают ее в своеобразную «предпринимательскую экосистему». Поэтому стратегия развития компании должна быть направлена не на достижение конкурентных преимуществ, а на адаптацию к условиям совместной эволюции всех элементов «предпринимательской экосистемы» и сочетать элементы соперничества и сотрудничества с другими хозяйствующими субъектами, в том числе и с конкурентами (*Moore, 1996*).

А.М. Бранденбургер и Б.Дж. Нейлбафф разработали теории конкуренции. Они обращали внимание на изменение условий ведения бизнеса, связанных с тем, что все большее количество компаний включается в процесс производства одного продукта. Экономисты отмечают, что вся производственно-сбытовая цепочка становится источником конку-

рентных преимуществ. Придерживаясь данной точки зрения, авторы приходят к выводу о том, что конкуренция перестает отвечать сущности современных экономических отношений. Они опирались на концепцию установления взаимовыгодных партнерских отношений с участниками рынка, утверждая, что эффективная стратегия должна сочетать конкуренцию и сотрудничество, т.е. представлять собой соконкуренцию (*Бранденбургер, Нейлбафф, 2012*).

Таким образом, анализ различных трактовок понятия конкуренции зарубежными учеными показывает, что основу понятия «конкуренция» составляет соперничество, интеграция, партнёрство, сотрудничество между субъектами за достижение относительно лучших условий существования, функционирования и развития.

Отечественные исследования сущности конкуренции. В отечественной экономической литературе в основном уделяется внимание трактовкам понятия «конкуренция», но очень мало – ее видам и методам, а также развитию конкурентных отношений.

В трудах экономистов содержится множество понятий, определяющих термин «конкуренция». Одни ученые понимали под конкуренцией соперничество (борьбу) между юридическими или физическими лицами. Так Г.Л. Азоев и А.П. Чаленков понимают под конкуренцией «соперничество на каком-либо поприще между отдельными юридическими и физическими лицами (агентами), заинтересованными в достижении одной и той же цели» (*Азоев, Чаленков, 2000*). В.Н. Иванов и И.А. Фокина под конкуренцией понимают соперничество, соревнование между предприятиями на рынке за более выгодные условия воспроизводства товаров для получения на этой основе максимально возможной прибыли (*Иванов, Фокина, 2010*). Почти так же по содержанию определяет конкуренцию И.В. Стародубровская – как соревнование предприятий на рынке за предпочтения потребителей с целью получения наибольшей прибыли и дохода (*Стародубровская, 2013*).

А.Ю. Юданов понимает под конкуренцией конкретный механизм, с помощью которого рыночная экономика ставит фундаментальные вопросы, такие как «Что? Как? Для кого производить?». Он определяет ее как «борьбу за ограниченный объем платежеспособного потребителя, ведущуюся на доступных сегментах рынка» (*Юданов, 1997*). И.В. Долгова, Н.В. Швейко полагают, что конкуренция – это «соревнование экономических агентов на рынке потребителей» (*Долгова, Швейко, 2001*). Основную особенность конкуренции они видят в столкновении интересов субъектов рынка. Отметим, что данные трактовки не являются определенными.

Достаточно интересной представляется позиция Ю.Б. Рубина и В.В. Шустова, которые разводят понятия «конкуренция» и «экономическая состязательность». Они утверждают, что состязательность «как кон-

курения» существует тогда, когда есть именно противостояние и столкновение интересов (*Рубин, Шустов, 1990*). Авторы обозначают конкуренцию как естественный атрибут рынка, на котором результатом является ущемление интересов других конкурентов. Главную цель они видят в получении производителями высоких доходов в результате рыночного соперничества за деньги потребителей.

Следует отметить, что большинство ученых-экономистов понимают термин «конкуренция» как процесс или, точнее, экономический процесс. Такого мнения придерживаются Д. Арментано, Завьялов П.С., Лозовский Л.Ш., Поршев А.Г., Райзберг Б.А., Киперман Г.Я., Спиридонов И.А., Фатхутдинов Р.А. По нашему мнению, данное понятие является более развитым в экономической мысли. В общей сложности все эти ученые представляли конкуренцию как процесс взаимодействия и процесс соперничества либо борьбы между предприятиями ради удовлетворения потребностей покупателей и превращения потенциальных клиентов в постоянных клиентов (*Голиков, 2016*).

Так, например, Д. Арментано представляет конкуренцию как непрерывный процесс соперничества между продавцами за превращение потенциальных клиентов в постоянных. Р.А. Фатхутдинов считает, что конкуренция – «это «процесс управления субъектом своими конкурентными преимуществами для достижения победы или других целей в борьбе с конкурентами за удовлетворение объективных или субъективных потребностей в рамках законодательства либо в естественных условиях» (*Фатхутдинов, 2000*). Конкуренция, по определению Перцовского Н.И., это «экономический процесс взаимодействия, взаимосвязи и борьбы между выступающими на рынке предприятиями в целях обеспечения лучших возможностей сбыта своей продукции, удовлетворения потребностей покупателей и получения наибольшей прибыли» (*Голиков, 2016*).

Почти схожее определение конкуренции дается в Законе РФ от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (*О защите конкуренции..., 2006*). Согласно закону, под конкуренцией подразумевается «соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке». В основном именно такая трактовка понятия «конкуренции» сформировалась в отечественной и зарубежной экономической мысли.

Подходы к определению сущности конкуренции. Исследование эволюции взглядов экономистов на конкуренцию позволило установить, что ученые по-разному трактуют данную категорию – исходя из поведенческого, функционального, структурного и институционального подходов.

Лишь совокупное изучение названных четырех подходов позволяет понять целостную сущность конкуренции.

1. Поведенческий подход. Этот подход возник исторически первым. Характерным для него является понимание конкуренции как борьбы между продавцами путем удовлетворения потребностей покупателей с целью увеличения внимания и денег, полученных от них. Другими словами, это процесс, основанный на состязательности, соперничестве хозяйствующих субъектов. Представители поведенческого подхода: Г.Л. Азоев (*Азоев, 1996*), А.Ю. Юданов (*Юданов, 1998*), В.Д. Шкардун (*Шкардун, 2000*), Д.Б. Борисов (*Борисов, 2013*).

2. Структурный подход. Согласно данному подходу, структуру рынка определяет содержание конкуренции на данном рынке, с целью определения типа рынка и свойственных ему условий. Представители данного подхода рассматривают конкуренцию как наличие свободы принятия решения о вступлении на рынок и ухода с него, причем как покупателями, так и продавцами. Представителями данного подхода являются А.О. Курно (*Блауг, 2008*), Ф. Найт (*Найт, 2003*), Э.Х. Чемберлин (*Чемберлин, 1997*), Дж. Робинсон (*Робинсон, 1986*), Л.Н Качалина (*Качалина, 2006*).

3. Функциональный подход. Согласно этому подходу, конкуренция – это динамический процесс, стремящийся к новому состоянию, в котором именно механизм конкуренции вытесняет с рынка нежизнеспособных производителей. Другими словами, конкуренция идентифицируется как механизм, обеспечивающий разнообразие и эффективное распределение ресурсов, а также балансирующий цены и стимулирующий инновации. Представителями данного подхода являются Й.А. Шумпетер (*Шумпетер, 1982*), Ф. Хайек (*Хайек, 1989*), М. Портер (*Портер, 2010*), А. Шаститко (*Шаститко, Голованова, 2012*).

4. Институциональный подход. В рамках этого подхода конкуренция рассматривается как требование эффективной производительности, деятельности учреждений частной собственности и реакции субъекта конкурентной борьбы на сигналы рынка. Особенность конкуренции как института заключается в том, что в нем отсутствует способность самоорганизации, т.е. необходимо регулирование такого института со стороны государства. Представителями данного подхода являются Т. Веблен (*Веблен, 1984*), Дж. Р. Коммонс (*Коммонс, 2011*), Дж. К. Гэлбрейт (*Гэлбрейт, 2004*), Р.М. Нуреев (*Нуреев, 2009*).

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что с годами содержание понятия «конкуренция» и его исследование постоянно дополнялись и усложнялись. В основе исследования теории конкуренции находится вопрос формирования и развития понятия «конкурентоспособности».

Функции конкуренции. Как важнейший механизм регулирования экономики на макроуровне, конкуренция выполняет в современной российской экономике шесть основных функций: регулирующую, аллокационную, инновационную, адаптационную, распределительную и контролирующую (Оберт, 2014).

Регулирующая функция заключается в воздействии конкуренции на предложение и скрытое за ним производство благ в целях установления их оптимального соответствия спросу (потреблению). С помощью этой функции проявляется тенденция определения предложения спросом, а параметров производства – индивидуальными и общественными потребностями. В конечном счете речь здесь идет о создании реального «суверенитета потребителя» взамен «суверенитета производителя». Девизом этой функции выступает принцип: производите только то, что сумеете продать, а не пытаться продать то, что сумели произвести.

Аллокационная функция конкуренции (иначе – функция размещения) выражается в эффективном размещении факторов производства (в первую очередь труда, земли и капитала) в местах (хозяйственных организациях и регионах), где их применение обеспечивает наибольшую отдачу.

Инновационная функция конкуренции обнаруживается в различных проявлениях новаторства (нововведений), опирающихся на достижения научно-технического прогресса и предопределяющих динамизм субъектов рыночной экономики.

Адаптационная функция нацелена на рациональное приспособление предприятий к условиям внутренней и внешней среды, что позволяет им переходить от простого самосохранения (экономического выживания) к расширению сфер хозяйственной деятельности.

Распределительная функция конкуренции оказывает прямое и косвенное воздействие на распределение произведенных благ (валового национального продукта) среди потребителей.

Контролирующая функция конкуренции призвана не допустить установления монополистического диктата одних агентов рынка над другими. Реализация данной функции осуществляется через мероприятия по формированию, оценке и регулированию конкурентной среды.

Многообразие проявлений экономической конкуренции обуславливает несколько основных тенденций развития конкуренции на макроуровне. Это, прежде всего, усиление интенсивности конкуренции среди продавцов, диверсификация предпринимательской деятельности, смещение приоритетов в сторону неценовой конкуренции, расширение национальной сферы деятельности предприятий, глобализация конкуренции. Следует отметить, что смещение приоритетов в сторону неценовой конкуренции в большей степени характерна для стран с высоким уровнем развития рынка.

Наиболее важной тенденцией развития конкуренции на микроуровне в настоящее время является сочетание конкуренции и кооперации. Возникновение данного парадокса обусловлено переходом рынка в постиндустриальную и информационную эпоху, когда происходит снижение роли ценовой и усиление значения неценовой конкуренции. Выпускаемые товары становятся более разнообразными, обновление предлагаемых фирмами-производителями моделей происходит более часто, создаваемые изделия обладают более высокими потребительскими свойствами. В такой ситуации идея борьбы за долю рынка становится менее важной, чем внутрифирменная конкуренция, подталкивающая предприятия к улучшению потребительских качеств продукции, совершенствованию технологии и т.д. Наиболее преуспевающими в этом случае оказываются фирмы, которым удается создать атмосферу внутренней конкуренции между различными подразделениями и даже отдельными сотрудниками (*Коробов, 1996*). Желание предпринимателей уменьшить риск и увеличить прибыль привело к усилению межотраслевой конкуренции в форме перелива капитала и возникновению многоотраслевых предприятий – конгломератов и финансово-промышленных групп. Все это способствует активному развитию межотраслевых хозяйственных связей и усилению роли регионов в экономике. Эта тенденция обуславливает рост значения такой сферы экономических отношений, как мезоэкономика, и ведет к развитию нового уровня проявления конкурентных отношений – конкуренции на региональном уровне. Многоуровневый характер – это важная черта современной конкуренции. Развитие конкурентных отношений на мезоуровне при этом может рассматриваться как одна из наиболее актуальных тенденций развития конкуренции в России.

Виды конкуренции. В настоящее время в экономике действует 5 типов конкуренции по взаимоотношениям на рынке:

1. Совершенная конкуренция. В такой системе существует огромное количество продавцов и потребителей. Именно этот фактор влияет на то, что стать лидером рынка довольно сложно. При совершенной конкуренции всегда действует множество альтернативных вариантов. Демпинговать стоимость товаров практически невозможно.

2. Несовершенная конкуренция. Это комбинация монополии и совершенной конкуренции, где главная разница – это дифференциация участников рынка. Они могут контролировать ценообразование, завышая цены и извлекая более высокую прибыль.

3. Монополия. Монополия кардинально отличается от совершенного вида конкуренции. В этой системе только один производитель выпускает товары и услуги, на которые наблюдается высокий спрос среди целевой аудитории. Качественных альтернатив нет, поэтому компания-

монополист фактически захватывает рынок. В то же время не всегда потребители готовы платить выбранную монополистом сумму.

4. Олигополия. Это схожее с монополией явление, где главное отличие заключается в том, что на рынке действует не одна компания-монополист, а много подобных организаций. Они доминируют над остальными, более мелкими предприятиями, фактически удерживая власть в своих руках, стараясь договориться друг с другом, чтобы самостоятельно устанавливать цены.

5. Моносония. Дифференциация в моносонии работает по принципу количества покупателей. Если при совершенной конкуренции количество потенциальных клиентов неограниченно, то особенность моносонии – это наличие всего лишь одного покупателя для конкретного товара или услуги. Такая система распространена в сфере государственных закупок.

Искусственная монополия – это более распространенный тип, где несколько крупных игроков рынка объединяются ради его полного захвата. Сегодня существует четыре основных формы искусственной монополии: картель, концерн, синдикат и трест.

Картель – это совокупность компаний, принадлежащих к одной отрасли. Они заключают договор о ценообразовании, распределяют между собой сегменты рынка и его долю для каждого участника.

Синдикат – другая совокупность организаций из одной сферы. В отличие от картеля, у участников синдиката остается свобода в сфере производства и право на собственность. В то же время такие компании теряют коммерческую самостоятельность, поскольку все товары и услуги реализуются через определенную систему.

Концерн – форма объединения предприятий, работающих в разных отраслях, но подчиняющихся единому органу финансового контроля.

Трест – акционерное общество, участники которого лишаются коммерческой, производственной и в некоторых случаях юридической самостоятельности. Во главе такой группы стоит компания-лидер.

Монополия имеет как позитивные, так и негативные последствия. Позитивное влияние выражается в снижении издержек на фоне экономии средств на производство, а также развитии технологий благодаря большому количеству доступных ресурсов. Негативная сторона монополии – это нарушение прав потребителей, вынужденных приобретать товары и услуги по необоснованно завышенным ценам.

В большинстве стран на сегодняшний день действует антимонопольное законодательство, позволяющее контролировать деятельность монополий. В России такая функция закреплена за Федеральной антимонопольной службой (ФАС).

1.3 Содержание понятия конкурентоспособности региона

Термин «конкурентоспособность» – многоаспектное понятие, которое может быть раскрыто на различных иерархических уровнях в зависимости от объекта исследования. При этом каждый уровень имеет свои специфические особенности, а также они теснейшим образом связаны между собой – прямыми и обратными связями. Так, конкурентоспособность страны определяется конкурентоспособностью товаров, предприятий, отраслей, городских округов, муниципальных образований, регионов, макрорегионов. Вместе с тем, высокая конкурентоспособность страны создает благоприятные предпосылки для повышения макрорегиональной, региональной, отраслевой конкурентоспособности, а также конкурентоспособности на уровне предприятий и товаров. Такое многоуровневое содержание понятия «конкурентоспособность» позволяет изучать конкурентоспособность региона как самостоятельный объект исследования.

Выделение региональной конкурентоспособности. Критики понятия конкурентоспособности региона утверждают, что оно является бессмысленным. Так, П. Кругман (*Krugman, 1994*) относится к современному «увлечению конкурентоспособностью» критически. Он описывает её как «опасное заблуждение» и приводит следующие доводы:

– Конкурентоспособность – «привилегия» фирм, другими словами, нельзя проводить аналогию между страной (регионом) и фирмой. Например, неконкурентоспособная фирма банкротится и выходит из рынка, чего никак нельзя сказать о стране или регионе;

– Как известно, фирмы конкурируют за долю ограниченного рынка. Это означает, что успех одной фирмы приводит к потерям для других фирм (“zero-sum game”). В региональном аспекте успех одного региона, наоборот, создает, а не разрушает возможности для развития других;

– Конкурентоспособность можно описать как производительность: чем она выше, тем выше конкурентоспособность и наоборот. А рост национального уровня жизни, по сути, определяется темпами роста производительности. Иными словами, общая производительность на территории региона и создает её способность конкурировать с другими регионами.

Сторонники понятия конкурентоспособности в стране или регионе – М. Портер (*Портер, 1993*), А.З. Селезнев (*Селезнев, 1999*), Н.Я. Калюжнова (*Калюжнова, 2003*) и др. – признают описанную выше точку зрения, однако выделяют следующие аргументы в свою защиту: повышение экономических показателей одного субъекта не должно происходить за счет снижения показателей других (то есть основной целью повышения конкурентоспособности региона не является «победа» над другими), а производительность – это одна из основных составляющих конкурентоспособности региона.

Мы разделяем позицию авторов второй точки зрения, согласно которой также существуют конкурентные отношения между регионами (или странами), однако некоторыми признаками они отличаются от конкурентоспособности предприятий.

Содержание понятия «конкурентоспособность региона». В настоящее время в экономической литературе существует достаточно большое количество определений и способов оценки конкурентоспособности региона. Всё разнообразие данной трактовки, раскрывающее содержательную сторону данного явления, можно выделить в рамках двух подходов: 1) конкурентоспособность региона как способность региона быть более эффективным на каком-либо конкурентном поле; 2) конкурентоспособность региона как возможность регионов приспосабливаться к изменяющимся условиям с точки зрения удержания или улучшения позиции в процессе конкуренции, т.е. определяет положение регионов среди других регионов.

В рамках первого подхода присутствуют различные точки зрения относительно конкурентоспособности региона.

М. Портер рассматривает конкурентоспособность региона как экономическую категорию, характеризующую способность территории достигать высокого и постоянно растущего уровня жизни за счёт повышения производительности использования труда и капитала как действующими, так и новыми предприятиями (*Портер, 1993*). Более того, он, стремясь дать содержательную характеристику конкурентоспособности региона, обращает внимание не только на эффективное применение факторов производства, но и на географические признаки хозяйствования. Географическое положение территории понимается как компонент конкурентоспособности региона, способный как усилить её, так и ослабить.

Позитивным моментом в этой позиции является установление характеристик, определяющих конкурентоспособность: месторасположение территории и предприятий, степень развитости технологии, овладение факторами производства, уровень модернизации выпускаемой продукции, возможность внедрять новшества. Слабым моментом – отсутствие для развивающихся стран дополнительных характеристик: уровня развития инфраструктуры, степени интеграции в мировую (национальную) экономику, управления экономическими процессами в регионе и структур, осуществляющих такое управление.

Медушевская И.Е. определила конкурентоспособность региона как способность региональных властей функциями управления и регулирования создавать условия рационального использования экономического потенциала территории для более полного удовлетворения возрастающих потребностей общества (*Медушевская, 2001*). В данной трактовке она рассматривала регион как систему, состоящую из таких элементов, как кон-

курентный потенциал региона, факторы и условия формирования конкурентной среды, эффективность использования ресурсов и рыночные механизмы управления экономическим потенциалом региона для более полного удовлетворения потребностей человека.

Положительной стороной в данном определении является попытка содержательной трактовки конкурентоспособности региона через системообразующие элементы, которые дают возможность эффективно использовать экономический потенциал территории, отрицательной – в системе не учтены критерии выбора элементного состава и его содержательная характеристика.

По мнению В.Н. Парахиной и К.А. Парахина, в основе конкурентоспособности региона лежит такой динамический процесс, как конкуренция. Конкурентоспособность региона – это способность региона выдерживать конкуренцию на определенном рынке. В частности, такими рынками могут выступать три уровня рынков: субфедеральный и национальный в Российской Федерации, а также мировой; и три вида рынков: труда, капитала и производства товаров (*Парахина, Парахин, 2002*). Указанные авторы полагают, что развитие территориальной конкуренции как динамический процесс несет позитивные и негативные последствия, которые влияют на усиление или ослабление конкурентного потенциала регионов, а овладение приёмами конкурентной борьбы позволяет активизировать существующие резервы для решения задач территориального развития. Здесь присутствует сопряженное, но не тождественное содержание понятий «конкуренция» и «конкурентоспособность».

Все позиции, отражающие содержание конкурентоспособности региона, в рамках первого подхода имеют как позитивные, так и негативные моменты. Сам подход акцентирует внимание на исследовании конкурентоспособности территории в динамике, то есть способности региона быть действенным в конкурентной борьбе. Такой подход не универсален, поскольку не учитывает статический аспект – положение регионов среди других.

В рамках второго подхода интересным представляется взгляд Е.Е. Нефедовой на решение проблемы, направленной на установление содержания конкурентоспособности региона. По её мнению, конкурентоспособность территории как конкурентный потенциал обладает рядом признаков, с помощью которых можно оценить положение региона среди других регионов (*Нефедова, 2001*). При этом выделяются глубинные признаки (обладание регионом развитой системой производительных сил, уровень применения достижений технического прогресса на предприятиях региона, степень развития образования жителей определенной территории и другие аналогичные характеристики) и поверхностные признаки конкурентоспособности региона (эффективность управления экономикой, ско-

рость и простота протекания экономических процессов, процесс формирования и осуществления хозяйственного механизма и институциональные составляющие).

К достоинству точки зрения, выраженной Е.Е. Нефедовой, можно отнести включение в содержание конкурентоспособности территории набора его системообразующих признаков, посредством которых можно описать конкурентный потенциал региона. В то же время, серьезным недостатком здесь является введение в базовый состав поверхностных признаков институциональной характеристики, а также невыявленность механизма такого взаимодействия.

Аналогичного взгляда на содержание региональной конкурентоспособности придерживается В.С. Гусаров, включая в него совокупность базовых и обеспечивающих признаков конкурентоспособности. К базовым признакам конкурентоспособности региона автор относит обладание регионом развитой системой производительных сил, включающей в себя природные богатства, уровень применения достижений технического прогресса на предприятиях, степень развитости интеллекта жителей определенной территории. Обеспечивающие признаки конкурентоспособности региона определяются как система хозяйствования в нем, что формируется в виде эффективности управления экономикой, скорости и простоты протекания экономических процессов, политического оформления и социальных характеристик (Гусаров, 2004).

Следует отметить, что по своей природе и структуре данные признаки ничем не отличаются от тех, которые были описаны Е.Е. Нефедовой. Здесь, как и в предыдущем случае, вне зоны исследования оказалось описание механизма взаимодействия базовых и обеспечивающих признаков.

А.З. Селезнев под конкурентоспособностью региона понимает обусловленное экономическими, социальными, политическими и другими факторами положение региона и его отдельных товаропроизводителей на внутреннем и внешнем рынках, отражаемое через показатели (индикаторы), адекватно характеризующие такое состояние и его динамику (Селезнев, 1999). Он полагает, что конкурентоспособность территории определяется уровнем жизни населения на основе международных стандартов, а также способностью региональных властей создавать условия для устойчивого развития.

Конструктивным моментом в данном определении является установление зависимости между конкурентоспособностью территории и уровнем жизни населения, который по своей сути проявляется как конечный индикатор, характеризующий конкурентное положение региона и его динамику.

Следует отметить, что предложенная трактовка не является достаточной. Для того, чтобы таковая обрела целостный облик, в неё, за исключением существующих факторов, правомерно включать цели, задачи и условия формирования конкурентоспособности территории.

Шнипер Р.И. считает, что содержание конкурентоспособности региона определяет его конкурентный потенциал, который зависит от той конкурентной позиции, которую занимает конкретная территория. Конкурентная позиция региона находится в прямой зависимости от социально-экономического, научно-технического и кадрового потенциалов – той базы, на которой формируется конкурентоспособность региона того или иного субъекта федерации. Посредством воздействия факторных условий эта база из состояния потенции трансформируется в новую действительность – конкурентное положение региона (*Шнипер, 1995*).

Положительным моментом здесь является определение зависимости конкурентоспособности региона от уровня конкурентного (экономического) потенциала и конкурентной позиции, отрицательным – слишком узкое рассмотрение конкурентоспособности региона как совокупности его конкурентных позиций, потому что здесь не учитывается способность территории участвовать в конкуренции с другими территориями на основе конкурентных преимуществ.

Итак, все приведенные точки зрения в рамках второго подхода к описанию содержания конкурентоспособности региона определяют данное явление с одной принципиальной стороны: конкурентоспособность регионов указывает на их положение среди других подобных экономических субъектов. Вместе с тем можно обозначить три крайности указанного подхода к формированию содержательной базы конкурентоспособности региона: во-первых, наличие у региона собственного мотива к деятельности и ожидание положительных для себя результатов; во-вторых, присутствие способности удерживать или укреплять свои конкурентные позиции; в-третьих, наличие способности противостоять регионам-соперникам.

Таким образом, проведенный анализ показал, что не существует общих точек зрения по определению конкурентоспособности региона. Многие исследователи по-своему трактуют данное явление и раскрывают его содержательную базу.

При определении конкурентоспособности региона в современных условиях, которые характеризуются дефицитностью определенных региональных ресурсов, особенно инвестированных в инновации, сменой устоявшихся связей и взаимоотношений между территориями, возрастающим уровнем самостоятельности региональных хозяйственных систем, целесообразным представляется сбалансированное использование концептуальных положений двух вышеописанных подходов.

Исходя из вышесказанного, под конкурентоспособностью региона понимается способность и возможность наиболее эффективно реализовывать имеющийся в регионе конкурентный потенциал и обеспечивать высокий уровень жизни населения путём формирования эффективных механизмов, создания, удержания и развития конкурентных преимуществ. Именно такая трактовка содержания конкурентоспособности дает возможность разработки методики оценки, определения уровня, слабых мест и мер повышения региональной конкурентоспособности на практике.

1.4 Разработка методики оценки конкурентоспособности

В настоящее время ухудшение экономической обстановки в России, вызванное пандемией COVID-19 и введением новых санкций, привело к падению цен на энергоресурсы, снижению курса рубля, росту уровня инфляции, увеличению численности безработных, резкому снижению доходов малого и среднего бизнеса, уменьшению реальных доходов населения, оттоку капитала и др. В такой ситуации одним из основных резервов роста экономики является повышение конкурентоспособности регионов, так как их социально-экономическое развитие оказывает влияние на экономику страны в целом. Поэтому проблемы повышения конкурентоспособности региона являются одними из самых значимых. Эти обстоятельства определяют необходимость исследования методических и практических аспектов оценки конкурентоспособности региона.

В российской и зарубежной экономической литературе существует множество подходов к оценке конкурентоспособности региона, в основе которых лежат определенные индикаторы, позволяющие измерить конкурентоспособность и изменения, влияющие на положение территории относительно других регионов.

Отечественные методики. Первый подход к оценке базируется на вычислении интегрального показателя. Так, В.Н. Парахина и Л.И. Ушвицкий для оценки конкурентоспособности региона предложили использовать интегральный показатель конкурентоспособности, в основе которого лежат 22 частных показателя (*Ушвицкий, Парахина, 2005*). Поскольку данный показатель относительный, то он, как правило, не зависит от территории и численности проживающих в регионе. Использование относительных показателей позволяет наиболее объективно оценить субъекты по сравнению с объемными показателями, нивелируя межрегиональные различия в специализации. Авторы отмечают, что власти (государство), акцентируя внимание на решении выявленных проблем, благоприятно влияют на благосостояние работающих, уровень жизни населения и обеспечивают его рост. Эффективное использование ресурсов с ростом вложений в основной капитал свидетельствует об уровне развития территории. А это, в свою очередь, отражает инвестиционную привлекательность регио-

на. Модель оценки конкурентоспособности регионов В.Н. Парахиной и Л.И. Ушвицкого имеет ряд преимуществ: сформулирована концепция оценки конкурентоспособности региона; показатели для оценки обоснованы, а информационная база для исследования является доступной. Предлагаемая методика апробирована. Отметим и недостаток данной методики: необходимо дополнение и обоснование перечня показателей, которые характеризуют конкурентоспособность регионов.

Критерии, позволяющие оценить уровень благосостояния и качество жизни населения, положены в основу определения конкурентоспособности региона В.Е. Андреевым (*Андреев, 2000*). В основу показателя конкурентоспособности региона заложен региональный рынок и механизм ценообразования на нем. Интегральный индекс конкурентоспособности региона В.Е. Андреева рассчитан на основе двух сводных индексов: конкурентоспособности предприятий региона и институционального развития региона. Каждый из указанных индексов формируется за счет нескольких составляющих. Индекс институционального развития состоит из индексов, которые характеризуют степень влияния условий региональной экономики на функционирование предприятий данного региона. Индекс конкурентоспособности предприятий региона включает индексы, дающие характеристику влиянию экономического состояния исследуемых организаций на общеэкономические условия региона. В основу расчетов сводных индексов положены частные индексы, которые, в свою очередь, формируются на основе социально-экономических показателей либо экспертных оценок. Среди преимуществ методики В.Е. Андреева можно отметить наличие структурно-концептуального подхода к оценке конкурентоспособности региона и доступность информационной базы для проведения исследования. Среди недостатков рассматриваемой методики можно выделить тот факт, что основное внимание сосредоточено на ценообразовании, в то же время отсутствуют показатели социальной направленности, что свидетельствует об узком подходе к оценке конкурентоспособности регионов.

В.В. Меркушов считает, что сопоставление интегрального показателя конкурентоспособности субъекта с аналогичным показателем региона-эталона даст возможность оценить уровень конкурентоспособности исследуемого региона (*Меркушов, 2004*). Среди показателей, используемых для расчета, автором предложены следующие: показатели экономического потенциала, региональной эффективности и конкурентных преимуществ. Для оценки В.В. Меркушов использовал многомерные непараметрические методы, в частности, такие, как метод относительных разностей, метод «Паттерн». Интегральная оценка конкурентоспособности регионов В.В. Меркушова характеризуется следующими преимуществами: методика обоснована; используется трехкомпонентная система показателей для оценки конкурентоспособности регионов; информационная база, необхо-

димая для исследования, доступна. Недостатком данной методики являются отсутствие показателей социальной направленности и индикация только общего экономического развития территории.

Следует согласиться с А.В. Ермишиной в том, что конкурентоспособность региона – это не только наличие конкурентоспособных отраслей, но и создание условий для формирования и сохранения конкурентных преимуществ хозяйствующих субъектов со стороны региональных властей (Ермишина, 2021). По мнению автора, кластеризация региона – основа его конкурентной устойчивости. Она считает, что необходимо проводить анализ конкурентной устойчивости организаций региона, взаимоувязав его с конкурентной устойчивостью отрасли. Оценка предусматривает как качественный (исследование ресурсной базы), так и количественный анализ (на основе статистических показателей) конкурентной среды, а также выявление тех конкретных секторов экономики, в которых целесообразно создание и развитие кластеров. Среди преимуществ методики оценки конкурентоспособности региона А.В. Ермишиной можно отметить обоснование методики и использование многофакторного анализа конкурентной устойчивости региона. Однако эта методика имеет ряд недостатков: так, она направлена исключительно на оценку потенциала кластеризации региона, кроме того, имеется ограниченный доступ к информационной базе, необходимой для исследования.

В методике группы авторов под руководством Н.Я. Калужновой (*Регион на перекрестке...*, 2003) индекс конкурентоспособности строится на двух основных параметрах – итоговом показателе конкурентоспособности, выражаемом через показатели экономического роста, уровня жизни и конкурентоспособности продукции, и итоговом показателе конкурентных преимуществ, определенных с использованием девяти показателей. Вместе с тем, набор показателей не однозначен. В частности, для оценки инфраструктурных преимуществ используется только показатель плотности автодорог. Однако не меньшее значение имеют железные дороги, аэропорты. Уровень жизни оценивается показателем валового регионального продукта на душу населения (по покупательной способности), но не учитывается уровень развития образования и здравоохранения в регионе, обеспеченность жильём и т. п.

Группа исследователей под руководством Б.М. Гринчеля (*Гринчель, Назарова, 2014*) предлагает два подхода к оценке уровня конкурентоспособности региона. Первый – метод ранговой оценки по группе из 23 показателей, характеризующих географическое положение и социально-экономическое развитие регионов, что позволяет оценить общую социально-экономическую конкурентоспособность конкретного региона в пространстве страны. В этой методике предлагается оценивать конкурентоспособность региона через три группы параметров: социально-

экономическая оценка конкурентоспособности, уровень специализации региона, оценка профильности региона по доле производства отдельных видов промышленной продукции в общероссийском производстве. При этом авторами оценивается именно промышленная специализация регионов и не учитывается третичный сектор экономики.

Второй подход оценки конкурентоспособности регионов и городов базируется на измерении потенциалов этих территориальных экономических систем. В данной методике рассматриваются ресурсный, финансовый, экологический и организационный потенциал региона и качество жизни в нем.

В методике Печаткина В.В., Салихова С.У., Саблиной В.А. оценка строится на двух проблемно-содержательных блоках: способности региона производить товары и услуги в условиях конкуренции с другими регионами (17 показателей), способности региона удовлетворять потребности населения (16 показателей) (*Печаткин, Салихов, Саблина, 2004*).

Сравнение апробации методики по оценке уровня конкурентоспособности регионов Российской Федерации, представленной в работах указанных авторов с результатом оценки по показателю удельной оплаты труда показало диаметрально расхождение в оценках (*Логина, 2008*). Если по показателю УОТ Москва и Санкт-Петербург оказались в разных группах (соответственно 5 и 3), что свидетельствовало о низкой конкурентоспособности этих регионов, то по рейтинговым оценкам эти регионы являются лидерами конкурентоспособности, что более соответствует, на наш взгляд, реальному положению дел. Это показывает серьезный недостаток этой методики, поскольку только по удельному весу оплаты труда нельзя достоверно оценить уровень конкурентоспособности региона.

Л.Н. Чайниковой в монографии проведена оценка конкурентоспособности областей Центрально-Черноземного экономического района согласно разработанной методике, основанной на анализе 18 показателей, сгруппированных по направлениям: уровень социально-экономического развития, качество жизни и обеспеченность региона объектами социальной и инженерной инфраструктуры (*Чайникова, 2008*). Недостатком этой методики является отсутствие показателей, характеризующих экологическую ситуацию территории.

Л.С. Шеховцевой для оценки конкурентоспособности регионов предложена методика интегральной оценки стратегической конкурентоспособности. В основе рассматриваемого показателя предложен расчет среднегеометрических индексов социальной (на основе оценки уровня жизни по четырем показателям), инновационной (на основе оценки уровня инновационного развития по четырем показателям), инвестиционной (на основе оценки инвестиционной привлекательности по четырем показателям) и экономической (на основе оценки уровня экономического развития

по четырем показателям) конкурентоспособности (*Шеховцева, 2007*). Несмотря на доступность статистических данных для расчета предлагаемых индексов, данная методика требует коррекции и модификации в связи с изменением методики расчета отдельных показателей Росстатом. В частности, речь идет об уровне рентабельности активов промышленности и доли сферы услуг в ВРП.

М.И. Муратова предлагает ранжировать регионы по уровню конкурентоспособности на основе многомерных группировок, не останавливаясь на использовании одного показателя (*Муратова, 1998*). На основе рассчитанных средних значений факторных признаков по кластерам автор разделяет регионы России на шесть однородных групп (кластеров). Следует отметить, что предложенные в работах методики оценки конкурентоспособности регионов имеют существенные недостатки: в них явно преобладают показатели уровня экономического развития, характерные для индустриальной стадии.

М.А. Комарова, проведя анализ подходов к оценке конкурентоспособности региона, приводит мнения Ф.Н. Клоцвога и И.А. Кушникова, которые оценку конкурентоспособности региона предлагают проводить на основе оценки его ресурсного потенциала, то есть такой величины конечного продукта или национального дохода, получение которого возможно при максимально эффективном использовании фактически имеющихся в регионе ресурсов (*Комарова, 2007*). М.А. Комарова подчеркивает, что управленческие и информационные технологии, рыночная инфраструктура и квалификация людей – это основные факторы, которые влияют на экономический рост и повышают конкурентоспособность территории в постиндустриальной экономике. По мнению М.А. Комаровой, рассматриваемые факторы были учтены в методике Н.И. Лариной и А.И. Макаевой при оценке конкурентоспособности регионов Сибирского федерального округа (*Ларина, Макаева, 2006*). Авторы предложили для оценки индексы текущей и стратегической конкурентоспособности, в основе которых лежат расчеты индексов развитости инфраструктуры и коммуникационных систем, внешнеэкономической деятельности, инновационности.

С.Г. Важенин, А.Р. Злоченко и А.И. Татаркин разработали методику оценки конкурентоспособности федеральных округов (макрорегионов), проверенную на примере Уральского федерального округа в сравнении с некоторыми другими округами и регионами РФ по параметрам их экономического поведения: затраты на рабочую силу и их структура, интенсивность обновления основных фондов, конъюнктура инвестиционного рынка, инновационная мобильность (*Важенин, Злоченко, Татаркин, 2004*). Однако в этой методике отсутствует интегральная оценка конкурентоспособности округа.

С.В. Казанцев разработал методику оценки конкурентоспособности регионов по отношению ВРП региона к ВВП страны в душевом ис-

числении (*Казанцев, 2004*). Оценка факторов конкурентоспособности основана на относительных показателях, таких как территория региона, капиталовложения, основные фонды, денежные доходы, плотность железных дорог и автодорог, кредиты, количество занятых в НИОКР. Недостатком этой методики являются использования одного показателя ВРП и ВВП при измерении региональной конкурентоспособности, а также отсутствие показателей экологии среди факторов.

Ю.А. Фридман, Г.Н. Речко, Ю.А. Писаров для оценки конкурентоспособности региона предложили использовать методику, которая включает, во-первых, идею «привлекательности» для развития бизнеса и жизни людей; во-вторых, предложен подход и алгоритм измерения конкурентоспособности; в-третьих, разработаны основные элементы модельно-методического обеспечения для количественной оценки уровня конкурентоспособности, в том числе выделены и описаны статистически надежными показателями пять конкурентно значимых факторов из 26 показателей – уровень экономического потенциала региона (5) и эффективность его использования (3), привлекательность региона для населения (4) и для бизнеса (5), инновационность экономики региона (9) (*Фридман, Речко, Писаров, 2014*). Для оценки рассчитывается интегральный (сводный) коэффициент, обобщающий данные всех частных показателей, которые переведены в относительные величины.

Эта модель для оценки конкурентоспособности региона имеет ряд преимуществ: сформулирована концепция оценки конкурентоспособности региона; показатели для оценки обоснованы, а информационная база для исследования является доступной; использованы относительные индикаторы, которые, как правило, не зависят от территории и численности проживающих в регионе, а также присутствует один из основных факторов – инновационность экономики. Недостатком данной модели является отсутствие конкурентно значимых факторов – информационности и коммуникационности экономики, а также охраны окружающей природной среды (экологии).

В основе методики инвестиционно-консалтинговой компании AV RCI лежит индекс конкурентоспособности региона – комплексная оценка, характеризующая фактическую способность территории конкурировать за ресурсы и рынки сбыта. Этот индекс отражает фактическую реализацию факторов конкуренции, т.е. оценивает индикаторы, отражающие результаты межрегиональной конкуренции.

Системная оценка конкуренции регионов проводится по семи направлениям конкуренции, являющимися фокусом стимулирования роста региональной конкурентоспособности: 1) рынки (продукты и экономические комплексы); 2) институты (государственные, частные и общественные); 3) человеческий капитал; 4) инновации и информация; 5) природные ресурсы и устойчивое развитие; 6) пространство и реальный капитал; 7)

инвестиции и финансовый капитал. А также используются 100 показателей и анкетные опросы. Достоинством является ряд оригинальных подходов к оценке институционального и коммуникационного потенциала, а недостатком – большое число факторов, которое уменьшает влияние стратегически значимых.

Методика Евразийского института конкурентоспособности учитывает более десяти показателей регионального развития, в том числе уровень среднедушевого валового регионального продукта (ВРП), численность населения, богатство кластерных портфелей, бизнес-климат, а кроме того, наличие у губернаторов и региональных правительств стратегии на «опережающее развитие и партнерство с бизнесом» (*Шаповалов, Акинин, 2006*). Недостатком данной методики является слабое отражение показателей социальной сферы и отсутствие индикаторов экологии.

Рейтинг конкурентоспособности регионов России IRPEX подготовлен Институтом региональной политики. Для определения конкурентоспособности регионов и для ранжирования регионов оцениваются 130 экономических, социальных, финансовых и территориальных факторов. Часть из них берется из официальных источников (статистических данных специальных служб по тарифам, налогам), а часть – из экспертных и социологических опросов. Рейтингом IRPEX оцениваются следующие составляющие развития региона: динамика и устойчивость экономического положения региона; уровень конкурентоспособности; вид конкурентных преимуществ, которые смогли обеспечить региону высокую позицию в рейтинге (имеются в виду территориальный, финансовый, социальный или экономический вид конкурентных преимуществ). После тщательного анализа всех показателей конкурентоспособности регионы распределяются по следующим группам: лидирующие, относительно благополучные, средняя группа, отстающие и проблемные (*Отчет о результатах рейтинга..., 2013*).

Зарубежные методики. Методика Международного экономического форума. Она оценивает два параметра: рост конкурентоспособности (The Growth Competitiveness Index) и уровень микроэкономической конкурентоспособности (The Microeconomic Competitiveness Index) с использованием 188 критериев (*Schwab, 2019*). Уровень роста определяется тремя компонентами: технология, общественные институты и макроэкономическое развитие, которые позволяют оценить экономический рост страны на среднесрочную и долгосрочную перспективу. Включение таких параметров в оценку обусловлено следующей аргументацией авторов: «Без технологического прогресса страны могут достигать высоких стандартов жизни, например, через высокий уровень капитальных вложений, однако, они не способны обеспечить высокий экономический рост на долгосрочный период. Институты создают уверенность в достижении задач, помогая заключить контракты на легальной основе. Денежная и фискальная полити-

ка, стабильность финансовых институтов важны для динамики экономики как в краткосрочном периоде, так и для роста, рассчитанного на долгосрочный период».

Оценка параметров в методике строится на комбинации статистических и экспертных оценок, строящихся на ответах экспертов на ряд вопросов. Например, при оценке субкомпонента технологического компонента «Информационные и коммуникационные технологии» используются такие статистические показатели, как количество пользователей Интернета на 10 000 жителей, количество персональных компьютеров на 100 жителей и другие и вопросы типа «Насколько государственные программы способствуют развитию информационных и коммуникационных технологий?», «Являются ли информационные и коммуникационные технологии приоритетом для правительства?» Использование таких способов оценки ставит показатели в зависимость от уровня квалификации и степени толерантности экспертов, внося значительную долю субъективизма в оценку.

Микроэкономическая конкурентоспособность оценивается двумя основными компонентами: функционирование и стратегии компаний и качество национальной бизнес-среды. Показатели для оценки уровня конкурентоспособности страны сведены в 12 групп показателей.

Методика Международного института развития менеджмента (*IMD World Competitiveness Yearbook, 2019*). Согласно этой методике, оценка конкурентоспособности страны производится на оценке четырех групп факторов: экономической эффективности национальной экономики, эффективности правительственной политики, эффективности бизнеса и инфраструктуры.

Оценка экономической эффективности национальной экономики базируется на 83 показателях, характеризующих различные стороны национальной экономики: показатели развития национальной экономики, международная торговля, иностранные инвестиции, занятость и цены. Эффективность правительственной политики и уровень конкуренции оцениваются через состояние финансов, налоговую политику, институциональную структуру, законодательство в области предпринимательства, социальную структуру с использованием 77 критериев. Эффективность бизнеса оценивается через объемы вложений в инновации, рентабельность и платежеспособность (69 критериев). 94 критерия используются для оценки состояния инфраструктуры (общая, технологическая инфраструктуры, состояние здравоохранения, образования).

Интересен опыт использования рейтинговых оценок уровня конкурентоспособности штатов и метрополий США (*18th Annual State, 2018*). Для оценки уровня конкурентоспособности штатов используется восемь групп факторных показателей, включающих 44 параметра: государственная и налоговая политика, безопасность, инфраструктура, человеческие

ресурсы, технология, бизнес-инкубаторы, открытость, политика в области окружающей среды. Аналогичная методика применяется и для оценки уровня конкурентоспособности метрополий с использованием практически тех же показателей.

В последнее время активизировалась работа по оценке городов в различных странах. В частности, ASIaweek magazine публикует ранжирование лучших для проживания азиатских городов, которое строится на 28 индикаторах: экономические показатели, уровень образования, окружающая среда и санитарное состояние, уровень здравоохранения, транспорт и связь, личная безопасность, уровень цен на проживание, досуг (Webster, Muller, 2000).

Другим примером оценки конкурентоспособности городов являются исследования The Reason Public Policy Institute (RPPI) в США, в которых проводится оценка уровня конкурентоспособности крупнейших городов штата Калифорния (Segal, Moore, Nolan, 2002). Работа нацелена на определение лучших для проживания городов. Ранжирование строится на показателях, оценивающих месторасположение города, температурный режим, а также показатели сервиса (медицина, транспорт, отдых и т. п.).

Итак, анализ методик оценки конкурентоспособности региона показал, что различные цели, поставленные при оценке, приводят к развитию различных подходов к измерению региональной конкурентоспособности, а показатель конкурентоспособности региона – комплексный и многофакторный. В зависимости от применяемого подхода и поставленных целей авторы используют различные группы показателей. Как правило, относительные показатели наиболее объективно оценивают регионы в отличие от объемных показателей, так как не зависят от численности проживающих в субъекте и размера территории. Использование экспертных оценок в методиках может иметь некую субъективность при определении конкурентоспособности регионов. На объективности выводов также негативно сказывается изменчивость группировок данных и методики их исчисления, что, в свою очередь, влияет на формирование региональной текущей политики по повышению конкурентоспособности территории.

1.5 Анализ динамики уровня конкурентоспособности северных регионов

Мы рассчитываем индекс конкурентоспособности региона следующим образом (1). Предлагаемый индекс представляет собой средневзвешенное значение различных показателей, формирующих факторы конкурентоспособности. Полный перечень показателей и формируемых ими факторов представлен в табл. 1.5.1.

$$I_m = \sum_{i=1}^n \alpha_i * \tilde{X}_{im} \quad (1)$$

где I_m – индекс конкурентоспособности региона m ,
 α_i – вес i -го частного показателя конкурентоспособности в индексе I ,
 $\tilde{X}_{im}$ – i -ый частный показатель региона m после преобразования.

В основе предлагаемой методики лежит концепция привлекательности региона для развития бизнеса и жизни людей. Основываясь на этом, мы выделяем 34 частных индикатора, которые формируют семь конкурентно значимых региональных факторов: уровень экономического потенциала (4 показателя) и эффективность его использования (3), привлекательность региона для населения (4) и для бизнеса (5), инновационность (9) и информационность экономики (5), экологическая ситуация (4).

В отличие от существующих методик оценки, мы уделяем особое внимание фактору охраны окружающей среды. Важность данного фактора с точки зрения корректной оценки конкурентоспособности обусловлена рядом причин. Во-первых, северные территории, несмотря на суровые климатические условия, обладают уязвимой экосистемой. Во-вторых, почти весь Север относится к группе «ресурсных» экономик, то есть тех, чья экономика зависит от добывающей промышленности и связанных с ней отраслей (нефтепереработка, трубопроводный транспорт). Данные виды деятельности характеризуются повышенной экологической нагрузкой. В-третьих, как показывают первоначальные расчеты, значения «экологических» показателей в северных регионах отстают от средних значений по России в целом, и их недоучет при анализе конкурентоспособности может исказить интерпретацию результатов.

Так как фактор конкурентоспособности отражает преимущества или недостатки региона в экономическом соревновании, мы придаем каждому фактору равный удельный вес (14%). Исходя из данного допущения, вес i -го частного показателя оказывается в зависимости от числа показателей, формирующих тот или иной фактор.

Таблица 1.5.1 – Показатели авторской методики оценки конкурентоспособности

№	Фактор	Показатель	Единица измерения
1	Экономический потенциал	Валовой региональный продукт (ВРП)	тыс. руб. / чел.
2		Объем основных фондов	тыс. руб. / чел.
3		Уровень образования (доля имеющих высшее образование среди занятых)	%
4		Инвестиции в основной капитал	тыс. руб. / чел.
5	Использование экономического потенциала	Производительность	тыс. руб. / число занятых
6		Фондоёмкость (соотношение величины основных фондов и ВРП)	руб. / руб.

Продолжение таблицы 1.5.1

№	Фактор	Показатель	Единица измерения
7		Зарплатоемкость (соотношение фонда оплаты труда и ВРП)	руб. / руб.
8	Привлекательность для бизнеса	Сальдированный финансовый результат к объему инвестиций в основной капитал	руб. / руб.
9		Оборот внешней торговли	тыс. дол. / чел.
10		Иностранные инвестиции	долл. / чел.
11		Плотность железных дорог	км / 10000 км ²
12		Плотность автомобильных дорог	км / 10000 км ²
13	Привлекательность для населения	Среднедушевые денежные доходы	руб. / чел. в месяц
14		Доля бедного населения (с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума)	%
15		Расходы консолидированного бюджета	тыс. руб. / чел.
16		Уровень безработицы	%
17	Инновационность экономики	Численность занятых в НИОКР	% от числа занятых в экономике
18		Численность студентов ВУЗов	чел. / 10 тыс. чел. населения
19		Внутренние затраты на исследования и разработки	руб. / 1000 руб. ВРП
20		Затраты на технологические инновации	руб. / 1000 руб. ВРП
21		Выдано патентов	шт. / на одного занятого
22		Доля отгруженной инновационной продукции	%
23		Создано передовых производственных технологий	шт.
24		Доля организаций, осуществлявших технологические инновации	%
25		Использовано передовых производственных технологий	ед. / 1000 предприятий
26	Информационность и коммуникационность экономики	Число персональных компьютеров	шт. / 100 работников
27		Затраты на информационные и коммуникационные технологии	тыс. руб. / чел.
28		Использование персональных компьютеров и сети Интернет в домашних хозяйствах	% от общего числа домашних хозяйств
29		Использование Интернета населением	% от численности населения
30		Число абонентских устройств мобильной связи	шт. / 1000 чел.
31	Охрана окружающей природной среды	Выбросы загрязняющих атмосферу веществ	тыс. тонн / чел.
32		Доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ	%
33		Сброс сточных вод	тыс. куб. м / чел.
34		Затраты на охрану окружающей среды	тыс. руб. / чел.

Источник: составлено авторами по данным Росстата за разные годы (сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели», «Национальные счета России»).

Для приведения показателей в сопоставимый вид используется традиционный подход к стандартизации – метод линейного масштабирования. Так, для преобразования показателей, положительно влияющих на конкурентоспособность региона, применяется формула:

$$\tilde{X}_{im} = \frac{X_{im} - (X_{im})_{\min}}{(X_{im})_{\max} - (X_{im})_{\min}} \quad (2)$$

где X_{im} – i -ый частный показатель региона m до преобразования, $(X_{im})_{\min}$ и $(X_{im})_{\max}$ – его минимальный и максимальный величины соответственно среди всех регионов.

Показатели, отрицательно влияющие на конкурентоспособность региона (*фондоёмкость, зарплатоёмкость, доля бедного населения, уровень безработицы, выбросы загрязняющих атмосферу веществ и сброс сточных вод*), преобразуются следующим образом:

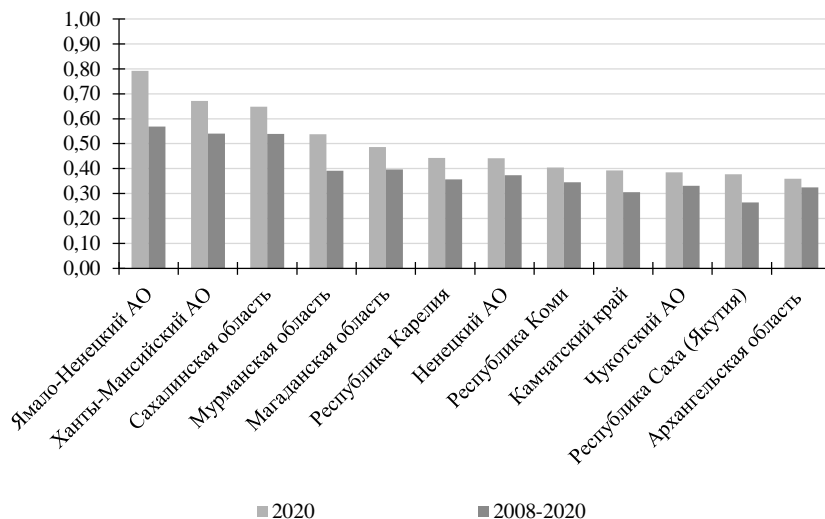
$$\tilde{X}_{im} = 1 - \frac{X_{im} - (X_{im})_{\min}}{(X_{im})_{\max} - (X_{im})_{\min}} \quad (3)$$

Для возможности проведения межрегионального сравнительного анализа первичные данные корректируются на коэффициенты учета межрегиональной дифференциации в уровне цен. Мы используем два подхода к корректировке на межрегиональные различия – индекс бюджетных расходов (ИБР), который используется Минфином России, а также коэффициент стоимости фиксированного набора товаров и услуг, публикуемый Росстатом.

Анализ динамики, рассчитанного по предлагаемой методике индекса конкурентоспособности за 2008–2020 гг., показывает, что к 2020 г. **индекс конкурентоспособности вырос** во всех регионах в сравнении со средними данными за 2008–2020 гг. (рис. 1.5.1). Это объяснимо выбранными периодами анализа и техникой оценки: в течение выбранного периода экономика прошла через несколько периодов, связанных с ухудшением внешнеэкономической конъюнктуры и падением основных макроэкономических показателей, а в 2020 г., несмотря на «коронакризис», улучшению экономической ситуации в сырьевых регионах способствовала благоприятная мировая конъюнктура на внешних рынках. Кроме этого, произошли значительные межтерриториальные сдвиги, а распределение субъектов по признаку конкурентоспособности не было неизменным.

Наиболее сильная положительная динамика отмечена в Ямало-Ненецком АО, Сахалинской и Мурманской областях и Республике Карелия. Для восточных регионов благоприятная динамика объясняется ростом величины фактора «*Информационность и коммуникационность*», для регионов Северо-Запада – более разнообразным составом факторов: «*Охрана окружающей природной среды*» и «*Привлекательность для населения*» для Мурманской области и «*Инновационность*» и «*Использование экономического потенциала*» – для Республики Карелия. Несмотря на рост величины индекса, относительная (по сравнению с другими регионами) кон-

курентоспособность Магаданской области и Ненецкого АО, **напротив, снизилась**, что было вызвано факторами «Использование экономического потенциала» и «Инновационность», соответственно.

Рисунок 1.5.1 – Ранжирование северных регионов по значению индекса конкурентоспособности за 2010–2020 гг.

Источник: расчеты авторов

Примечание: стоимостные данные скорректированы на индекс бюджетных расходов (ИБР). Отмечается место региона при ранжировании по убыванию.

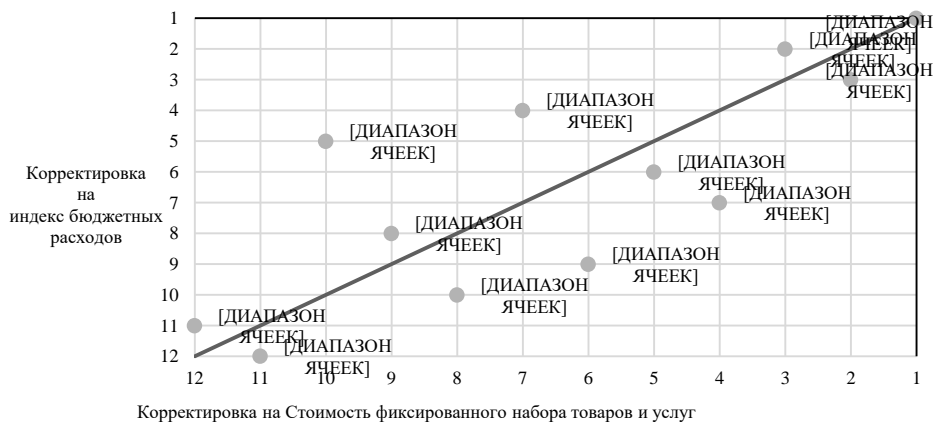
Детальный анализ в разрезе факторов конкурентоспособности показывает, что показатели в группах «Охрана окружающей природной среды» и «Инновационность экономики» являются наименее репрезентативными для суждения об общем уровне конкурентоспособности региона (табл. 1.5.2). Иными словами, именно в данных сферах регионы- лидеры конкурентоспособности весьма заметно отстают от остальных регионов. Напротив, более «показательными» являются факторы «Привлекательность для бизнеса» и «Привлекательность для населения», а также «Информационность и коммуникационность экономики» – высокие позиции по ним наиболее часто совпадают с высокими позициями по интегральному индексу.

Таблица 1.5.2 – Ранжирование регионов по нормированным величинам факторов конкурентоспособности, за 2020 г., место (1-е место означает наилучшую позицию)

Регион	Экономический потенциал	Использование экономического потенциала	Привлекательность для бизнеса	Привлекательность для населения	Инновационность экономики	Информационность и коммуникационность экономики	Охрана окружающей природной среды
Ямало-Ненецкий АО	1	2	3	1	2	1	9
Ханты-Мансийский АО – Югра	3	3	4	3	3	2	6
Сахалинская область	4	4	2	2	8	5	4
Мурманская область	5	9	5	4	4	6	1
Магаданская область	6	6	8	6	1	4	5
Республика Карелия	11	10	1	10	6	8	11
Ненецкий АО	2	1	12	5	11	12	12
Республика Коми	7	11	6	9	7	9	10
Камчатский край	9	8	9	11	5	7	8
Чукотский АО	10	7	11	7	12	3	3
Республика Саха (Якутия)	8	5	10	12	9	10	2
Архангельская область без АО	12	12	7	8	10	11	7

Источник: расчеты авторов.

Корректировка межрегиональной дифференциации в уровне цен через индекс бюджетных расходов (ИБР) приносит более высокие оценки конкурентоспособности для регионов Северо-Запада (Республики Карелия и Коми, Мурманская область) (рис. 1.5.2). Напротив, применение данных о стоимости фиксированного набора товаров и услуг в разных регионах улучшает оценки для субъектов с наиболее высокими издержками жизнеобеспечения – Ненецкого и Чукотского автономных округов, а также Камчатского края. С одной стороны, использование разных подходов к межрегиональной корректировке может существенно повлиять на итоговые результаты для отдельных регионов, с другой – состав регионов на обоих концах распределения не меняется, как и общая картина их расположения. На наш взгляд, будучи более сложным (кроме уровня цен, учитывает такие факторы, как размер средней заработной платы и стоимость жилищно-коммунальных услуг), **ИБР приносит более надежные результаты в рамках межрегионального анализа.** Исходя из этого, оценки конкурентоспособности на основе иных подходов могут быть завышенными для Ненецкого АО и восточных регионов России и заниженными – для регионов Северо-Запада.

Рисунок 1.5.2 – Результаты ранжирования регионов по уровню конкурентоспособности в зависимости от способа корректировки стоимостных показателей

Источник: Минфин РФ, Росстат, расчеты авторов.

Примечание: по данным за 2020 г. ИБР – Индекс бюджетных расходов, используемый Минфином РФ. 1-е место соответствует наивысшей конкурентоспособности.

Эконометрический анализ результатов расчетов по предлагаемой методике позволяет выявить показатели, играющие главную роль в формировании индекса. Так как алгоритм расчета объясняемой переменной – индекса конкурентоспособности региона, – заранее известен, традиционный подход панельной регрессии (4) был нацелен на то, чтобы вывести показатели, вариация которых наиболее «похожа» на вариацию интегрального индекса. Для этого из первоначальных 34-х показателей, участвующих в формировании индекса, для каждого фактора было отобрано 2–3 показателя с наименьшей частной корреляцией (наименее взаимосвязанных друг с другом). Далее шаг за шагом при помощи теста Вальда (Wald) исключались статистически незначимые регрессоры и в итоге были оставлены лишь те показатели, которые формировали уже рассчитанный ранее индекс конкурентоспособности. При этом важным условием было получение взаимно сопоставимых коэффициентов; это было достигнуто через расчет на основе стандартизованных оценок показателей (начальная модель (4)) или на основе показателей после преобразования (модифицированные модели, см. табл. 1.5.3).

$$I_{mt} = \alpha_{mt} * \tilde{X}_{mt} + \gamma_t + \delta_m + \varepsilon \quad (4)$$

где I_{mt} – индекс конкурентоспособности региона m в период времени (год) t ,

$\tilde{X}_{mt}$ – вектор частных показателей региона m после преобразования,

γ_t, δ_m – оценки фиксированных эффектов периода t и региона m соответственно.

По итогам анализа показателей, использованных при расчете индекса конкурентоспособности, из всего набора, состоящего из 34 единиц, было выделено восемь основных показателей (табл. 1.5.3). Расчеты показывают, что размер денежных доходов населения (*среднедушевые денежные доходы*) является **основным фактором конкурентоспособности. Чуть менее значимые показатели – фондоемкость, зарплатоемкость и уровень безработицы**, – обратно взаимосвязаны с индексом конкурентоспособности (согласно расчетам по простой регрессии). Следом по силе влияния на индекс располагаются показатели привлекательности для бизнеса, информационной сферы и экономического потенциала – *сальдированный финансовый результат, иностранные инвестиции, затраты на информационные и коммуникационные технологии и уровень образования*.

Таблица 1.5.3 – Оценки регрессии

Переменные / Модель	Модель (4)	Модель (4), но $\gamma = 0$ (модель с фиксированными эффектами региона)	Модель (4), но $\gamma = 0$, $\delta_1 = \delta_2 = \delta_m$ (простой МНК)
среднедушевые денежные доходы	0.18***	0.33***	0.05***
стандартная ошибка	0.07	0.06	0.01
фондоемкость	0.08*	-	-0.02**
стандартная ошибка	0.04	-	0.01
зарплатоемкость	0.06**	0.14***	-0.03***
стандартная ошибка	0.03	0.02	0.01
уровень безработицы	0.06***	0.07***	-0.02***
стандартная ошибка	0.01	0.01	0.01
иностранные инвестиции	0.06***	0.05***	0.02***
стандартная ошибка	0.01	0.02	0.00
затраты на информационные и коммуникационные технологии	0.05***	0.06***	
стандартная ошибка	0.01	0.02	
сальдированный финансовый результат	0.03**	0.03***	0.02***
стандартная ошибка	0.01	0.01	0.00
уровень образования	0.03**	-	0.02**
стандартная ошибка	0.01	-	0.01
R ² adjusted	0.60	0.69	0.86
Jarque-Bera test (нормальность ошибок)	0.000	0.010	0.000

Продолжение таблицы 1.5.3

Переменные / Модель	Модель (4)	Модель (4), но $\gamma = 0$ (модель с фиксированными эффектами региона)	Модель (4), но $\gamma = 0$, $\delta_1 = \delta_2 = \delta_m$ (простой МНК)
Breusch-Pagan test (гомоскедастичность ошибок)	0.64	0.82	0.66
Durbin-Watson test (корреляция ошибок)	...	...	0.03
Кол-во наблюдений	144	144	144

Источник: расчеты авторов.

Примечание: Только значимые коэффициенты регрессии, с поправкой на возможную гетероскедастичность. * – коэффициенты, значимые на уровне 10%; ** – на уровне 5%; *** – на уровне 1%. Для тестов указаны p-value. Высокие значения указывают на соблюдение предпосылок. Найденные коэффициенты взаимно сопоставимы, так как рассчитаны по стандартизованным оценкам показателей или на основе показателей после преобразования.

Сравнение регионов в разрезе найденных основных показателей позволяет проиллюстрировать значение данных показателей для формирования итогового индекса конкурентоспособности (рис. 1.5.3). Величины *среднедушевых денежных доходов* и *фондоёмкости* в межрегиональном сопоставлении примерно повторяют друг друга и наиболее высоки в регионах с наивысшей конкурентоспособностью. В частности, это указывает на положительное влияние показателя фондоёмкости. Напротив, *уровень безработицы* характеризуется обратной взаимосвязью с мерой конкурентоспособности и возрастает по мере уменьшения последней. Можно предположить, что сравнительно высокие итоговые позиции Магаданской области и Чукотского АО во многом отражают хорошие данные именно по этому показателю.

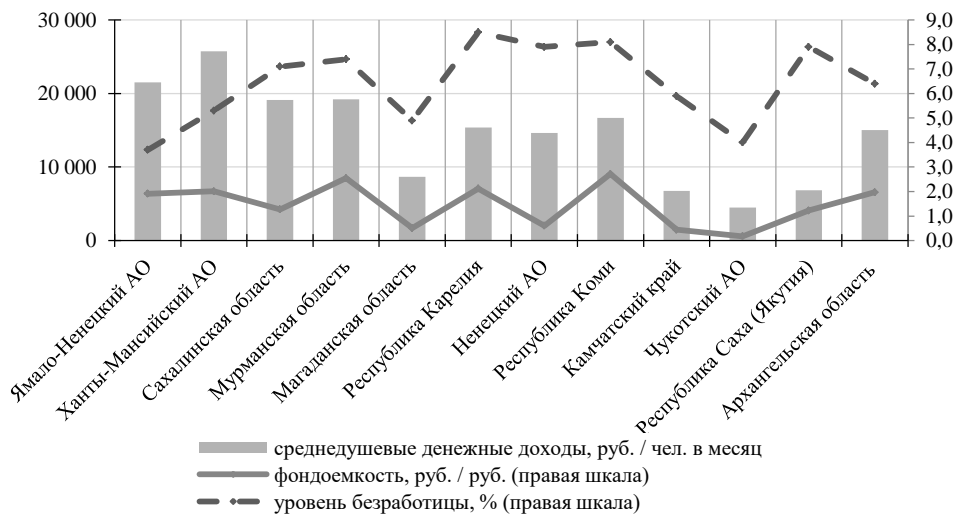

Рисунок 1.5.3 – Основные показатели конкурентоспособности региона по оригинальной методике

Источник: расчеты авторов.

Примечание: По средним данным за 2008-2020 г. Стоимостные данные скорректированы на ИБР и приведены в цены 2017 г. Регионы расположены по убыванию индекса конкурентоспособности за 2018 г.

Восемь выделенных показателей выступили основой многомерной группировки анализируемых северных регионов России. По итогам группировки **было выделено четыре группы регионов** (Ханты-Мансийский АО сформировал самостоятельную группу) (табл. 1.5.4). Ханты-Мансийский АО отдельно, а также Мурманская область, Ямало-Ненецкий АО и Сахалинская область – регионы с наивысшей конкурентоспособностью, – характеризуются наибольшим значением среднедушевых денежных доходов. В отличие от *фондоёмкости* (величина основных фондов на единицу ВРП), рост *зарплатоёмкости* (величина фонда оплаты труда на единицу ВРП) экономики региона негативно влияет на конкурентоспособность. Иными словами, высокая зарплатоёмкость образует низкую конкурентоспособность. В свою очередь, рост *уровня безработицы* предсказуемо снижает конкурентоспособность, хотя она может быть сравнительно низкой даже в менее конкурентоспособных регионах Дальнего Востока (это может указывать на проблему прямой сопоставимости показателя в межрегиональном анализе). Теоретическим представлениям также соответствует высокие значения расходов на информационное развитие (*затраты на информационные и коммуникационные технологии*) и рентабельности (*сальдированный финансовый результат*) в наиболее конкурен-

тоспособных регионах Севера. Таким образом, **все выделенные показатели (табл. 1.5.4) можно считать основными индикаторами конкурентоспособности региона.**

Таблица 1.5.4 – Средние величины основных показатели в разрезе выделенных групп северных регионов по индексу конкурентоспособности

Регионы	Индекс конкурентоспособности	Среднедушевые денежные доходы	Фондоёмкость	Зарплатоёмкость	Уровень безработицы	Информационные и коммуникационные	Сальдированный финансовый результат
Ханты-Мансийский АО	0,67	25 730	2,0	21,9	5,3	9,1	0,70
Мурманская область, Ямало-Ненецкий АО, Сахалинская область	0,66	19 944	1,9	36,2	6,1	6,3	0,21
Республика Карелия, Республика Коми, Ненецкий АО, Архангельская область	0,41	15 433	1,9	40,9	7,7	4,8	0,17
Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская область, Чукотский АО	0,41	6 686	0,6	72,4	5,7	1,6	0,09

Источник: расчеты авторов.

Примечание: по средним данным за 2008-2020 г. Стоимостные данные скорректированы на ИБР и приведены в цены 2017 г.

По итогам проведенного исследования можно отметить, что в экономической науке не сложилось однозначного определения конкурентоспособности региона. Тем не менее в большинстве работ конкурентоспособность – это индикатор благоприятности условий для предпринимательства в регионе и его устойчивости к внешним изменениям, который актуализируется в условиях соперничества территорий за ограниченный объем мобильных ресурсов и оценивается через производительность труда на данной территории. Анализ результатов оценки конкурентоспособности по предлагаемой нами методике подтвердил ее концептуальную связь с производительностью и факторами производства в целом. Мы выяснили, что основными индикаторами конкурентоспособности северных регионов России являются размер денежных доходов населения и эффективность использования факторов производства – фондоёмкость и зарплатоёмкость.

Несмотря на ярко выраженный теоретико-методологический характер, представляемая работа также обладает практической значимостью. Предлагаемая методика оценки конкурентоспособности применима к регионам вне зависимости от их природно-климатических характеристик. Однако проведение анализа именно по северным регионам актуально в

силу их особенностей, которые уникальным образом формируют различные аспекты их конкурентоспособности. Наша методика позволяет не только осуществить группировку регионов, но и выделить слабые места отдельных субъектов Севера. Мы также затрагиваем вопрос межрегиональной сопоставимости различных стоимостных показателей. Используя индекс бюджетных расходов (ИБР) (данные Минфина России) и данные о стоимости фиксированного набора товаров и услуг (данные Росстата), мы показываем отличия в результатах, полученных с использованием двух разных подходов к корректировке. Так как мы структурируем первичные данные на группы показателей («факторы»), это позволяет также провести сравнительный анализ рассчитываемых агрегированных показателей. Например, мы проясняем, по каким факторам слабые значения не мешают региону иметь высокую конкурентоспособность, а по каким – сильная позиция является неременным условием для регионального лидерства. Анализ результатов апробирования с использованием эконометрических методов (панельная регрессия и многомерная группировка) позволил выявить показатели, обладающие наибольшей значимостью в формировании количественных индикаторов конкурентоспособности, и их примерные значения в зависимости от уровня конкурентоспособности. Такие выделяемые нами факторы, как «Привлекательность для бизнеса» и «Привлекательность для населения», вносят решающий вклад в итоговые позиции регионов, как и фактор «Информационность и коммуникационность экономики». По нашим расчетам за 2008-2020 гг. среди северных регионов России выросла конкурентоспособность Сахалинской и Мурманской областей, Республики Карелия и Чукотского АО. Конкурентоспособность Ненецкого и Ханты-Мансийского округов и Магаданской области, напротив, снизилась.

Нами также установлено, что наиболее успешные «ресурсные» регионы Севера уделяют недостаточно внимания сферам экологии и инноваций. В целях устойчивого экономического развития органам власти данных регионов следует активнее осуществлять природоохранные мероприятия и меры по реализации творческого потенциала населения.

Чтобы сохранить лидирующие позиции, Ямало-Ненецкому и Ханты-Мансийскому автономным округам, а также Сахалинской области необходимо уделить повышенное внимание сферам экологии и инновации. Для Мурманской и Магаданской области, а также Республики Карелия с целью приближения к регионам-лидерам важно принять меры по увеличению экономического потенциала и повысить привлекательность региона для бизнеса и населения. Это можно сделать, например, путем создания более благоприятного предпринимательского климата с целью привлечения в регион инвестиций, осуществив капитальные вложения в транспортную инфраструктуру и снизив уровень бедности и безработицы

через социальные программы. Несомненно, предложенные меры применимы и к остальным регионам, но для ряда из них можно выделить некоторые особенности. Например, для Чукотского АО и Республики Коми важно также усилить инновационный компонент конкурентоспособности. Кроме инновационной сферы, Ненецкий АО и Камчатский край должны уделить особое внимание экологии, а также информационной инфраструктуре и привлекательности региона для бизнес-сообщества. Архангельская область и Республика Саха (Якутия), как ни странно, занимают высокие позиции в сферах экологии и инновационности экономики, но им необходимо активизировать деятельность по остальным факторам.

Вместе с тем возможности предлагаемой методики ограничиваются, во-первых, набором показателей, который не охватывает всех сторон социально-экономического развития. Так, вне поля зрения остались многие нефинансовые факторы, формирующие, например, духовно-нравственный климат в субъектах, отнюдь не всегда напрямую коррелирующий с материальным благополучием, но при этом существенно влияющий на принятие людьми ключевых жизненных решений. Кроме того, авторы осознают, что реальные управленческие решения органов власти часто диктуются ситуативными социальными, политическими и иными интересами, нежели научно обоснованными рекомендациями. Однако при этом наша дополнительная попытка помочь регионам увидеть и взять на заметку свои слабые места, верим, не останется бесполезной. И в этом смысле конкурентоспособность может рассматриваться в перспективе уже не как соревнование с другими субъектами за «человеческий капитал» и материальные ресурсы, но как стремление внести свой неповторимый вклад в общее дело развития страны и создать благоприятные условия для жизни людей.

ГЛАВА 2. КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ

2.1 Обзор методик оценки конкурентоспособности видов экономической деятельности

Анализ конкурентоспособности видов экономической деятельности (отраслей) является предметом внимания многих исследователей, однако единой общепризнанной методики оценки пока не существует. Широко известен подход Г. Лизнера и Б. Балассы через сравнение доли отрасли с долей страны в мировом экспорте (индекс выявленных сравнительных преимуществ RCA – Revealed Comparative Advantage), а также оценку сальдо внешней торговли (*Balassa, Noland, 1989*). Данная формула имеет много различных модификаций. Современная международная статистика позволяет рассчитывать также участие конкретной отрасли в мировых цепочках добавленной стоимости (*Haiying, Fangmiao, Yixin, Zheng, Can, 2020*). Однако эти методы исходят из заведомо невыгодной по природно-географическим особенностям для России идеологии глобализации и неприменимы к видам деятельности, ориентированным только на внутренний рынок.

Для оценки конкурентоспособности отрасли на внутреннем рынке Т.И. Власенко предлагает использовать разработанный ею показатель ICIM как отношение доли, занимаемой продукцией отрасли на внутреннем рынке и взвешенной по доле данной отрасли в мировом объеме производства к доле ВВП страны в мировом ВВП. Ею также предлагается анализировать показатели RCA и ICIM одновременно (*Власенко, 2006*).

Популярен также расчёт индексов локализации производства на территории региона как отношение удельного веса отрасли в экономике региона к удельному весу той же отрасли в стране по валовой товарной продукции, основным промышленным фондам, численности занятых и другим показателям (например, (*Павлова, 2014*)). С.А. Белоглазова указывает на неточность данных формул для небольших территорий и предлагает использовать модифицированный полулогарифмический коэффициент локализации (*Белоглазова, 2018*). А.Р. Сафиуллин предлагает матричным методом сопоставлять коэффициент локализации с динамикой его изменения (*Сафиуллин, 2015*). Но в любом случае эти показатели, хотя и оценивают статус отрасли именно в рамках национальной экономики, не раскрывают внутренней эффективности видов деятельности и их взаимоотношений с другими секторами и контрагентами. Отчасти эту задачу решает разработанный им же метод анализа мультифакторной производительности (*Сафиуллин, 2010*), но он представляется нам слишком сложным для применения в практике государственного и корпоративного управления.

Популярной в отечественной литературе является методика Р.А. Фатхутдинова, состоящая в расчёте средневзвешенного по сумме количественных и качественных характеристик 60% крупнейших предприятий отрасли (Фатхутдинов, 2000). В силу специфичности многих показателей и невнимания к малым и средним предприятиям этот подход вряд ли может пригодиться для комплексного межотраслевого и межрегионального анализа.

В этой и многих других подобных методиках (Н.А. Савельевой (Савельева, 2005), Л.В. Минько (Минько, 2004) и др.), зачастую именуемых также анализом инвестиционной привлекательности, анализ проводится прежде всего с позиции маркетинга, т.е. выбора фирмой стратегии своей рыночной деятельности для достижения превосходства над другими организациями и максимизации богатства её учредителей. Разновидностями этого подхода является SWOT-анализ (Сальников, Галимов, 2006; Mihammad, Yu, Manoj, Danish, Abbas, Heng, 2020 и др.). Их зарубежными предтечами являются труды М. Портера (Портер, 2005), А. Томпсона и Дж. Стрикленда и других зарубежных авторов, для которых характерны такие выражения: «в условиях жесткой конкуренции со стороны продуктов-субститутов фирмы данной отрасли промышленности должны внушить потребителям, что их продукт имеет больше преимуществ по сравнению с заменителем» (Томпсон, Стрикленд, 2007). В то же время комплексного межотраслевого анализа, нацеленного на формирование устойчивой национальной экономики, здесь почти не встречается. Вызывает несогласие то, что выживание отраслей в этой парадигме почти единственно определяется их финансовой привлекательностью без учёта неэкономических факторов.

В противовес этому подходу в отечественной экономической школе есть исследования, нацеленные на оценку конкурентоспособности отрасли в сравнении с другими видами деятельности и другими регионами. Здесь даже при ориентации на извлечение прибыли всё-таки подразумевается неразрывная связанность всех отраслей и регионов между собой, поэтому больше внимания уделяется именно сравнению, поиску внутреннего единства и целостности хозяйственной системы.

Так, например, О.В. Акулич в систему показателей на примере рыбной отрасли включает численность занятых, удовлетворённость спроса населения, налоговую отдачу, освоение выделенных квот, показывая тем самым ориентацию на интересы не только инвесторов, но и работников, и покупателей, и государства, и даже природы (Акулич, 2011). Далее выстраивается общий рейтинг конкурентоспособности между одними и теми же отраслями различных регионов. В российском научном поле представлено немало аналогичных балльно-рейтинговых оценок, имеющих на выходе некий интегральный показатель сравнения между собой отраслей од-

ного региона или регионов по одной отрасли (например, (Морозова, 2008; Шмидт, Ивашина, 2008; Макаренко, 2015; Шишкина, 2016; Вохмянин, 2017).

При немалой познавательности практическая польза упомянутых методик не до конца понятна, т.к. ни для частных инвесторов, ни для правительства они, скорее всего, не могут быть действенным инструментом принятия решений. Некоторым исключением в этом ряду является подход И.М. Смолейчук, отличающийся, во-первых, своей простотой: расчётом рейтинга отраслей и регионов суммой баллов в экспертных оценках, а, во-вторых, наличием методики количественного обоснования первостепенности управленческих мер воздействия (Смолейчук, 2003).

Попытка сопоставить между собой различные отрасли представлена в работах А. Даваасурэна и И.А. Кузнецовой с использованием экспертных оценок по восьми критериям: наличие финансовых средств, обеспеченность квалифицированными рабочими, использование высоких технологий, ценовая маневренность, наличие сбытовой сети и рынка сбыта, возможность и доступность кредитования, эффективность рекламы и средств стимулирования сбыта, платежеспособность основных покупателей (Даваасурэн, Кузнецова, 2014). Но из набора показателей и теоретической части статьи видно, что данный подход также ориентирован именно на выявление наиболее преуспевающих с точки зрения личной выгоды секторов.

В.О. Мосейко предлагает для сравнения разнородных отраслей использовать интегральный индекс конкурентоспособности, основанный на критериях функциональности, системности, проактивности и органичности экономической системы. В свою очередь, оценка по этим критериям производится через показатели доли отрасли в общем обороте организаций региона, в валовой добавленной стоимости, в инвестициях в основной капитал и в численности организаций региона, соответственно (Мосейко, 2013). Автор справедливо отмечает, что большинство существующих методик используют необоснованно большой перечень слишком коррелированных между собой показателей и ошибочно рассматривают конкурентоспособность как причину хозяйственных процессов, а не как следствие управленческих действий. Однако представленная методика, на наш взгляд, этих проблем не решает.

М.С. Старикова выдвигает шесть критериев, на основе которых производит интегральную оценку конкурентоспособности разнородных отраслей: отраслевая производительность, уровень использования информационно-коммуникационных технологий, уровень инновационного развития, уровень отраслевой экологичности, прогрессивность основных фондов в отрасли (Старикова, 2016). По каждому критерию предлагается ряд статистических показателей. Но в результате исследования автор при-

знаёт ограниченность набора показателей и преобладание «на выходе» отраслей, дающий наибольший вклад в ВВП.

Таким образом, обзор существующих методик оценки конкурентоспособности видов экономической деятельности показывает, что большей частью они ориентированы на извлечение материальной выгоды отдельным экономическим субъектом. Во многом этот подход зафиксирован ныне и в государственных стратегиях и программах социально-экономического развития. В то же время в Стратегии национальной безопасности России и других высших стратегических выступлениях, публикациях и документах сегодня часто звучит мысль о губительности капиталистического миропорядка и необходимости поворота к человекосберегающей, высоконравственной экономике (*Катасонов, 2013; Хазин, 2020*). С.Ю. Глазьев, например, пишет: «Историческая духовная традиция русского народа предопределяет стержневую роль принципа социальной справедливости в любой идеологической конструкции инвариантно к политическому, экономическому и социальному устройству общества. Нарушение императива социальной справедливости делегитимизирует государственную власть в глазах народа, влечет дезинтеграцию общества, социальный протест и революцию» (*Глазьев, 2018*). Присутствует ясное понимание необходимости кооперации территорий и государственного регулирования и для их успешного развития (*Лукин, Ускова, 2016*).

2.2 Оценка уровня конкурентоспособности: сотрудничество и соперничество в промышленности²

При оценке конкурентоспособности видов экономической деятельности мы предлагаем исчислять все анализируемые показатели в расчёте на одного занятого, т.е. труженика, семьянина, создателя духовных и материальных благ. А при анализе и сопоставлении исходить из древней мудрости: «сила – в единстве», т.е. поиска гармоничности, внутренней цельности и сбалансированности показателей во всех плоскостях.

Ключевым методом исследования стала динамическая оценка целостности экономических систем через коэффициент вариации, рассчитанный в разрезе показателей, отраслей и территорий. Применялся также кластерный анализ. Используются следующие первичные данные: численность занятых, средняя заработная плата, налоговые отчисления в бюджетную систему, инвестиции в основной капитал, сальдированная прибыль, отгрузка готовой продукции. В совокупности они комплексно характеризуют воспроизводственный хозяйственный цикл. Исходя из вышеуказанных положений, все анализируемые показатели приведены к «об-

---

² Исследование выполнено совместно с к.ф.-м.н. Л.С. Носовым (Сыктывкарский государственный университет им. П.А. Сорокина).

щему знаменателю», т.е. взяты в расчёте на одного занятого. Хотя сама формула такого расчёта не нова, обычно она охватывает не все индикаторы, поскольку человек, полагаем, ошибочно рассматривается как один из видов капитала и потому находится не в фокусе, а на периферии анализа.

Вместе с тем, ключевое значение в настоящей работе имеет не столько методика, сколько сам подход к анализу. Не стояла задача искать некий целевой показатель эффективности или роста, поскольку сама экономика при данном мировоззрении становится не целью, а средством. В этом нам видится новизна и значимость исследования.

Поясним также, что цельность некой системы не обязательно означает полной одинаковости её составляющих, ведь и в организме все клетки и органы выполняют не одни и те же, но присущие именно им специфические функции ради общего блага. Речь идёт о как бы единодушии и взаимном согласии действующих лиц. В этом смысле наши оценки являются только предварительной попыткой выявить степень этого единства.

В настоящем подразделе проведена оценка степени конкуренции и сотрудничества в промышленности северных регионов России. Под промышленностью подразумевается совокупность разделов Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД2) ОК 029-2014 (КДЕС РЕД. 2) согласно приказу Минпромторга России от 27.12.2016 N 4785.

Анализ проведён за период с 2017 по 2021 гг. Выбор периода определяется наличием статистической информации в сопоставимом виде, поскольку по 2016 г. действовала иная классификация видов экономической деятельности.

Источником сведений послужила Единая межведомственная информационно-статистическая система Росстата (*Единая межведомственная...*, 2020), Витрина статистических данных Росстата, а также сборники «Регионы России» за разные годы (*Регионы России, 2018; Регионы России, 2019; Регионы России, 2020; Регионы России, 2021; Регионы России, 2022*).

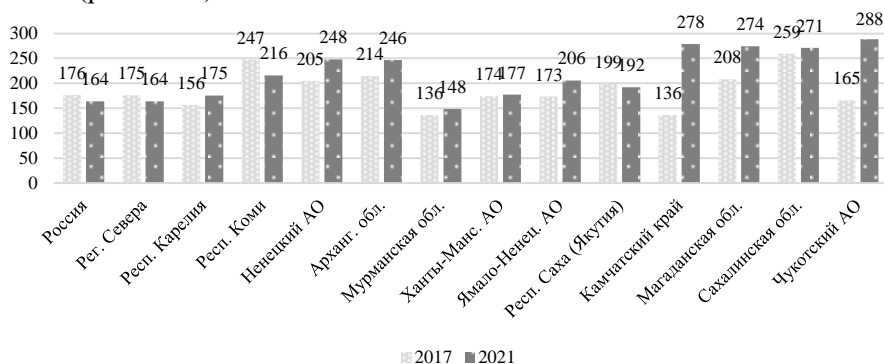
В настоящем параграфе выполнена оценка уровня сотрудничества или соперничества в хозяйственной системе в разных плоскостях. Главным индикатором оценки является коэффициент вариации. Поскольку все пять показателей анализа имеют единую размерность, этот коэффициент был рассчитан нами в трёх плоскостях: между показателями, отраслевым и территориальным.

Самым гомогенным показателем в *территориальном* разрезе является заработная плата: коэффициент вариации около 30%, хотя там идёт небольшая конвергенция, т.е. усиление различий, особенно в обрабатывающей промышленности. По отгрузке готовой продукции коэффициент вариации составляет в среднем по промышленности около 70%, сильно

различаясь при этом по видам деятельности. Наибольшая неравномерность в целом по промышленности наблюдается по величине инвестиций на одного занятого, сальдированной прибыли и уплаченным налогам – коэффициент вариации составляет в отдельные годы более 100%. Такая картина, на наш взгляд, показывает, что именно в оплате труда предприятия вынуждены сохранять относительный баланс, боясь потерять работников. А сами финансовые потоки – инвестиции, налоги и прибыль – уже формируются отнюдь не под влиянием «рыночного выравнивания», а во многом стихийно под влиянием капиталистических и политических интересов, различных усилий по защите своих «ниш» от конкурентов.

В *отраслевом* аспекте самая высокая устойчивость обычно наблюдается в электроэнергетике в силу строгого регулирования отрасли со стороны государства. В водоснабжении показатели варьируются сильнее из-за наличия больших убытков во многих регионах. В обрабатывающих и добывающих производствах разброс самый большой вследствие резко различающихся природно-экономических условий деятельности и их результатов.

В *региональном аспекте* средний по всем пяти показателям коэффициент вариации снизился за эти годы с 175 до 164%, т.е. расслоение стало чуть меньше, так же и по стране в целом отмечено некоторое снижение (рис. 2.2.1).

Рисунок 2.2.1 – Суммарный коэффициент вариации основных экономических показателей (инвестиций, оборота, прибыли, налогов и оплаты труда в расчёте на одного занятого) между видами деятельности в промышленности северных регионов России за 2017–2021 гг., %

По регионам можно выделить два основных типа. Первый – со средним уровнем вариации, коэффициент в которых составляет около 150–180%. К ним с достаточно стабильными значениями относятся Рес-

публика Карелия, Мурманская область и Ханты-Мансийский АО. В остальных регионах средний уровень вариации достигает 200 и более процентов, что может свидетельствовать о нарастании там хозяйственных противоречий. Резкое увеличение отмечено в Чукотском АО и Камчатском крае всвязи с развитием добывающих производств и созданием соответствующей инфраструктуры.

Ещё один из популярных в современной науке методов – многомерная кластерная группировка. В нашем случае она была выполнена в программном продукте RStudio³ с использованием языка R⁴ (библиотека cluster) методом Варда (для выбора количества кластеров) и методом k-средних (для непосредственной кластеризации) по квадрату расстояния Евклида, со стандартизацией данных методом z-значений. Графики также строились в RStudio с использованием библиотеки ggplot2. В результате довольно чётко выделились три типа хозяйственных систем (рис. 2.2.2).

В первый вошли добывающие производства Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого, Ненецкого автономных округов и Сахалинской области. Они характеризуются высокими значениями по большинству параметров, хотя обращает на себя внимание очень слабая налоговая отдача в Сахалинской области, вероятно, в силу невыгодных для России соглашений о разделе продукции. Во втором кластере оказались 15 отраслей, преимущественно добывающие и обрабатывающие производства остальных регионов, а также водо- и электроснабжение Чукотского АО. Здесь также очевиден весомый фонд природной ренты, наполняющий все хозяйственные процессы, в т.ч. оплату труда. Но сильной положительной корреляции между доходностью и пополнением госбюджета всё же нет. В третью группу вошли все остальные виды деятельности, в основном энергетического сектора. Они в меньшей степени ориентированы на извлечение прибыли, но устойчиво занимаются жизнеобеспечением в своих регионах.

---

³ URL: <https://www.rstudio.com/>

⁴ URL: <https://www.r-project.org/>

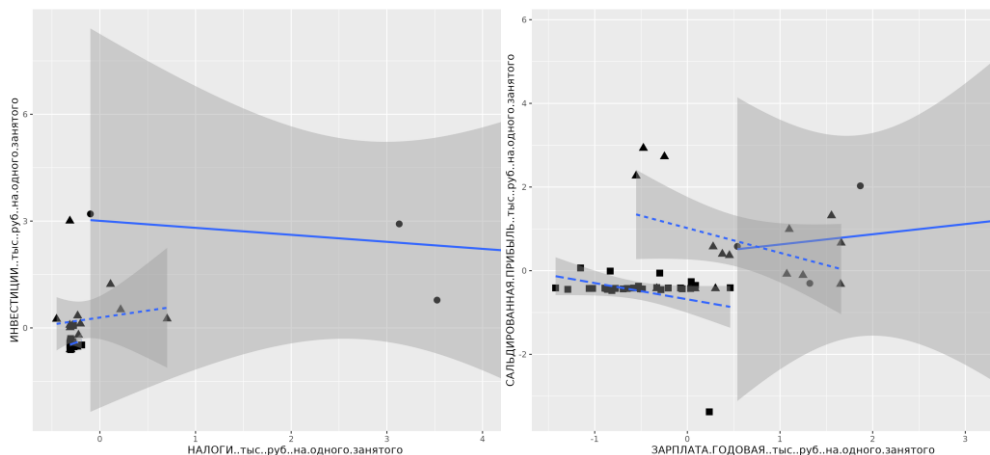

Рисунок 2.2.2 – Кластеры (группы) видов экономической деятельности промышленности северных регионов России в 2017–2021 гг.

Источник: рассчитано авторами по данным ЕМИСС, витрины статданных, сборников «Регионы России».

Полагаем, что столь явная «отделённость» добывающих производств от других отраслей свидетельствует о некотором нездоровье экономической системы, о формировании в ней своеобразного изолированного сектора, защищающего преимущественно свои интересы. Со стороны правительства, конечно, эта ситуация трактуется как «драйвер» всеобщего развития и источник денег для решения социальных задач. Однако думается, что общение между слоями общества должно быть более цельным, не сосредоточенным лишь на финансовых перетоках. Ибо людям важно чувствовать не только «меры поддержки» в виде пособий, но и воспринимать всякую деятельность как общее дело по развитию родной земли.

И действительно, имея лидирующие позиции по отдельным параметрам экономического развития, северные регионы одновременно занимают неприглядные места в рейтингах алкоголизации, криминогенности, демографического положения и т.п. (*Национальный рейтинг трезвости..., 2020*). Можно с уверенностью утверждать, что рост денежного благосостояния сам по себе ещё не ведёт к увеличению разумности и ответственности человека.

Таким образом, проведенный анализ показал искажённость сложившихся хозяйственных отношений, явный отрыв высокорентабельных экспортноориентированных добывающих отраслей от других видов деятельности. Требуется дальнейшее углубление исследований в данном направлении – совершенствование статистики в части открытости первичных данных организаций, развитие методического аппарата межотрасле-

вых и межрегиональных исследований, изучение взаимосвязей материальной и духовной сторон жизни. Вполне возможна и работа с первичной финансовой отчётностью предприятий, что позволит более точно выявлять их направленность на благожелательное сотрудничество или на обособление.

2.3 Основные направления повышения конкурентоспособности обрабатывающей промышленности⁵

В повышении конкурентоспособности северных регионов основную роль играет состояние обрабатывающей промышленности. Необходимость отдельного анализа обрабатывающих производств обусловлена тем, что предприятия функционируют на конкурентных рынках, в отличие от «живущих» за счёт природной ренты добывающих производств и подверженных тарифному регулированию энергетических и водоснабжающих организаций.

Для анализа были сформулированы четыре критерия: эффективность, динамика развития, устойчивость и социальная ответственность. По каждому из критериев экспертным путём выбраны три наиболее характерных показателя (табл. 2.3.1). Источниками данных послужили информационные базы Росстата: Единая межведомственная информационно-статистическая система и Витрина статистических данных. Период анализа – с 2017 по 2020 гг. До 2017 г. действовала иная классификация видов экономической деятельности.

Таблица 2.3.1 – Критерии и показатели оценки конкурентоспособности обрабатывающей промышленности

Критерии	Показатели
Эффективность	Рентабельность активов
	Отгрузка готовой продукции в расчёте на одного занятого
	Отношение себестоимости к выручке
Динамика развития	Коэффициент обновления основных фондов
	Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций
	Темп роста выручки
	Коэффициент финансовой автономии
Устойчивость	Коэффициент текущей ликвидности
	Степень износа основных фондов
	Отношение дебиторской задолженности к кредиторской
Социальная ответственность	Средняя заработная плата в отрасли в процентном отношении к средней по региону
	Удельный вес убыточных организаций в общей численности организаций

Источник: составлено авторами.

⁵ Исследование выполнено совместно с к.э.н. Д.В. Колечковым, к.э.н. М.А. Шишеловым, к.ф.-м.н. Л.С. Носовым.

После сбора данных обнаружилось, что по ряду показателей в силу коммерческой тайны или других причин представлен неполный ряд. Некоторые показатели трудны для интерпретации или возникают сомнения в достоверности отчётности. Кроме того, сам массив очень велик для осознания и обработки, даже машинными методами. Поэтому возникло решение сократить размерность показателей методом факторного анализа.

Факторный анализ, осуществленный в программе IBM SPSS Statistics 21 методом главных компонент, показал наличие пяти факторов с собственным значением выше единицы, которые объясняют 87% общей дисперсии (табл. 2.3.2).

Таблица 2.3.2 – Матрицы компонент факторного анализа показателей конкурентоспособности обрабатывающей промышленности регионов Севера России за 2017–2020 гг.

Критерии	Показатели	Матрица компонент					Матрица повёрнутых компонент (варимакс)				
		1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
Эффективность	<u>Рентабельность активов</u>	0,600	-0,588	-0,143	-0,234	-0,098	0,129	0,745	-0,003	0,468	-0,014
	<u>Отгрузка готовой продукции в расчёте на одного занятого</u>	0,601	0,152	-0,439	0,388	0,115	0,286	0,269	0,745	-0,001	0,179
	<u>Отношение себестоимости к выручке</u>	-0,323	0,745	0,119	-0,096	0,012	0,071	-0,744	0,083	-0,184	-0,289
Динамика развития	<u>Коэффициент обновления основных фондов</u>	-0,183	-0,513	0,518	0,336	0,273	0,071	0,184	-0,569	-0,275	0,560
	<u>Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг</u>	0,446	0,571	0,483	0,130	-0,005	0,786	-0,210	0,084	-0,246	-0,214
	<u>Темп роста выручки</u>	0,459	-0,422	-0,022	0,232	-0,528	0,078	0,800	0,065	-0,181	-0,198
Устойчивость	<u>Коэффициент финансовой автономии</u>	0,412	-0,135	-0,331	-0,693	0,299	0,098	0,091	0,128	0,911	-0,052
	<u>Коэффициент текущей ликвидности</u>	0,746	0,308	0,401	-0,123	0,155	0,894	0,032	0,064	0,175	-0,127
	<u>Степень износа основных фондов</u>	0,237	0,459	-0,709	0,180	0,071	-0,052	-0,137	0,883	0,077	-0,025
Социальная ответственность	<u>Отношение дебиторской задолженности к кредиторской</u>	0,700	-0,068	0,356	-0,155	0,291	0,743	0,226	-0,088	0,327	0,112
	<u>Средняя заработная плата в отрасли</u>	0,802	0,081	-0,002	0,352	-0,076	0,609	0,449	0,440	-0,113	0,001
	<u>Удельный вес убыточных организаций</u>	-0,170	-0,276	-0,204	0,387	0,648	-0,160	-0,050	0,111	0,011	0,822

Источник: рассчитано авторами по данным ЕМИСС и ВСД.

Исходя из матрицы повёрнутых компонент, число анализируемых показателей можно сократить до семи (выделены жирным шрифтом). Однако решено всё-таки в каждом критерии оставить только по одному

наиболее наглядному показателю (выделены подчёркиванием), а в четвёртом блоке опираться именно на индикатор средней заработной платы в отрасли как более веский с точки зрения отношения бизнеса не только к внутренней финансовой эффективности, но и к сотрудникам.

Следующим этапом исследования является классификация объектов по отобранным четырём параметрам. Существует множество методов классификации, из которых для нашей цели апробированы два: матричный метод и иерархический кластерный анализ. Классификацию можно проводить и другими методами, а также совершенствовать критерии и показатели отбора. Но современная наука, на наш взгляд, излишне сосредоточена на изящности методики исследования, недостаточно уделяя внимания самим путям решения проблем, сводя это большей частью к государственному регулированию. Однако методы – это как раз техническая сторона исследования, которая может оттачиваться в практической деятельности, а призвание науки – говорить о более фундаментальных подходах к преображению действительности.

Матричный метод предполагает разбиение совокупности на группы по определённым чётким границам каждого индикатора. В каждом показателе нами взято одно пороговое значение, сообразуясь с установленным в экономической литературе нормативным уровнем, а также с реальным средним или медианным эмпирическим значением. Сформированные требования представлены в табл. 2.3.3.

Таблица 2.3.3 – Критериальные значения показателей оценки конкурентоспособности обрабатывающей промышленности *

Критерии	Показатели	Пороговое значение показателя, % (число объектов)	
		низкого уровня	высокого уровня
Эффективность	Рентабельность активов	<0 (165)	≥0 (631)
Динамика развития	Темп роста выручки	<100 (273)	≥100 (523)
Устойчивость	Коэффициент финансовой автономии	<50 (451)	≥50 (345)
Социальная ответственность	Средняя заработная плата в отрасли в процентном отношении к средней по региону	<100 (630)	≥100 (166)

Источник: составлено авторами.

Таким образом, матричная классификация позволит выделить $2^4=16$ групп, в каждой из которых тот или иной индикатор будет выше или ниже порогового значения.

Общая совокупность объектов анализа представляет собой 24 подвиды экономической деятельности в 12-ти северных регионах за четыре года. Из них были исключены объекты с нулевыми показателями деятельности, итоговый массив составил 796 объектов. Поскольку все показатели

являются относительными, все годы были проанализированы в одном массиве.

Подробный анализ всех 16-ти групп – слишком обширная задача. В настоящем параграфе подробно рассмотрены две крайние группы, на примере которых мы намерены показать саму логику возможных действий (табл. 2.3.4). В качестве самой неконкурентоспособной категории взяты те регионы и виды деятельности, в которых все четыре контрольных показателя были ниже порогового значения (выделены бледным курсивом, цифра означает год). А в качестве высокоразвитой, конкурентоспособной – где все показатели одновременно были выше нормы (выделены жирным шрифтом).

Таблица 2.3.4 – Уровень конкурентоспособности видов экономической деятельности обрабатывающей промышленности северных регионов России за 2017–2020 гг.

Виды деятельности	Республика Карелия	Республика Коми	Архангельская область	Ненецкий АО	Мурманская область	Ханты-Мансийский АО	Ямало-Ненецкий АО	Республика Саха (Якутия)	Камчатский край	Магаданская область	Сахалинская область	Чукотский АО
10 Производство пищевых продуктов	2017				<i>2018</i>				2017			
11 Производство напитков		2017			<i>2017</i> <i>2020</i>			<i>2019</i>				<i>2019</i>
12 Производство табачных изделий												
13 Производство текстильных изделий												
14 Производство одежды												
15 Производство кожи и изделий из кожи	<i>2018</i>					<i>2018</i>						
16 Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели					<i>2020</i>	<i>2017</i> <i>2018</i>		<i>2018</i> <i>2019</i>	<i>2020</i>			
17 Производство бумаги и бумажных изделий		2017 2018 2020	2017 2018									
18 Деятельность полиграфическая и копирование носителей информации					<i>2020</i>							
19 Производство кокса и нефтепродуктов		2018 2019				2017 2018 2019	2018 2019					

Продолжение таблицы 2.3.4

Виды деятельности	Республика Карелия	Республика Коми	Архангельская область	Ненецкий АО	Мурманская область	Ханты-Мансийский АО	Ямало-Ненецкий АО	Республика Саха (Якутия)	Камчатский край	Магаданская область	Сахалинская область	Чукотский АО
20 Производство химических веществ и химических продуктов	2017 2018 2019	2020	2018		2017 2018 2019					2017 2018 2019 2020		
21 Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях												
22 Производство резиновых и пластмассовых изделий	2018										2020	
23 Производство прочей неметаллической минеральной продукции		2017 2020	2017	2018 2019				2018 2020	2018	2019		
24 Производство металлургическое		2017			2017 2018	2020		2017 2019				
25 Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования		2020									2020	
26 Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	2017 2020							2017				
27 Производство электрического оборудования		2017 2018	2018							2018		
28 Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки					2019 2020	2019		2017				
29 Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов			2017			2020						
30 Производство прочих транспортных средств и оборудования						2019						
31 Производство мебели			2019								2018	
32 Производство прочих готовых изделий		2017 2019						2017 2018 2020	2018			
33 Ремонт и монтаж машин и оборудования	2019 2020	2018 2019 2020						2018		2020	2019	

Источник: рассчитано авторами по данным ЕМИСС, ВСД.

Примечание: бледный курсив – низкий уровень, полужирный прямой шрифт – высокий уровень.

Выводы и предложения по матричной группировке. Выделяя наиболее и наименее конкурентоспособные группы, мы видим решение в изменении самой системы экономических отношений. Суть наших рассуждений такова: предприятия и отрасли должны сами помогать друг другу, в первую очередь: сильные – слабым. Данная помощь заключается не в простом финансовом субсидировании, она может быть многообразна: обмен технологиями, кадрами и управленческими решениями, целевые закупки, совместные проекты, слияния и т.д. От государственного механизма перераспределения этот подход отличается добровольностью и непосредственным сближением экономических субъектов между собой. Если налоги изымаются принудительно и потому вызывают оппортунистическое поведение – сокращение доходов, потерю стимулов к эффективности, а дотации и льготы используются недостаточно эффективно в силу «обезличенности» их создателя, то прямое взаимодействие предприятий помогло бы снизить эти издержки.

Государству следовало бы, не вмешиваясь излишне в этот процесс кооперации, лишь поощрять его некоторыми способами (идейно и нормативно), пропагандируя идеи сотрудничества и взаимопомощи в бизнес-среде и системе образования вместо установок на соперничество и индивидуализм.

Обычное возражение против предлагаемой модели – что у лидеров в таком случае теряются ресурсы для ещё большего развития, а у отстающих развивается иждивенчество. Однако опыт жизни показывает, что в определенных условиях искренняя помощь не ослабляет, а помогает создать эффект синергии. Поэтому данные рекомендации адресованы не только к явным флагманам, но и ко всем субъектам. Даже слабая отрасль, начиная в чём-то малом жертвовать ради ещё более нуждающихся, может получить стимул к развитию. Ведь низкие экономические результаты часто связаны не только с объективными хозяйственными условиями, но и с самоощущением учредителей и работников. Кроме того, получение конкретной помощи не из бюджета, а напрямую от другой организации повлечёт за собой известную этическую ответственность и тем самым снизит стимулы к иждивенчеству.

Ещё один важный аспект кооперации – моральное стимулирование работников. В современной системе менеджмента всё больше уделяется внимания нематериальным рычагам в управлении людьми. Одним из таких мощных нравственных двигателей могло бы стать осознание работниками, что они не только создают личное благополучие и обогащают акционеров, но являются неразрывной частью общества в целом, помогают отстающим, предохраняют от социальных взрывов, содействуют гармоничному и экологичному развитию экономики. Разумеется, всё это становится возможным только при пересмотре самой парадигмы конкуренции в

пользу сотрудничества. И происходить это должно на всех уровнях – от личного до межгосударственного.

Конкретные примеры сотрудничества по выявленным группам, например, могли бы состоять в следующем.

Системно низкие результаты наблюдаются в деревообработке, особенно в Ханты-Мансийском АО и в Якутии. Этим производствам могли бы оказать консультационную помощь специалисты из Республики Коми и других регионов с хорошим уровнем развития данной отрасли. В отстающих субъектах можно было бы наладить производство специфических видов продукции, не конкурирующих напрямую с субъектами-лидерами, но дополняющих их ассортимент и позволяющих полнее удовлетворять потребности заказчиков. Разумным могло бы быть и финансовое объединение этих видов деятельности с добывающими или нефтеперерабатывающими производствами с целью диверсификации деятельности последних, учитывая неисчерпаемый характер лесных ресурсов при рациональном пользовании и в свете перехода многих зарубежных потребителей с углеводородного на биотопливо.

Есть некоторая периодически отрицательная картина в производстве напитков в Мурманской области, не присущая соседним регионам. Возможно, этому сравнительно небольшому по объёму виду деятельности следует интегрироваться с другими организациями, например, с химическим производством в той же области, совместно разрабатывая пути перехода к более экологичному и здоровому питанию, поскольку химическое производство на Севере сейчас ориентировано на производство минеральных удобрений и тем самым косвенно вредит здоровью человека.

Существуют проблемы во многих регионах в производстве прочей неметаллической минеральной продукции – стекла, керамики, цемента, извести, изделий из бетона. Во-первых, здесь, как и в некоторых других отраслях, более всего уместно применить государственное регулирование в части ослабления нагрузки по «северным льготам», о чём речь пойдёт в параграфе 2.4. Но, кроме того, технологически родственными для этой отрасли являются химические и нефтеперерабатывающие производства, показывающие весьма высокие результаты. Владельцам этих успешных предприятий-экспортёров следовало бы задуматься: если они сосредоточены только на конъюнктурной прибыли и не заботятся о социальной стабильности и диверсификации своего бизнеса на местах, то не лишатся ли они его вовсе, случись некие гражданские катаклизмы наподобие украинских или казахстанских? Ведь речь идёт почти о 12 тысячах работников, получающих заработную плату вдвое ниже, чем в нефтепереработке.

То же самое касается сильно отстающего машиностроения и довольно рентабельного ремонта и монтажа машин и оборудования. Почему бы богатым заказчикам и подрядчикам из природоэксплуатирующих от-

раслей не приложить усилия для поддержки машиностроения северного профиля? Неплохие результаты в Архангельской и Магаданской областях, Камчатском крае и Карелии убеждают в возможности этого. Также очевиден и уже сложившийся положительный симбиоз добывающих и ремонтно-монтажных производств. Дискуссионным, но не лишённым смысла предложением является применение опыта создания госкорпораций в отношении разрозненных и где-то затухающих, а где-то весьма сильных машиностроительных организаций.

Возможно и то, что в некоторых отстающих предприятиях и целых отраслях имеет место деловая нечестность: коррупция, оффшорные схемы, «серая зарплата», двойная отчётность и т.д. В любом случае это будет негативно сказываться на продуктивности работы и творческих возможностях сотрудников, ибо неправда всегда разрушает и разъединяет. Тем более экономическая интеграция должна привести такие субъекты к осознанию своей ответственности не только за личное благополучие, но и за благополучие общества в целом.

Несколько иной подход открывается при классификации видов экономической деятельности **методом иерархического кластерного анализа**: выделяется пять основных групп, а также ряд одиночных специфических объектов (табл. 2.3.5). Хорошо просматривается системообразующая (вторая) группа, на которую приходится около 70% общей выручки и показатели которой соответствуют среднему. Понятно и наличие немногочисленной первой группы лидеров, опережающей вторую почти по всем параметрам, особенно по уровню заработной платы.

Таблица 2.3.5 – Классификация отраслей обрабатывающей промышленности регионов Севера России методом иерархического кластерного анализа за 2017–2020 гг. (метод «внутригрупповые связи», квадрат расстояния Евклида, стандартизация методом от «-1» до «1»)

Группы	Число отраслей по регионам	Численность занятых, тыс. чел.	Выручка, млрд. руб.	Медианные значения показателей в группах, %			
				рентабельность активов	темпа роста выручки	коэффициент финансовой автономии	средняя заработная плата к средней по региону
Первая	18	21 689	250	6,6	106,6	70	181
Вторая	148	581 939	3 509	6,6	105,9	38	116
Третья	210	448 503	908	5,3	105,0	38	75
Четвёртая	150	136 478	188	5,9	104,3	55	52
Пятая	240	74 262	113	9,1	109,9	43	27
Вся совокупность	796	1 267 479	4 972	6,4	106,2	45	61

Источник: рассчитано авторами по данным ЕМИСС, ВСД.

Но парадоксально наличие трёх последующих групп, в которых медианные значения рентабельности активов, темпа роста выручки и финансовой устойчивости не уступают средним, а подчас и превосходят их, а вот уровень заработной платы гораздо ниже. Причём наименьшее его значение отмечается именно в пятой подгруппе с максимальным значением доходности и динамики развития, и она же является самой многочисленной. Сюда вошли небольшие, нефлагманские производства типа пищевого, одежно-текстильного, мебельного, полиграфического, электронного и т. д.

На наш взгляд, это несоответствие свидетельствует о глубоком расхождении интересов собственников, управленцев и работников. Вряд ли случайно, что самая низкая оплата труда коррелирует именно с максимальными темпами роста – это отражает расстановку ценностных приоритетов менеджмента. Примечательно и то, что уровень финансовой устойчивости здесь также ниже и нормативного, и среднего значения, т.е. как бы приносится в жертву доходности и количественным задачам развития. Иначе говоря, уровень заработной платы определяется не столько реальными финансовыми возможностями предприятий, сколько ситуацией на рынке труда. То есть, пользуясь «властью покупателя», организации платят заниженное жалование. В результате уровень доходов работников в одном и том же регионе или отрасли при сходных условиях труда может различаться в пять и более раз.

Таким образом, существующая модель конкуренции, на наш взгляд, приводит к слишком большим внутренним противоречиям в развитии обрабатывающих производств северных территорий России, не говоря уже о несопоставимых условиях их функционирования относительно других субъектов страны. Целлюлозно-бумажное производство, нефтепереработка, химическое производство, и ремонт, и монтаж машин и оборудования являются лидирующими отраслями и показывают хорошие результаты. В территориальном разрезе наиболее успешными выступают республики Карелия и Коми. Напротив, деревообработка, производство прочей неметаллической минеральной продукции, машиностроение имеют системно низкие результаты. В пространственном отношении отстающие отрасли более всего присутствуют в Мурманской области, Якутии и Ханты-Мансийском АО. Ряд же видов деятельности развиваются неравномерно и могут резко различаться по своим параметрам от региона к региону. Экономическая эффективность такой ситуации сомнительна, а социальный эффект может при нарастании разрывов воплотиться в гражданских волнениях и катаклизмах. Отчасти ситуацию можно сглаживать государственным регулированием, но мы полагаем, что более продуктивным, хотя при этом сложным и долгосрочным, является путь изменения самой хо-

зайственной парадигмы, т.е. идейного перехода от соперничества и конкуренции к сотрудничеству и взаимопомощи.

2.4 Влияние социальных льгот и гарантий работникам на конкурентоспособность предприятий северных регионов

Одним из важных вопросов в комплексе мер по обеспечению конкурентоспособности промышленности северных регионов является вопрос о законодательно установленных социальных льготах и гарантиях работникам предприятий и организаций.

Система «северных» льгот населению создавалась в СССР для того, чтобы привлечь и закрепить на Севере приезжих работников. Данная цель обеспечивалась экономически через централизованное планирование и финансирование. К настоящему моменту эти гарантии привычны и важны людям, они в основном включают в себя пять моментов: «северные» и «районные» повышающие коэффициенты к окладу, дополнительный трудовой отпуск (16 или 24 дня), сокращённая продолжительность рабочей недели для женщин (36 часов), оплата проезда к месту отдыха и обратно один раз в два года, более ранний выход на пенсию. Последнее из этого списка предоставляется государством в лице Пенсионного фонда России, а остальное возложено на плечи организаций и ведёт к вполне весомым дополнительным затратам⁶.

Оценим величину этих издержек. По нашим расчётам на материалах Республики Коми, дополнительный отпуск увеличивает расходы на оплату труда и социальные отчисления примерно на 5%. Сокращение продолжительности работы для женщин – на столько же. Оплата проезда сильно различается по регионам, в Коми средний её размер составляет 25 тыс. руб., пользуются ей около 50% работников. Соответственно, при средней зарплате по региону в 2021 г. 60,8 тыс. руб. и ставке социальных отчислений 30,2% данная статья увеличивает расходы на оплату труда примерно на 1,5%. Итого получается 10–12% к фонду оплаты труда с налогами.

Проблема заключается в следующем: эти существенные расходы предприятия в силу законодательства обязаны нести в одних субъектах Федерации, но не несут в других. Тем самым нарушается принцип един-

---

⁶ Правда, повышающие коэффициенты актуальны в большей степени для бюджетных учреждений, а все остальные обычно определяют уровень заработной платы сотрудников на договорной основе и уже исходя из этой суммы «обратным счётом» вычисляют оклад и надбавки. Однако, если в большинстве регионов России минимальный размер оплаты труда (далее – МРОТ) равняется прожиточному минимуму, то на Севере он, сам по себе более высокий в силу повышенной стоимости жизни, ещё и умножается на упомянутые надбавки – см. постановление Конституционного суда Российской Федерации от 07.12.2017 г. Это также влияет на увеличение затрат организаций.

ства экономического пространства, равных условий и равных возможностей, который закреплён в пункте 1 статьи 8 Конституции России: «В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности». Пункт 8 статьи 4 Федерального закона 135-ФЗ "О защите конкуренции" определяет дискриминационные условия как «условия доступа на товарный рынок, условия производства, обмена, потребления, приобретения, продажи, иной передачи товара, при которых хозяйствующий субъект или несколько хозяйствующих субъектов поставлены в неравное положение по сравнению с другим хозяйствующим субъектом или другими хозяйствующими субъектами».

Упомянутые издержки снижают конкурентоспособность фирм в северных регионах, т. е. необоснованно ухудшают их рыночные позиции (*Мизес Л. Фон, 2001*).

Если 20–30 лет назад витала либеральная мысль о ненужности «северов», ставших нерентабельными и неудобными, то теперь популярность арктической тематики из геополитических соображений диктует иную повесть. Конечно, Арктика не может существовать и развиваться без твёрдого фундамента и окружения, коими для неё выступают Крайний Север и приравненные к нему местности. Да и по отношению к людям, в своё время покорявшим Север, будет несправедливо, если меры поддержки сейчас сузятся до арктических территорий. Поэтому так важно создать благоприятные условия для бытия человека в целом в высоких широтах. Для предприятий же, как было показано выше, данные условия являются не только благоприятными, но и хотя бы равными, справедливыми с другими регионами. Вопрос поднимался неоднократно и обсуждается сейчас ранее на различных научных и общественных площадках, но основательно до сих пор не решён. Разговор приобретает особую актуальность в свете нынешнего демографического спада и миграционного оттока, присущих северным регионам.

Эмпирический анализ показал, что указанная экономическая несправедливость действительно отрицательно сказывается на эффективности деятельности предприятий, особенно на развитии малого бизнеса (табл. 2.4.1).

Таблица 2.4.1 – Показатели экономического развития по регионам России за 2012–2021 гг.

Регионы	Удельный вес убыточных организаций, % от общего их числа		Рентабельность активов в оптовой и розничной торговле, %		Темпы роста малого бизнеса за 2012–2021 гг., %	
	2017	2021	2017	2021	Численность работников	Оборот
Россия, средневзвешенное	26	24,9	5,0	13,3	92,8	253,0
Россия, медиана	28	27,1	4,0	8,7	82,1	241,3
Северные регионы, средневзвешенное	31	29,7	3,8	8,8	79,2	189,7
Северные регионы, медиана	32	32,3	3,5	5,1	84,6	217,5
Республика Карелия	40	30,9	0	5,6	78,3	248,1
Республика Коми	33	36,5	1	4,5	54,0	109,8
Архангельская обл. без АО	30	22,6	4	22,6	69,2	179,7
Ненецкий АО	42	45,8	7	-21,1	106,6	240,2
Мурманская область	32	33,6	3	6,3	63,6	197,6
Ханты-Мансийский АО	26	27,1	6	9,4	85,4	161,9
Ямало-Ненецкий АО	32	29,9	3	3,0	106,0	185,5
Республика Саха (Якутия)	28	28,1	1	4,5	86,9	237,3
Камчатский край	27	21,5	5	4,4	83,8	248,8
Магаданская область	32	37,3	15	16,1	93,0	271,5
Сахалинская область	30	38,1	8	10,4	81,7	179,6
Чукотский АО	47	35,4	3	0,4	175,4	376,2

Источник: рассчитано автором по данным Росстата (ЕМИСС; Институциональные преобразования в экономике).

Если в целом рентабельность активов в северных регионах выше за счёт добывающих экспортноориентированных отраслей, то в подверженной высокой ценовой конкуренции торговле (а также энергетике и финансовой деятельности) уже имеется некоторое хроническое отставание по данному показателю. Заметно выше на Севере и удельный вес убыточных предприятий (29,7 против 24,9%). Более вялая динамика развития малого бизнеса также убеждает в неравноправных условиях функционирования фирм. Общеизвестен факт малой доли обрабатывающих производств в экономике этих регионов: в 2020 г. в численности занятых она составляла 7,9% против 14,3 в среднем по России, в валовой добавленной стоимости – 9,7% против 17%, соответственно.

Для уточнения проблемной ситуации и определения путей её решения нами проведен в 2020 г. опрос специалистов в Республике Коми методом глубинного неструктурированного интервью. Всего опрошено 40 человек, в т. ч. из предприятий – 18 человек, из органов власти – 5, из научных и образовательных организаций – 10, представителей общественности – 7. Выявились следующее.

Проблема действительно существует, но оценка её значимости колеблется от «серьёзной» до «несущественной». В целом озабоченность ею невысокая, поскольку она заслоняется более актуальными вопросами, а в условиях острой межрегиональной ценовой конкуренции работают весьма немногие предприятия, получающие обычно специальные меры поддержки в «ручном» режиме. Реальная конкурентная борьба на рынках встречается отнюдь не всегда, большинство предприятий стараются защитить свои ниши «дружбой» с властными структурами или иными способами. Для крупных и средних (как правило, достаточно рентабельных или выполняющих определённые социальные функции) предприятий предоставление «северных» льгот органично вписывается в их представление о социальной ответственности.

Малые же предприятия имеют скудные возможности организованно защитить свои интересы и, будучи небогатыми и разочаровываясь в содействии государства, используют такие способы выживания, как уклонение от предоставления льгот через оформление работников по договорам гражданско-правового характера (подряда и т. п.) или полное отсутствие оформления. Некоторые предприятия ради экономии на «северных» преференциях сознательно практикуют привлечение работников вахтовым методом из других регионов и из-за рубежа, а также из числа заключённых. С этой же целью есть практика оформления местных жителей в структурном подразделении в другом регионе. Всё это явно нарушает интересы трудящихся в районах Севера, их право на отдых и восстановление сил, но дефицит рабочих мест, «власть» работодателя не позволяют исправить это положение, а государственный надзор за соблюдением трудового законодательства, особенно в отношении малых предприятий, очень слаб. К тому же всё больше самих работников готовы трудиться в свободном режиме, в качестве «фрилансеров», «прекариата», внешних совместителей, не претендуя на «социальный пакет».

Некоторые предприятия традиционно жалуются на избыточное административное давление (которое, как они полагают, на порядочных налогоплательщиков неадекватно сильнее, чем на «уклонистов»), «казачьи» расследования, целевое «выжимание» денег по финансовым проверкам. Они говорят, что если бы условия работы были более спокойные и благоприятные, то они имели бы больше возможностей поддерживать своих работников, активнее проявляли бы предпринимательскую инициативу, не прибегали бы к «серым» и «чёрным» схемам для выживания.

Выявилась ещё одна неувязка. Работники с низкой оплатой труда и многодетные не всегда могут воспользоваться оплатой проезда к месту отдыха, поскольку поездка требует значительных затрат помимо самой дороги. Недоступна эта привилегия и тем, кто не может отлучиться надолго.

го в связи с уходом за больными, или сам не может выезжать по медицинским показаниям, а также просто предпочитает отдых в родных краях.

Таким образом, потребность в урегулировании данной ситуации есть. Возможные пути для этого такие.

Первый – формально-радикальный. Сухая справедливость требует, чтобы всем предприятиям из федерального бюджета полностью компенсировались все затраты на «северные» льготы. Например, в форме сниженных ставок налогов, прямых субсидий и т.д. По нашей оценке, только лишь по 12-ти рассматриваемым регионам это потребует ежегодно порядка 150 млрд руб. Цифра слишком большая. К тому же такой механизм будет очень громоздким и создаст богатую почву для злоупотреблений, возникнет необходимость контроля доведения выделяемых субсидий до граждан.

Особенно сейчас, в условиях экономического спада это представляется несвоевременным и невозможным. Да и этот подход, поверхностно справедливый, будет неуместным в отношении богатых ресурсно-экспортных предприятий, пользующихся природной рентой и плодами трудов предыдущих поколений.

Второй путь – паритетный, компромиссный, при котором возникающие издержки следует понемногу поделить между всеми участниками этих отношений. Так, вопрос сокращённой рабочей недели лежит на плечах самих женщин – ведь им, как правило, приходится за меньшее количество часов выполнять свои обычные обязанности. Оплату проезда к месту отдыха и обратно было бы разумно осуществлять за счёт государства, например, из Фонда социального страхования через механизм «прямых выплат», чтобы не делать людей «заложниками» работодателей. При этом вполне справедливо установить ценз дохода, до которого эта льгота предоставляется. Например, если годовой доход работника ниже среднего уровня или подушевой доход семьи менее трёх МРОТ.

Полагаем, что надо расширить спектр действия льготы для действительно нуждающихся. Скажем, по медицинским показаниям самому человеку или в отношении детей, многодетным, ветеранам проезд можно оплачивать и ежегодно. Нужно также дать возможность некоторым северянам получать господдержку для восстановления сил и здоровья на месте: в форме оплаты медицинских услуг, спортивных мероприятий или даже (наиболее нуждающимся) – пособий «живыми» деньгами для усиленного питания, приобретения качественной одежды и т. д.

Предлагаемую же сейчас некоторыми политиками идею замены оплаты проезда к месту отдыха на налоговый вычет по НДФЛ принимать не стоит, поскольку при ней будет возмещаться не вся сумма, а только 13% расходов.

А оплата дополнительного отпуска пусть останется бременем самих организаций. Но будет вполне резонно освободить эти суммы от страховых взносов на социальное страхование (с сохранением пенсионных прав граждан), а отдельным, наиболее финансово неустойчивым категориям юридических лиц (допустим, малому бизнесу или отдельным видам экономической деятельности) предоставлять дополнительные льготы по федеральным налогам и сборам. Предлагаются учёными и общественными деятелями и другие меры поддержки: преференции по госзаказу, льготное кредитование, более мягкий режим проверок и другие, их тоже следует приветствовать.

Наконец, **третий путь**, который должен осуществляться постепенно наряду с первыми двумя – это **коренное преобразование самой хозяйственной системы от соперничества в пользу сотрудничества**. Сама идея «деления» финансов между столицей и регионами, государством и бизнесом, предприятиями и работниками, хоть и в известной степени неизбежна в земном мире, всё-таки чужда человеческой душе, ищущей любви и взаимопонимания (*Катасонов, 2013*). Поэтому с глубокой древности и до настоящего времени не прекращались попытки теоретического обоснования и практического созидания общества на началах бескорыстности и милосердия. Нынешняя перестройка привычного хода жизни также может побудить управленцев и простых граждан сделать решительные шаги в эту сторону.

Это может выглядеть так. Предприятия без излишнего контроля и нажима, по внутреннему убеждению учредителей и руководителей, стремятся обеспечить сотрудникам достойные условия и оплату труда, позволяющие полноценно восстанавливать силы, при этом наибольшая поддержка оказывается действительно нуждающимся: некрепким здоровьем, многодетным, небогатым. Работники с пониманием относятся к преимущественной заботе о слабых, сами стараясь трудиться с максимальной отдачей и усердием не столько для личного вознаграждения, сколько ради общего дела – обеспечения своих заказчиков действительно нужной и полезной продукцией, работами, услугами. Между организациями нет конкуренции как соревнования за выживание, но есть чёткое осознание своей хозяйственной ниши (призвания, миссии) и стремление качественно делать взятое на себя дело не за страх, а за совесть. А имеющие объективные «тяготы» (например, северное удорожание) не сметаются с пути, а, наоборот, получают поддержку правительства и крепко стоящих организаций. Иначе говоря, общество должно уподобляться человеческому организму, в котором нет состязания между отдельными клетками и органами, но каждая частичка выполняет свои функции и получает необходимое для жизни согласно своим потребностям.

Таким образом, решение проблемы «северных льгот» состоит не в искусственном уравнивании, это в силу изначальной неодинаковости экономических субъектов невозможно и ненужно. Речь идёт о создании максимально равных возможностей и, главное, ориентации людей на единство и взаимное служение. В таком хозяйстве главным фактором успеха будут, как и сейчас, внутренние качества человека, но не столь знания и навыки, сколь его моральный облик. В этом направлении сегодня работает и научно-практическая мысль, как было показано выше. К тому же доля госсобственности в экономике растёт, следовательно, увеличивается и возможность регулятивного влияния. Мы убеждены, что Россия может и должна взять твёрдый курс на построение высоконравственного общества, объявив это национальной идеей, перестроив под данную цель системы образования, здравоохранения, культуры и социальной защиты. Учитывая, что главные препятствия для этого находятся не в юридических законах, а в духовной сфере, этот путь должен быть постепенным, эволюционным, хотя и твёрдым. В частности, полезным было бы создание с государственной поддержкой пилотных предприятий на указанных принципах. Думается, что Север с его тягой к чистоте и взаимовыручке как раз и должен быть источником вдохновения к такому преобразению.

ГЛАВА 3. КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

3.1 Методические подходы к оценке конкурентоспособности регионов в строительстве

Одним из ключевых элементов в социально-экономической системе страны является строительная отрасль⁷ (далее – строительство), вопросы обеспечения конкурентоспособности которой сегодня находят место среди главных позиций стратегического планирования в России в целом и регионах. Стратегия социально-экономического развития Республики Коми реализуется с 2006 г. с периодической актуализацией и продлением периода планирования. В 2015–2017 гг. разработана новая редакция Стратегии с продлением периода планирования до 2035 г. (*О Стратегии социально-экономического развития...*, 2019). Ключевым фактором повышения эффективности экономики региона является рост конкурентоспособности продукции, товаров и услуг для формирования привлекательного инвестиционного климата. Удовлетворение потребностей населения, государства и бизнеса в настоящее время во многом зависит от состояния строительной отрасли. Для достижения поставленных стратегических целей необходимо изучение существующих теорий, концепций, методик для обеспечения конкурентных преимуществ и конкурентоспособности северных регионов.

Строительство является важнейшим видом экономической специализации, тесным образом связанным с остальными отраслями и комплексами. В масштабах экономики в целом оно реализует масштабные инфраструктурные проекты и выступает стороной предложения в ответ на инвестиционный спрос остальных отраслей. В частности, важной подотраслью строительства является жилищное строительство, которое, несмотря на общую тенденцию роста, в последние годы не может выйти на уровни 2015 г. и, по прогнозам, пока не обеспечивает достижения целей, установленных в указах Президента Российской Федерации (*Асаул, Асаул, Люлин, 2015*).

Кроме своей непосредственной функции, строительство также может рассматриваться как некий канал, по которому капитальные вложения корпораций и государства транслируются не просто в средства производства и инфраструктуру, но и в социально-экономическое положение индивидов (*Hooper, Peters, Pintus, 2021*). Это обуславливает актуальность разработки методологической основы для проведения диагностики состояния

---

⁷ Код «F» по Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД), охватывающий подотрасли 41 «Строительство зданий», 42 «Строительство инженерных сооружений» и 43 «Работы строительные специализированные».

отрасли в рамках научных исследований – молодой и еще находящейся на этапе становления программы научного поиска (*Мотыла, 2019*). В региональных исследованиях весьма популярен сравнительный подход, когда сопоставляются различные характеристики предмета исследования у разных объектов. Например, анализ можно осуществлять как в рамках самой отрасли в масштабах национальной экономики, так и применительно к строительным комплексам отдельных регионов. Так, можно встретить работы, дающие сравнительные оценки состояния разных видов конечной продукции (*Курсанова, Жариков, 2016*), отдельных отраслей (*Шишкина, 2016*) и предприятий одной отрасли, в том числе в строительстве (*Гусев, Угрюмов, Обронов, 2013*).

Отраслевые исследования строительства затрагивают большой спектр тем, во-первых, это могут быть сугубо внутрисекторные темы: например, вопросы сохранения здоровья работников (*Møller J.L. et al., 2021*) или даже гендерные различия в рабочей силе как следствие требований к квалификации (*Çinar, 2020*). Во-вторых, поднимаются и темы, обычно редко ассоциирующиеся со строительством. В числе последних можно отметить разработку инструментов стимулирования инноваций в рамках сложных механизмов государственно-частного партнёрства (*Carbonara, Pellegrino, 2020*). В целом же отрасль строительства часто рассматривается как важный драйвер инновационного развития; соответственно, существует и много работ на тему способов её стимулирования (*Lindblad, Guerrero, 2020*). Кроме этого, на примере строительных компаний из Китая доказано, что с конкурентоспособностью предприятий сферы строительства прямо взаимосвязана степень их вовлеченности в дела местного сообщества и повестку устойчивого развития (социальная ответственность) – правда, лишь до определенного предела, сверх которого позиции компании ухудшаются по причине растущих издержек (*Guo, Lu, 2021*). На наш взгляд, именно значимость внутриотраслевых особенностей строительства для социально-экономического развития в целом придает актуальность исследованиям методологии диагностики состояния отрасли строительства.

Залогом успешности той или иной отрасли являются масштабы вложения в неё экономических ресурсов, прежде всего инвестиций в основной капитал (*Борисов, Почукаева, 2021*). В связи с этим поиск количественных закономерностей в данной взаимосвязи является важным направлением исследований. Однако в рамках отраслевых региональных работ неизбежно возникают изыскания о факторах, побуждающих осуществлять соответствующие вложения и их последствиях для валового выпуска. Речь идет, во-первых, о межотраслевой конкуренции, то есть конкуренции между отраслями за экономические ресурсы (*Гильмундинов, 2020*) и, во-вторых, специализации регионов и связанных с ней выгод и

издержек (*Растворцева, Снитко, 2020*).

Специфика оценки строительных предприятий определяется особенностями строительной продукции как товара на рынке недвижимости, а именно:

– строительная продукция на рынке сбыта сразу же попадает в активную конкурентную среду вторичного рынка недвижимости, т.е. рынка сбыта объектов недвижимости, которые уже находятся в эксплуатации и, в силу этого, в большинстве случаев имеют более низкую цену, но вместе с тем способны удовлетворить население и тем самым создают трудности с реализацией объектов нового строительства. Реализация вновь созданной строительной продукции в этих условиях в значительной степени зависит от ее потребительского качества, инвестиционной активности предприятий и платежеспособности населения;

– строительная продукция может быть продуктом отложенного потребления, когда потребитель довольствуется имеющимся у него продуктом, либо обращается на вторичный рынок за товаром худшего качества, намечая в перспективе приобретение другой недвижимости;

– строительная продукция ориентирована на длительное применение, вследствие чего покупатель редко обращается на рынок за новым продуктом, чаще его будут интересовать улучшения продукта – ремонт, модернизация, реконструкция;

– территориальная закреплённость продукции делает рынок подрядных работ локальным и его развитие может осуществляться только в совокупности с социально-экономическим развитием региона, в котором определены перспективы создания рабочих мест, благоприятные рекреационные условия и т.п.;

– значительная длительность производственно-коммерческого цикла, что обуславливает необходимость учета фактора времени, наличия информации, дающей возможность довести объект до завершения; обоснованность проектных решений, сокращающих риск морального старения продукции;

– высокие требования к новизне строительной продукции в условиях создания нового производства, которое должно быть конкурентоспособным; в результате этого жизненный цикл товара, производимого строительной организацией, ограничен отдельным заказом, и требуется высокая техническая и технологическая готовность к созданию новой единицы продукции;

– создание каждой единицы продукции требует вовлечения разных участников: застройщик, инвестор, подрядчик и субподрядчики, проектировщик, огромное количество всевозможных надзорных органов. Организация вступает в деловые отношения с целой группой новых партнеров, что является дополнительным источником риска;

– высокая стоимость конечной продукции строительного производства резко сужает круг её возможных потребителей (*Шуваев, 2012*).

В основе конкурентоспособности строительной отрасли лежит система мотивов, которые являются мощной силой, побуждающей её к саморазвитию и совершенствованию. Система мотивов стимулирует организацию к изменению миссии и принципов управления, проведению реинжиниринга бизнес-процессов, внедрению инноваций, системы управления качеством, выпуску более качественной продукции и т.д. Следовательно, конкурентоспособность является важнейшим условием достижения субъектом рынка конкурентных преимуществ в виде идеальной триады элементов «цена – качество – сервис».

Особое значение имеет качество продукции, которое в строительной отрасли измеряется такими свойствами, как надежность, эстетичность, функциональная пригодность, технологичность, эргономичность, безопасность, экологическая чистота, влагостойкость, гибкость архитектурных решений и др. Качество продукции строительного производства последовательно формируется на всех стадиях: предпроизводственной (планирование, проектирование, производство строительных материалов, их доставка на стройплощадки), производственной (строительно-монтажный процесс) и послепроизводственной (приемка и эксплуатация объекта) (*Прохин, Белянцева, Сафонова, 2016*).

Обеспечить конкурентоспособность строительной организации можно лишь при комплексном подходе к разработке стратегии на основе конкурентных преимуществ на рынке.

До конца 2000-х гг. на мировом рынке строительных компаний лидерство имели компании из США, но в последнее время все более конкурентоспособными становятся корпорации Китая и других стран Азии, а также Турции (*Gunhan, 2020*). Тем не менее, основные факторы конкурентоспособности с тех пор не изменились – технологические возможности, навыки проектного управления, финансовая поддержка со стороны государства (в том числе в рамках государственно-частного партнерства), а также сложившиеся межфирменные стратегические альянсы.

Р. Флэнаган и соавторы (*Flanagan et al., 2005*) предлагают с десяток определений конкурентоспособности, различающихся как участниками отношений соперничества, так и соответствующими им индикаторами. Тем не менее, при конструировании частных показателей мы в целом ориентируемся именно на их подход, предполагающий выделение трёх измерений интегрального индикатора («three dimensions of competitiveness»). Безусловно, показатели состояния строительства также должны учитывать особенности отрасли, то есть не быть применимыми при анализе всех видов деятельности.

На сегодняшний день существует множество методик оценки конкурентоспособности строительной отрасли, большая часть которых базируется на анализе экспертных оценок, технических и организационных характеристиках конкретного предприятия. Мы ставим перед собой цель в отборе статистических показателей, прямо или косвенно характеризующих конкурентоспособность строительного комплекса в регионе, и предлагаем следующий алгоритм исследования.

1-й этап. Ревизия показателей единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). На данном этапе выбрано около 50-ти показателей, представленных на рис. 3.1.1.

2-й этап. Отбор показателей.

3-й этап. Анализ конкурентоспособности строительного комплекса региона.

4-й этап. Межрегиональный анализ конкурентоспособности строительного комплекса.

5-й этап. Выработка мер повышения конкурентоспособности строительного комплекса региона.

ПОКАЗАТЕЛИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА РЕГИОНА

→ ОСНОВНЫЕ ФОНДЫ: 1) Введено новых основных фондов. 2) Наличие основных фондов, 3) Степень износа основных фондов 4) Коэффициент обновления основных фондов.

→ ИНВЕСТИЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ: 1) Инвестиции в нефинансовые активы. 2) Инвестиции в основной капитал. 3) Распределение организаций по оценке факторов, влияющих на инвестиционную деятельность. 4) Распределение организаций по оценке целей инвестирования в основной капитал. 5) Индекс физического объема инвестиций в основной капитал. 6) Затраты на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы. 7) Доля инвестиций на реконструкцию и модернизацию в общем объеме инвестиций в основной капитал.

→ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ СФЕРА: 1) Объем работ, выполненный собственными силами по договорам строительного подряда. 2) Введено в действие общей площади жилых домов. 3) Годовой объем ввода жилья. 4) Средняя фактическая стоимость строительства 1 м² жилья. 5) Общий строительный объем введенных зданий. 6) Выбыло по износу и непригодности строительных машин. 7) Количество введенных зданий. 8) Количество зданий и сооружений приостановленных или законсервированных. 9) Количество зданий и сооружений, находящихся в незавершенном строительстве. 10) Наличие основных строительных машин. 11) Наличие основных строительных машин со сроком службы, превышающим срок амортизации. 12) Темп роста ввода общей площади жилых домов. 13) Удельный вес введенной общей площади жилых домов по отношению к общей площади жилищного фонда. 14) Отношение общей площади незавершенных жилых домов к годовому вводу жилья. 15) Индекс физического объема работ. 16) Индекс изменения наличия средств малой механизации, применяемых в строительстве. 17) Площадь квартир в жилых зданиях, находящихся в незавершенном строительстве.

→ ДЕЛОВАЯ АКТИВНОСТЬ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ: 1) Оценка конкурентной среды в строительстве. 2) Индекс предпринимательской уверенности в строительстве. 3) Использование производственных мощностей. 4) Обеспеченность строительной организации заказами. 5) Обеспеченность строительной организации финансированием. 6) Общая оценка экономической ситуации. 7) Оценка изменения цен. 8) Оценка направлений деятельности строительной организации. 9) Оценка производственной деятельности организации. 10) Оценка финансового положения строительной организации. 11) Факторы, ограничивающие производственную деятельность строительных организаций.

→ ИННОВАЦИИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ: 1) Объем инновационных товаров, работ, услуг. 2) Отгружено инновационных товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами. 3) Число используемых передовых производственных технологий. 4) Затраты организаций на технологические инновации. 5) Удельный вес организаций осуществлявших технологические инновации в общем числе обследованных организаций. 6) Удельный вес инновационных товаров, выполненных работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций.

→ КАДРОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ: 1) Среднемесячные затраты на рабочую силу. 2) Средняя численность работников. 3) Число высокопроизводительных рабочих мест

Рисунок 3.1.1 – Показатели конкурентоспособности строительного комплекса региона

Количественная оценка конкурентоспособности строительства отдельного региона производится следующим образом.

Суть методики зависит от состава показателей. Из 50-ти показателей, по-своему оценивающих конкурентоспособность, экспертным путем было выбрано 15 индикаторов (табл. 3.2.1). Подход к построению интегрального индекса позволил выделить три группы (блока) частных показате-

телей конкурентоспособности, характеризующих ресурсный, производственный и финансовый потенциалы.

Таблица 3.2.1 – Показатели оценки конкурентоспособности строительства

Показатель	Единица измерения
Ресурсный потенциал	
Введено новых основных фондов	млн. руб. на одного занятого
Степень износа основных фондов *	%
Инвестиции в основной капитал	млн. руб. на одного занятого
Доля инвестиций, направленных на реконструкцию и модернизацию	%
Темп роста занятых в Строительстве	%
Число высокопроизводительных рабочих мест	ед. на 1000 занятых
Производственный потенциал	
Объем выполненных работ в Строительстве	млн. руб. на одного занятого
Индекс физического объема работ, выполненных по договорам строительного подряда	%
Введено в действие общей площади жилых домов	м ² на 1000 чел. населения
Темп ввода общей площади жилых домов	%
Стоимость строительства 1 кв. м. общей площади жилых помещений (средняя фактическая) *	тыс. руб.
Финансовый потенциал	
Удельный вес прибыльных организаций	%
Рентабельность активов	%
Коэффициент текущей ликвидности	%
Коэффициент автономии	%

Для приведения показателей к сопоставимому виду применялся метод минимаксной нормализации – определялись наибольшие и наименьшие значения частных показателей в группе изучаемых регионов и вычислялись нормированные параметры по регионам. Если увеличение количественного индикатора повышает региональную конкурентоспособность (например, ввод в действие основных фондов), вычисления нормированного частного показателя (N_i) производились по формуле (1). Наоборот, при обратной зависимости (например, при увеличении степени износа основных фондов), применялась формула (2). При расчете интегрального индекса использовались одинаковые весовые коэффициенты (веса) для каждого частного показателя.

$$N_i = \frac{X_i - \min X_i}{\max X_i - \min X_i} \quad (1)$$

$$N_i = 1 - \frac{X_i - \min X_i}{\max X_i - \min X_i}. \quad (2)$$

Таким образом, выбранные показатели наиболее достоверно отражают конкурентоспособность строительной отрасли, позволяют выделить и оценить три аспекта (потенциала) конкурентоспособности строительства каждого региона – ресурсный, производственный и финансовый. Важность этого обусловлена комплексностью понятия конкурентоспособности и высокой условностью интерпретации результатов лишь на основе анализа интегрального показателя.

Информационной базой исследования стала Единая межведомственная информационно-статистическая система Росстата (ЕМИСС). Интегральный индекс рассчитывался по данным 83 субъектов РФ в динамике с 2010 по 2021 гг., по г. Севастополю и Республике Крым – с 2014 по 2021 гг.

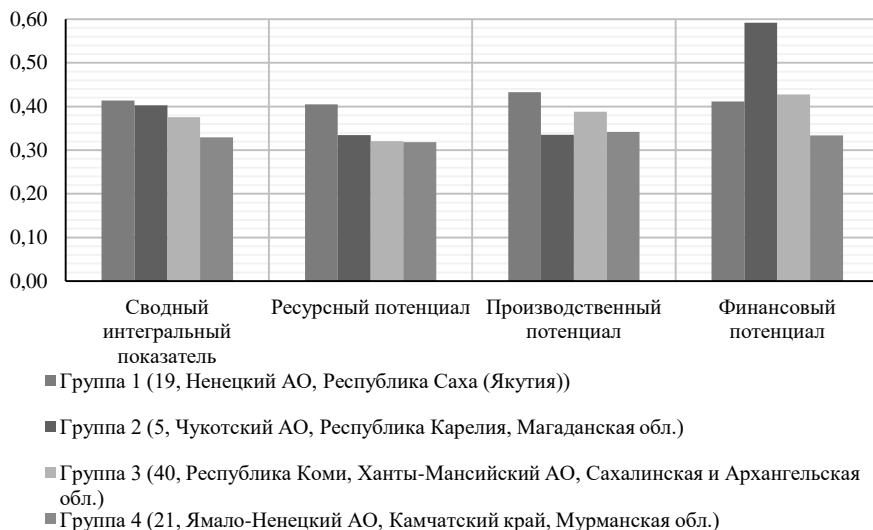
3.2 Анализ уровня конкурентоспособности строительства регионов России

Диагностика конкурентоспособности строительной отрасли производится методом минимаксной нормализации и процедуры иерархических кластеров Ворда, заложенных в программный продукт SPSS.

Конкурентоспособность строительной отрасли регионов России. Три выделенных блока показателей выступили основой трёхмерной группировки регионов России (вариант кластерного анализа) (рис. 3.2.1). Средние уровни интегрального индекса оказались малодифференцированными, особенно между Группами 1 и 2. Тем не менее, выполненная группировка позволила определить межрегиональные различия по основным аспектам межрегиональной конкурентоспособности.

Во-первых, лидерство регионов Группы 1 (входят 19 регионов, из них два северных – Ненецкий АО, Республика Саха (Якутия), см. далее Примечание к табл. 3.2.2) обеспечивает наибольшие ресурсный (инвестиции в основной капитал, ввод новых основных фондов, величина занятости и производительность труда) и производственный потенциалы. Во-вторых, основанием выделения Группы 2 (6 регионов) выступает большой финансовый потенциал. На наш взгляд, это частично объяснимо высокими стоимостными показателями входящих в данную группу северных регионов (Республика Карелия, Магаданская область и Чукотский АО). В-третьих, Группа регионов под номером «3» (самая многочисленная, 40 регионов из них четыре северных – Республика Коми, Ханты-Мансийский АО, Сахалинская и Архангельская обл.) обладает значительными как производственным, так и финансовым потенциалами, несмотря на отставание от Групп 1 и 2 соответственно. Однако данные регионы, в отличие от ре-

гионов Группы 1, отстают по показателям инвестиций и объему выполненных строительных работ. Наконец, регионы Группы 4 (21 регион, из них три северных – Ямало-Ненецкий АО, Камчатский край, Мурманская обл.) в среднем характеризуются минимальными значениями по всем трем аспектам (потенциалам) межрегиональной конкурентоспособности.

Рисунок 3.2.1 – Индексы межрегиональной конкурентоспособности строительства по группам регионов России за 2010–2021 гг.

Источник: расчеты автора.

Примечание: в скобках – количество регионов в группе и наименование северных регионов, сюда входящих.

Группу 1 отличают стабильно высокие значения индикаторов всех трёх блоков (табл. 3.2.2). Например, здесь самые высокие (нормированные) значения таких показателей производственного потенциала, как «Стоимость строительства 1 кв. м. общей площади жилых помещений» и «Введено в действие общей площади жилых домов». Кроме этого, на высокие показатели ресурсного потенциала первой группы повлияла низкая степень износа основных фондов в большинстве регионов, что обусловлено большими величинами инвестиций в основной капитал и числом высокопроизводительных рабочих мест. Таким образом, в регионах первой группы наблюдается относительно низкая себестоимость строительства вследствие обновления основных фондов и роста производительности труда.

Таблица 3.2.2 – Индексы межрегиональной конкурентоспособности по группам регионов за 2010–2021 гг.

Показатель	Группа 1 *	Группа 2 **	Группа 3 ***	Группа 4 ****
Интегральный индекс межрегиональной конкурентоспособности	0,41	0,40	0,38	0,33
Ресурсный потенциал	0,40	0,33	0,32	0,32
Введено новых основных фондов	0,32	0,30	0,27	0,27
Степень износа основных фондов	0,64	0,47	0,46	0,48
Инвестиции в основной капитал	0,36	0,21	0,15	0,14
Доля инвестиций, направленных на реконструкцию и модернизацию	0,40	0,35	0,48	0,44
Темп роста занятых в строительстве	0,39	0,39	0,37	0,39
Число высокопроизводительных рабочих мест	0,31	0,29	0,19	0,17
Производственный потенциал	0,43	0,34	0,39	0,34
Объем выполненных работ в строительстве	0,30	0,21	0,18	0,18
Индекс физического объема работ, выполненных по договорам строительного подряда	0,30	0,33	0,29	0,30
Введено в действие общей площади жилых домов	0,45	0,21	0,37	0,25
Темп ввода общей площади жилых домов	0,33	0,36	0,34	0,33
Стоимость строительства 1 кв. м. общей площади жилых помещений (средняя фактическая)	0,72	0,52	0,73	0,61
Финансовый потенциал	0,41	0,59	0,43	0,33
Удельный вес прибыльных организаций	0,63	0,62	0,63	0,51
Рентабельность активов	0,49	0,64	0,52	0,45
Коэффициент текущей ликвидности	0,19	0,41	0,17	0,15
Коэффициент автономии	0,34	0,70	0,38	0,23

Источник: расчеты автора.

Примечания: * - Республики Дагестан, Ингушетия, Хакасия, Саха (Якутия), Адыгея, Алтай, Кабардино-Балкарская; Краснодарский край, Алтайский край, Красноярский край; Ненецкий АО; Калужская, Ленинградская, Московская, Калининградская, Астраханская, Саратовская, Воронежская и Иркутская области.

** - Чукотский АО; Республика Карелия; Магаданская, Орловская и Курская области.

*** - г. Санкт-Петербург; Псковская, Оренбургская, Челябинская, Новосибирская, Ростовская, Тульская, Тверская, Сахалинская, Архангельская, Нижегородская, Курганская, Свердловская, Владимирская, Волгоградская, Самарская, Вологодская, Белгородская, Ульяновская, Тамбовская, Пензенская, Кемеровская, Тюменская, Липецкая, Брянская, Кировская, Новгородская и Костромская области; Пермский край; Ханты-Мансийский АО; Республики Чеченская, Коми, Башкортостан, Марий Эл, Калмыкия, Татарстан, Мордовия, Чувашская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия-Алания.

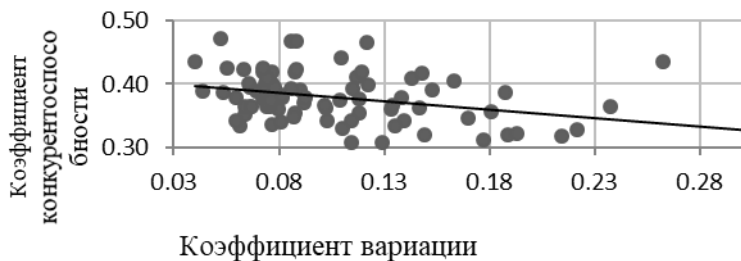
**** - г. Москва, г. Севастополь; Амурская, Ивановская, Мурманская, Омская, Рязанская, Смоленская, Томская, Ярославская области; Ставропольский край, Забайкальский край, Хабаровский край, Камчатский край, Приморский край; Ямало-Ненецкий АО; Еврейская АО; республики Бурятия, Крым, Тыва, Удмуртская.

Группа 2 имеет наибольший финансовый потенциал, но и самый низкий производственный потенциал. Среди территорий данной группы особо выделяется Курская область, где самые высокие среди всех регионов России рентабельность активов, коэффициенты автономии и текущей ликвидности. Парадоксальность заключается в том, что высокая финансовая устойчивость сочетается с низкими объёмами выполненных работ и инвестициями. Таким образом, одних финансовых данных недостаточно для формулирования вывода об уровне межрегиональной конкурентоспособности региона по отдельной отрасли.

Выделение второй группы в рамках многомерной группировки обусловлено ее очень большими величинами по финансовому потенциалу, но схожие тенденции – низкие показатели инвестиций и строительных работ при эффективности использования финансовых ресурсов, – характерны и для самой многочисленной (40 регионов) *Группы 3*.

Регионы *Группы 4* отстают при анализе агрегированных данных (по средним нормированным значениям). Однако по отдельным показателям они могут занимать пусть и не лидирующие, но относительно устойчивые позиции.

Анализ внутрирегиональной динамики интегрального индекса конкурентоспособности показывает, что чем более изменчив индекс региона, тем ниже его значение (ниже конкурентоспособность отрасли строительства в данном регионе) (рис. 3.2.2). Данная взаимосвязь преимущественно обеспечивается наименее конкурентоспособными регионами (входящими в *Группу 4*). Напротив, при высокой конкурентоспособности временная изменчивость индекса почти никак не отражается на его величине. Это позволяет предположить, что фактор стабильности значений индекса во времени является одним из условий конкурентоспособности отрасли строительства.

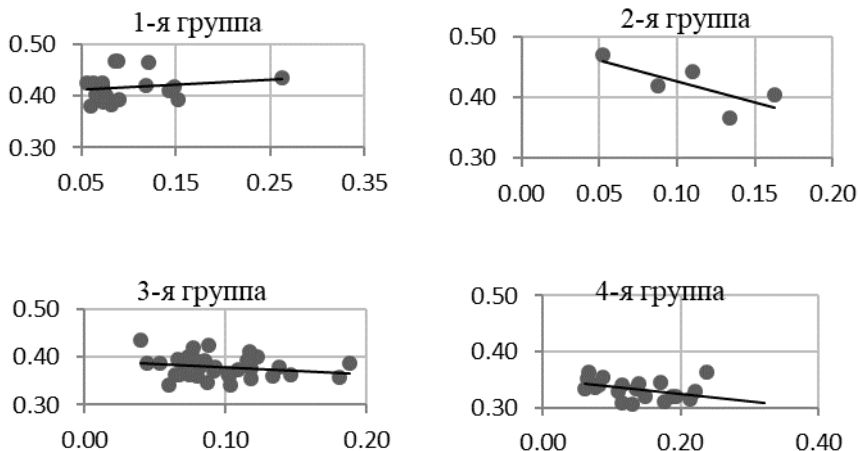

Рисунок 3.2.2 – Взаимосвязь степени конкурентоспособности и уровня динамической стабильности регионов РФ за 2010–2021 гг.

Интегральный индекс межрегиональной конкурентоспособности региона по строительству выше при растущих общих инвестициях и экономике в целом. При этом на величину индекса оказывает сильное положительное влияние спрос со стороны государственного сектора (табл. 3.2.3). Так, значение индекса не связано с уровнями доходов физлиц и частных инвестиций, но выше в регионах с меньшей бюджетной обеспеченностью и высокими государственными инвестициями. При этом в части показателей предложения услуг отрасли, оценки конкурентоспособности региона больше, если строительство играет заметную роль в региональной экономике (отраслевая специализация выше), в том числе через сектор малого и среднего предпринимательства. Оценки также выше при малой налоговой нагрузке и высокой доле неформальной занятости.

Таблица 3.2.3 – Парная корреляция с интегральным индексом межрегиональной конкурентоспособности регионов РФ

Показатель	Коэффициент корреляции
Индикаторы спроса на продукцию строительства	
Темп роста экономики региона, %	0,3
Индекс общих инвестиций, %	0,3
Частные инвестиции в основной капитал, тыс. руб./чел.	0

Продолжение таблицы 3.2.3

Показатель	Коэффициент корреляции
Доля инвестиций в жилые помещения в общем объеме инвестиций, %	0,4
Среднемесячная начисленная заработная плата, тыс. руб./чел.	0
Бюджетная обеспеченность региона (до распределения федеральных дотаций), ед.	-0,2
Доля бюджетных инвестиций в общем объеме	0,3
Индикаторы предложения	
Доля Строительства в ВРП региона, %	0,3
Выручка на одного занятого в МСП в Строительстве, млн. руб. /чел.	0,2
Налоговые поступления в бюджетную систему РФ от Строительства, тыс. руб./чел.	-0,2
Доля занятых в неформальном секторе, %	0,3

Источник: расчеты автора.

Примечание: Только значимые коэффициенты корреляции (по t-критерию Стьюдента).

На рис. 3.2.3 проиллюстрирована прямая взаимосвязь интегрального индекса межрегиональной конкурентоспособности и доли строительства в ВРП региона – индикатора специализации экономики региона на данной отрасли. Мы видим, что обладание межрегиональными преимуществами, как правило, ведет к росту специализации регионов на данном виде деятельности, с привлечением ресурсов (факторов производства) из других отраслей региональной экономики. Тем не менее, высокие объем выполненных работ и производительности труда – факторы попадания регионов в Группу 1 по величине индекса конкурентоспособности, – вызываются спросом со стороны государственного, а не частного сектора экономики, так как интегральный индекс межрегиональной конкурентоспособности имеет прямую взаимосвязь с бюджетными инвестициями, но не зависит от частных инвестиций и доходов физлиц.

Рисунок 3.2.3 – Индекс конкурентоспособности и доля строительства в ВРП регионов РФ

Источник: расчеты автора.

Таким образом, отбор первичных данных из Единой межведомственной информационно-статистической системы позволил разработать методику оценки конкурентоспособности строительного комплекса регионов, с учётом отраслевой спецификации. Предложенный подход к количественной оценке региональной конкурентоспособности отрасли строительства позволил выделить группы регионов с высоким объёмом работ и производительностью труда и те из них, которые отстают по показателям ресурсного и производственного потенциалов. Можно сделать предположение, что в регионах – лидерах по развитости строительства и при этом с высокой специализацией (прежде всего, из СКФО), данная отрасль является малоконкурентной со стороны других отраслей, и это приводит к сохранению ее позиций, несмотря на отрицательный вклад в ВРП при росте специализации.

Конкурентоспособность строительной отрасли северных регионов. В соответствии с указанными особенностями вычисленные интегральные индексы конкурентоспособности строительного комплекса северных регионов дают возможность оценить потенциал каждого региона по шкале от 0 до 1. Существенность рассчитанного значения уровня индивидуальной региональной конкурентоспособности при этом можно классифицировать следующим образом:

- менее 0,350 – низкий уровень конкурентоспособности;
- от 0,350 до 0,400 – средний уровень конкурентоспособности;
- более 0,400 – высокий уровень конкурентоспособности.

Динамика сводного интегрального показателя конкурентоспособности, рассчитанного по предложенной методике представлена в табл. 3.2.4.

Таблица 3.2.4 – Динамика сводного интегрального показателя конкурентоспособности строительного комплекса северных регионов за 2010–2021 гг.

Территории	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Среднее
Российская Федерация	0,382	0,373	0,354	0,328	0,362	0,340	0,431	0,413	0,366
СЕВЕР	0,409	0,371	0,364	0,333	0,389	0,326	0,425	0,412	0,380
Республика Карелия	0,495	0,443	0,431	0,394	0,455	0,371	0,487	0,499	0,435
Республика Коми	0,394	0,363	0,395	0,275	0,383	0,292	0,443	0,328	0,364
Архангельская область	0,474	0,374	0,373	0,326	0,355	0,304	0,441	0,516	0,394
Ненецкий АО	0,679	0,417	0,402	0,327	0,468	0,258	0,531	0,435	0,485
Мурманская область	0,326	0,304	0,300	0,358	0,359	0,263	0,439	0,442	0,347
Ханты-Мансийский АО - Югра	0,387	0,345	0,328	0,318	0,319	0,293	0,479	0,399	0,390
Ямало-Ненецкий АО	0,350	0,299	0,279	0,250	0,449	0,316	0,492	0,408	0,361
Республика Саха (Якутия)	0,325	0,465	0,481	0,417	0,421	0,429	0,382	0,421	0,373
Камчатский край	0,408	0,224	0,338	0,351	0,358	0,253	0,306	0,310	0,324
Магаданская область	0,391	0,342	0,374	0,256	0,390	0,438	0,401	0,350	0,379
Сахалинская область	0,395	0,438	0,371	0,335	0,393	0,361	0,456	0,414	0,407
Чукотский АО	0,382	0,549	0,341	0,458	0,352	0,411	0,437	0,608	0,430

Источник: Расчёты автора.

Примечание: Здесь и далее в таблицах и по тексту показатели по Архангельской обл. приведены без учета Ненецкого АО.

За исследуемый период среди 85-ти субъектов РФ в целом по Северу уровень конкурентоспособности строительства имеет среднее значение 0,38, что выше среднероссийского уровня на 0,014 п.п. За исследуемый период отмечается тенденция роста значений интегрального показателя конкурентоспособности как в целом по России, так и в зоне Севера. Среди регионов значительное увеличение в 2021 г. по сравнению с 2010 г. произошло в Чукотском АО (на 0,24 п.п.), Архангельской области (на 0,122) и Республике Саха (Якутия) (на 0,107). Наибольшее снижение отмечалось в Ненецком АО (на 0,283 п.п.), Камчатском крае (на 0,067) и Магаданской области (на 0,045).

Группировка северных регионов по уровню конкурентоспособности строительства по среднему значению обобщающих интегральных показателей за исследуемый период приведена в табл. 3.2.5.

Таблица 3.2.5 – Группировка северных регионов по уровню конкурентоспособности строительной отрасли

Территории	Уровень конкурентоспособности	Значение
Республика Карелия, Ненецкий АО, Сахалинская область, Чукотский АО	высокий	> 0,400
Архангельская область, Ханты-Мансийский АО, Республика Саха (Якутия), Магаданская область	средний	от 0,370 до 0,400
Республика Коми, Мурманская область, Ямало-Ненецкий АО, Камчатский край	низкий	< 0,370

Источник: расчёты автора.

В группу территорий с высоким уровнем конкурентоспособности строительства входят Республика Карелия, Ненецкий АО, Сахалинская область и Чукотский АО. Средний уровень имеют Архангельская область, Ханты-Мансийский АО, Республика Саха (Якутия), Магаданская область. Остальные территории относятся к низкому уровню конкурентоспособности.

Более детальный анализ конкурентоспособности позволяет сделать ряд частных показателей (табл. 3.2.6). Следует отметить, что некоторые показатели конкурентоспособности строительства ряда северных территорий имеют в некоторые годы исследуемого периода как максимальные (1), так и минимальные значения (0) среди 85-ти субъектов РФ.

По показателю «Введено новых основных фондов» среди северных регионов за 2010–2021 гг. наилучшие значения коэффициентов имеет Ненецкий АО, причем практически каждый год данный индикатор был максимальным среди 85-ти субъектов РФ. Прирост за исследуемый период составил 0,17 пункта. Высокие значения имеют Чукотский АО (0,24) и Ямало-Ненецкий АО (0,11). В остальных северных регионах значения были не столь велики. В среднем за исследуемый период меньше всего вводилось основных фондов на одного занятого в Республике Карелия (средний нормированный коэффициент 0,12), Камчатском крае (0,20), Архангельской области (0,23), Республике Коми (0,23) и Мурманской области (0,24).

В отличие от предыдущего индикатора по показателю «Степень износа основных фондов» ситуация по северным регионам значительно лучше. Хотя сам износ основных в среднем по Северу за исследуемый период и высок – от 40 до 60%, нормированные коэффициенты большинства северных территорий по сравнению со всеми регионами России выглядят значительно лучше (данный индикатор имеет обратную зависимость, т.е. чем выше его значение, тем ниже степень износа). Высокие значения (более 0,5 и выше, чем в среднем по России) нормированного коэффициента данного показателя имеют Республика Саха (Якутия) (в среднем за 2010–2021 гг. – 0,67), Камчатский край и Сахалинская область (по 0,65). Крайне

низкое значение в Ханты-Мансийском АО – 0,13 (почти две трети фондов изношены). За период 2010–2021 гг. положительные сдвиги нормированного показателя наблюдались в Республике Саха (Якутия) (на 0,29 п.), Ямало-Ненецком АО (0,28) и Республике Карелия (0,26), отрицательные – в Ненецком АО (на 0,8 п.) и Сахалинской области (0,21).

Таблица 3.2.6 – Нормированные показатели северных регионов РФ за 2010–2021 гг.

Территория	Введено новых основных фондов		Инвестиции в основной капитал	Доля инвестиций, направленных на модернизацию	Темп роста занятых	Число высокопроизводительных рабочих	Объем выполненных работ	Индекс физического объема выполненных работ	Введено общей площади жилых домов	Темп ввода общей площади жилых домов	Средняя стоимость строительства жилья	Удельный вес прибыльных организаций	Рентабельность активов	Коэффициент текущей ликвидности	Коэффициент автономии
	0,16	0,54													
Российская Федерация	0,16	0,54	0,12	0,37	0,35	0,24	0,20	0,31	0,39	0,28	0,84	0,63	0,50	0,14	0,32
Север	0,35	0,42	0,27	0,26	0,37	0,31	0,27	0,33	0,24	0,30	0,65	0,52	0,56	0,25	0,48
Республика Карелия	0,12	0,52	0,10	0,53	0,37	0,30	0,16	0,30	0,28	0,30	0,84	0,50	0,70	0,37	0,84
Республика Коми	0,23	0,37	0,20	0,24	0,31	0,33	0,24	0,31	0,14	0,30	0,84	0,53	0,60	0,19	0,47
Архангельская область	0,23	0,56	0,16	0,52	0,35	0,40	0,26	0,32	0,21	0,29	0,83	0,53	0,61	0,20	0,46
Ненецкий АО	0,90	0,58	0,95	0,03	0,35	0,29	0,50	0,35	0,50	0,25	0,66	0,22	0,47	0,53	0,71
Мурманская область	0,24	0,41	0,25	0,34	0,45	0,35	0,23	0,38	0,02	0,32	0,70	0,37	0,49	0,18	0,44
Ханты-Мансийский АО - Югра	0,39	0,13	0,32	0,35	0,32	0,19	0,31	0,31	0,40	0,26	0,77	0,67	0,62	0,16	0,42
Ямало-Ненецкий АО	0,54	0,34	0,50	0,05	0,41	0,40	0,46	0,36	0,28	0,26	0,64	0,38	0,61	0,10	0,16
Республика Саха (Якутия)	0,22	0,67	0,26	0,10	0,43	0,38	0,16	0,29	0,37	0,29	0,69	0,64	0,48	0,14	0,41
Камчатский край	0,20	0,63	0,16	0,38	0,37	0,24	0,29	0,29	0,14	0,26	0,57	0,41	0,44	0,21	0,26
Магаданская область	0,28	0,49	0,28	0,18	0,41	0,29	0,40	0,35	0,04	0,32	0,59	0,72	0,51	0,18	0,51
Сахалинская область	0,29	0,63	0,34	0,14	0,36	0,31	0,37	0,30	0,47	0,31	0,60	0,66	0,57	0,17	0,45
Чукотский АО	0,55	0,43	0,54	0,21	0,37	0,49	0,38	0,42	0,00	0,42	0,00	0,64	0,58	0,62	0,62

Источник: расчёты автора.

По показателю «Инвестиции в основной капитал» среди северных регионов за 2010–2021 гг. наилучшие значения коэффициентов имеет Ненецкий АО (причем практически каждый год данный индикатор был максимальным среди 85-ти субъектов РФ), Чукотский и Ямало-Ненецкий АО. Крайне низкие значения данного индикатора наблюдаются в Республике Карелия (в среднем за 2010–2021 гг. – 0,10), Архангельской области и Камчатском крае (по 0,16). По остальным северным регионам значения нормированных коэффициентов также невысоки, на что влияют экстремальные значения в Ненецком АО. За исследуемый период значительный прирост данного показателя зафиксирован в Чукотском АО (на 0,79 п.); максимальное снижение – в Ненецком АО (на 0,42), Сахалинской области (0,23), Камчатском крае (0,19) и Республике Коми (0,18).

По темпу изменения численности занятых ситуация в среднем до 2018 г. была равнозначная – все северные регионы имели нормированные показатели с низким уровнем конкурентоспособности. Однако в 2021 г. у ряда регионов положение изменилось к лучшему: по темпу роста занятых во всех регионах нормированные показатели улучшились во всех северных регионах, максимально в Чукотском АО (на 0,41 п.), Ямало-Ненецком АО (0,38), Мурманской обл. (0,33) и Магаданской обл. (0,25).

По показателю «Число высокопроизводительных рабочих мест» среди северных регионов до 2019 г. ситуация была неблагоприятной – почти половина территорий по нормированному коэффициенту по уровню конкурентоспособности находилась в крайне низкой зоне. Начиная с 2020 г., ситуация кардинально изменилась в лучшую сторону. В результате за исследуемый период максимальный прирост отмечен в Чукотском АО (на 0,44 п.), Сахалинской обл. (0,43) и Мурманской области (0,41).

По главному результирующему показателю «Объем выполненных работ» среди северных регионов за 2010–2021 гг. ситуация была относительно хорошей в большинстве северных регионов, где средний за исследуемый период нормированный индикатор превышал среднероссийское значение. Однако в большинстве регионов в 2021 г. по сравнению с 2010 г. произошло снижение данного индикатора. Лишь в Чукотском АО наблюдалось превышение – на 0,6 п.

По показателю «Индекс физического объема выполненных работ» среди северных регионов за 2010–2021 гг. только в Чукотском АО средний за исследуемый период нормированный индикатор был относительно высоким и составлял 0,42, увеличившись в 2021 г. относительно 2010 г. на 0,22 п. Кроме того, следует отметить заметное улучшение значений индикатора в Республике Саха (Якутия) (на 0,5 п.), Мурманской обл. (0,46), Камчатском крае (0,42) и Ямало-Ненецком АО (0,31). И лишь в трёх северных регионах в 2021 г. коэффициенты относительно 2010 г. снизились, максимально в Ненецком АО – на 0,27 п.

Для оценки уровня конкурентоспособности жилищного строительства в данном исследовании использовался показатель «Введено в действие общей площади жилых домов». Относительно высокие значения данного индикатора среди северных регионов РФ за исследуемый период наблюдались только в Ненецком АО (в среднем за 2010-2021 гг. – 0,5), Сахалинской обл. (0,47) и Ханты-Мансийском АО (0,4). Крайне низкие значения отмечены в Чукотском АО (0,01 – за весь исследуемый период самые низкие значения среди всех субъектов РФ), Мурманской обл. (0,02), Магаданской обл. (0,04), Республике Коми (0,14), Камчатском крае (0,14), Архангельской области (0,21) и Республике Карелия (0,28). Примечательно, что на протяжении всего исследуемого периода существенных изменений данного показателя не происходило. Исключением является относительно «благополучный» Ненецкий АО, где нормированный коэффициент в 2021 г. по сравнению с 2010 г. снизился на 0,7 пункта.

За исследуемый период ценовая ситуация в жилищном строительстве в северных регионах была неравнозначной. Самая низкая стоимость строительства жилья наблюдалась в республиках Коми и Карелия, Архангельской области, самая высокая – в Сахалинской и Магаданской областях, Ямало-Ненецком АО и Камчатском крае.

По показателю «Удельный вес прибыльных организаций» северных регионов за 2010-2021 гг. высокие средние значения наблюдались в Магаданской обл. (0,72 п.), Ханты-Мансийском АО (0,67), Сахалинской обл. (0,66), Чукотском АО (0,64) и Республике Саха (Якутия) (0,64). Улучшение данного показателя в 2021 г. по сравнению с 2010 г. зафиксировано только в Архангельской области (на 0,39 п.), Республике Карелия (0,21) и Магаданской области (0,15).

Следует отметить, что среди показателей финансового потенциала рентабельность активов в северных регионах имеет высокие значения. В целом по Северу эти значения выше, чем в целом по России. Однако в 2021 г. относительно 2010 г. во всех регионах, кроме Чукотского АО, произошло ухудшение рентабельности, максимально в Ненецком АО (на 0,45 п.) и Республике Коми (0,43).

В отличие от предыдущего индикатора финансового потенциала, показатель «Коэффициент текущей ликвидности» северных регионов за 2010–2021 гг. имел довольно низкие значения. Высоким он был только в Чукотском АО (в среднем 0,62) и Ненецком АО (0,53), причем в большинстве северных регионов в 2021 г. произошло снижение.

По показателю «Коэффициент автономии» ситуация в северных регионах за исследуемый период была неравнозначной: средние значения данного индикатора колебались от 0,158 в Ямало-Ненецком АО до 0,845 в Республике Карелия. Особо необходимо отметить улучшение в Чукотском АО, где до 2014 г. значения данного индикатора были самыми низкими в

России. Однако в 2014 г. ситуация изменилась на противоположную и за последние годы этот коэффициент здесь был максимальным среди всех субъектов России.

В среднем за исследуемый период положительное влияние (более 0,5) на обобщающий интегральный показатель конкурентоспособности имели частные индикаторы следующих северных регионов:

– Ввод основных фондов – Ненецкий АО (0,9), Чукотский АО (0,55) и Ямало-Ненецкий АО (0,54);

– Степень износа основных фондов – Республика Саха (Якутия) (0,67), Сахалинская область (0,63), Камчатский край (0,63), Ненецкий АО (0,58) и Архангельская область (0,56);

– Инвестиции в основной капитал – Ненецкий АО (0,95) и Чукотский АО (0,54);

– Объем выполненных работ – Ненецкий АО (0,5);

– Введено в действие общей площади жилых домов – Ненецкий АО (0,5);

– Средняя фактическая стоимость строительства – Республика Коми (0,84), Республика Карелия (0,84), Архангельская область (0,83) и Ханты-Мансийский АО (0,77);

– Удельный вес прибыльных организаций – Магаданская обл. (0,72), Ханты-Мансийский АО (0,67), Сахалинская область (0,66), Якутия (0,64), Чукотский АО (0,64);

– Рентабельность активов – Республика Карелия (0,7), Ханты-Мансийский АО (0,62), Архангельская область (0,61), Ямало-Ненецкий АО (0,61), Республика Коми (0,6), Чукотский АО (0,58), Сахалинская область (0,57) и Магаданская области (0,51);

– Коэффициент текущей ликвидности – Чукотский АО (0,62) и Ненецкий АО (0,53);

– Коэффициент автономии – Республика Карелия (0,85), Ненецкий АО (0,71), Чукотский АО (0,63) и Магаданская область (0,51).

По таким показателям как темп роста занятых, число высокопроизводительных рабочих мест, объем выполненных работ, индекс физического объема работ и вовсе нет территорий с высоким коэффициентом. Очевидно, что большинство территорий практически по всем частным показателям конкурентоспособности имеют низкие значения коэффициентов, что и повлияло на низкие значения сводного интегрального показателя.

Таким образом, предложенный подход к количественному анализу конкурентоспособности строительной отрасли позволил выделить группы регионов России с высоким объёмом работ и производительностью труда и те из них, которые отстают по показателям ресурсного и производственного потенциалов.

Лидерство регионов по интегральному индексу конкурентоспособности строительства обусловлено относительно низкими издержками производства, в основном низким уровнем оплаты труда, в сравнении со среднеотраслевыми значениями в соответствующем регионе, а также высокой долей бюджетных инвестиций. Но для удержания факторов производства в строительстве в рамках межотраслевой конкуренции и привлечения их из других видов деятельности высокого спроса со стороны бюджетной системы недостаточно. Поэтому регионы со специализацией на строительстве обычно характеризуются и более высоким уровнем заработной платы в отрасли (по сравнению с другими отраслями).

Поддержка региональных экономик со стороны государственного сектора не позволяет им получать выгоду от специализации на отрасли строительства в терминах роста уровня доходов, хотя и поддерживает на стабильно высоком уровне количественные оценки потенциалов конкурентоспособности даже при ухудшении национальных макропоказателей. В регионах с высокой конкурентоспособностью отрасли строительства и высокой специализацией, данная отрасль испытывает малую конкуренцию со стороны других отраслей, и это приводит к сохранению её позиций.

3.3 Направления повышения конкурентоспособности в строительстве

Российский строительный рынок функционирует в настоящее время в условиях возрастающей конкуренции его участников между собой. Конкуренция здесь выступает в качестве мощного инструмента, регламентирующего условия функционирования предприятий, а также обуславливающего характер и способы их приспособления к конкретной рыночной ситуации. Особенно это важно в условиях строительства на Севере, с учётом сложных природно-климатических условий и удорожающих факторов. Поэтому управление конкурентоспособностью становится важнейшим элементом в системе менеджмента современных строительно-монтажных организаций. Любое управление начинается с оценки достигнутого состояния и динамики развития того или иного процесса.

В рамках данного исследования в качестве ориентиров повышения конкурентоспособности строительного комплекса северных регионов должны служить низкие нормированные показатели конкурентоспособности по блокам исследуемых потенциалов, проанализированных во втором параграфе данной главы.

Для увеличения строительной активности организаций северных регионов необходимы условия для полноценного формирования портфеля заказов, для чего должны более активно привлекаться органы власти всех уровней. Снижению цен на строительно-монтажные работы и строительные материалы должно способствовать развитие конкурентной среды

между участниками рынка строительных материалов и конструкций, организациями строительства региона. Для дальнейшего повышения использования предприятиями заемных средств необходимо развивать инструменты принятия банками в залоговое имущество различных видов ликвидного имущества, увеличивать количество и размер предоставляемых банкам государственных гарантий. Для нивелирования высокого уровня налогов должны применяться различные механизмы налоговых послаблений и рассрочек.

В целях методологического совершенствования, чтобы можно было проследить, как эффективно устраняются барьеры и создаются благоприятные условия для ведения предпринимательской деятельности в строительстве, Росстату необходимо включить в списки опросов предпринимателей такие факторы, как доступность выделения земельных участков под строительство, возведение инженерных инфраструктур, оперативность при согласовании разрешительных документов на строительство. Эти данные необходимы государству для активного влияния на развитие строительной отрасли.

В дополнение к существующим методам оценки конкурентной позиции (анализ PEST, SWOT-анализ, бенчмаркинг) предлагается проводить комплексный анализ внутренней и внешней среды строительномонтажных организаций, результаты которого могут быть использованы для определения резервов повышения конкурентоспособности и разработки решений по управлению ею.

Несмотря на то, что каждый рынок имеет свои уникальные особенности, всё же есть нечто общее в том, как осуществляется конкуренция на разных рынках, и этого вполне достаточно, чтобы сказать, что суть конкуренции может быть выражена единой аналитической концепцией, используемой для выявления природы и оценки интенсивности конкуренции. Для повышения эффективности работы строительной организации основные мероприятия должны быть направлены на активизацию маркетинговой деятельности.

Для дальнейшего развития строительного комплекса регионов Правительству РФ необходимо использование и совершенствование механизмов льготного кредитования жилищного строительства.

На наш взгляд, для северных регионов актуально увеличение доли в жилищном строительстве деревянного домостроения, что будет весьма конкурентоспособным драйвером развития по сравнению с другими регионами РФ.

В качестве дополнительных мер по совершенствованию конкурентоспособности строительного комплекса северных регионов можно отметить:

– применение меньших издержек на производство и реализацию строительных услуг;

– обеспечение индивидуальности строительной продукции и услуги с поддержкой дифференциации. Дифференциация означает возможность строительного предприятия снабдить покупателя товаром, располагающим большей ценностью, т.е. большей потребительной ценой (необычный авторитет предприятия, значительный потенциал для проведения НИОКР, безукоризненный дизайн, изготовление и применение материалов благородного или экологического качества и т.п.);

– концентрация на сегменте. Строительные организации адресуют свои акты на обусловленный сегмент рынка. При этом предприятие старается быть лидером за счёт экономии на издержках, либо дифференцирования продукта, либо сочетания того или иного. В данном случае предприятие обязано удовлетворять запросы потребителей результативнее, чем конкуренты;

– внедрение организационных критериев, устремленных на усовершенствование труда предприятия, через рост конкурентоспособности отпускаемой продукции показаны. По своей сути товар (работы, услуги) проявляются единым средством приобретения прибыли и тем самым важнейшим орудием конкурентной борьбы, её вещественной основой. От организационного порядка строительного предприятия зависит, как совершенно оно сможет применять свои внутренние запасы, материальные, технические, человеческие, управленческие и финансовые ресурсы. Организационное строение должно сориентироваться на исполнение новейших разработок, программ и проектов и приспособляться при этом к трансформациям обстоятельств на рынке таким образом, чтобы предприятие за счет более целесообразного применения ресурсов, понижения затрат обладало потенциалом находить решения поставленным задачам.

Конкурентоспособность в строительстве в основном определяется конкурентоспособностью выпускаемой товарной строительной продукцией, квалификацией работников и эффективностью развития и использования производственного потенциала, позволяющего производить эту продукцию, а, следовательно, и квалификацией менеджеров, от которой зависит эффективность использования производственного потенциала.

Определим основные пути повышения конкурентоспособности строительного комплекса за счёт обеспечения конкурентоспособности производимой товарной строительной продукции.

В современных условиях возникает необходимость в смене ориентации и критериев оценки проектируемой и производимой строительной продукции. При этом конкурентоспособность строительной продукции в основном определяется соотношением её качественных и стоимостных характеристик, которое обеспечивает удовлетворение конкретных потреб-

ностей потенциального заказчика на заданном сегменте рынка и выгодно для него отличается от аналогичной продукции конкурентов. Следовательно, конкурентоспособность строительной продукции может определяться совокупностью свойств, входящих в состав ее качества и определяющих затраты потребителя на её приобретение и эксплуатацию. При этом в общем случае метод оценки конкурентоспособности определяется целью проводимого исследования, например:

- если необходимо определить положение предполагаемой к производству строительной продукции в ряду аналогичной, то достаточно провести их прямое сравнение по важнейшим параметрам;

- если же целью исследования является оценка перспектив роста объема портфеля заказов на конкретном сегменте рынке, то в анализе должна использоваться информация, включающая сведения о проектах, которые выйдут на рынок в перспективе, а также сведения об изменении действующих в стране стандартов и законодательства, динамики потребительского спроса.

Независимо от целей исследования, основой оценки конкурентоспособности является исследование рыночных условий, которое должно проводиться постоянно, как до начала разработки новой продукции, так и в ходе её реализации. При этом решается задача выделения той группы факторов, которые влияют на формирование спроса в определенном секторе рынка:

- рассматриваются изменения в требованиях постоянных заказчиков продукции;

- анализируются направления развития аналогичных разработок;

- рассматриваются сферы возможного использования продукции;

- анализируется круг потенциальных потребителей.

Все это требует проведения глубоких маркетинговых исследований рынка и изучение направлений его развития как в ближайшем будущем, так и на длительную перспективу. Особое место и трудности в изучении рынка обычно занимает долгосрочное прогнозирование его развития. На основе изучения рынка и требований потенциальных заказчиков предполагается к производству строительная продукция, по которой проводится анализ или формулируются основные требования по соотношению ее стоимости и качества.

Результаты оценки конкурентоспособности используются для общего вывода о качестве товарной продукции, а также для выбора путей оптимального повышения конкурентоспособности продукции с точки зрения различных сегментов рынка. Однако факт высокой конкурентоспособности строительной продукции является лишь необходимым условием для ее реализации на рынке в заданных объемах. Следует также учитывать

формы и методы технического обслуживания, наличие рекламы, торгово-политические отношения между странами и т.д.

По результатам оценки конкурентоспособности конечной строительной продукции могут быть приняты следующие пути повышения конкурентоспособности производственного потенциала и экономических рычагов управления развитием строительного комплекса:

- необходимость приобретения современной строительной техники, позволяющей повысить качество выполняемых строительномонтажных работ;

- изменение состава, структуры и качества применяемых стройматериалов (сырья, полуфабрикатов), комплектующих изделий или строительных конструкций;

- изменение порядка и качества проектирования строительной продукции;

- улучшение технологии строительства, методов испытаний, системы контроля качества промежуточной и конечной строительной продукции;

- повышение квалификации менеджеров и производственных рабочих;

- изменение цен на продукцию, цен на услуги по обслуживанию и ремонту;

- изменение порядка заключения подрядных договоров и взаимодействия с заказчиками;

- изменение структуры и размера инвестиций в разработку, производство и сбыт строительной продукции;

- изменение структуры и объемов кооперационных поставок;

- сокращение числа поставщиков и взаимодействие с ними на долговременной основе;

- изменение системы стимулирования поставщиков.

Стратегия повышения качества строительной продукции является важнейшей составной частью стратегии организаций по повышению своей конкурентоспособности. При этом объектами прогнозирования должны являться показатели качества предполагаемой к выпуску строительной продукции, не уступающие аналогичным показателям товарной продукции конкурентов.

В конкурентной политике строительных организаций относительно качества выпускаемой продукции должны, прежде всего, приниматься во внимание функциональное назначение, надежность, долговечность, удобство использования, эстетичность внешнего вида, и другие характеристики, т.е. способность продукции удовлетворять совокупные потребности потребителя лучше, чем товары-конкуренты. Создание такой потребительской ценности продукции, которая включала бы в себя всю сово-

купность свойства данного товара, а также сопутствующих ему факторов, является важнейшим условием выживания на рынке.

Строительные фирмы, создавая конкурентоспособную продукцию, могут применять следующие различные тактические решения:

- добиться отличия продукции фирмы в глазах заказчиков от продукции конкурентов;

- выбрать из намеченной к производству продукции один тип строительных объектов, являющийся наиболее привлекательным для всех потребителей строительной продукции, и осуществить на этой основе прорыв на рынке;

- своевременно изъять из производства экономически неэффективную продукцию;

- найти выход на новые рынки со старыми и новыми видами строительной продукции;

- осуществлять модификацию выпускаемой строительной продукции в соответствии с новыми вкусами и потребностями заказчиков.

Исходя из оценки существующей и перспективной конкурентоспособности различных видов строительной продукции, принимается решение о характере дальнейшей производственной политики строительной фирмы путем выбора одной из следующих её альтернатив:

- продолжать производство конкретного вида строительной продукции;

- провести модернизацию для превращения продукции в товар рыночной новизны и необходимости;

- снять с производства продукцию и приступить к выпуску нового вида строительной продукции;

- приступить к поиску новых рынков сбыта с учетом достаточности финансовых и материальных ресурсов, наличия продукции, позволяющей организовать новую сбытовую сеть.

Строительными организациями должен также изучаться вопрос о собственных возможностях обеспечения такого объёма строительного производства, который позволил бы овладеть запланированной нишей намеченного сегмента рынка в целях обеспечения рентабельности производства и требуемого объёма портфеля заказов. Важно решить вопрос ресурсного обеспечения фирмы, определяемый возможностями приобретения необходимых стройматериалов, комплектующих изделий, привлечением требуемых финансовых ресурсов и наличием кадров с необходимым уровнем квалификации.

При выборе путей повышения конкурентоспособности товара нередко бывает очень своевременным решение не о запуске нового или снятии с производства морально устаревшего, а о модификации товара. Решение о модификации товара принимается в целях удовлетворения осо-

бых требований покупателей для получения большей прибыли. В решении задач повышения конкурентоспособности продукции с каждым годом всевозрастающее значение приобретает проблема выбора и освоения новых рынков сбыта. В связи с этим в любой строительной фирме необходимо проводить аналитико-поисковые усилия в этой области, создавая для этой цели соответствующую проблемно-целевую группу специалистов. Новые рынки сбыта решающим образом могут изменить конкурентоспособность производимой продукции и рентабельность сбытовой деятельности. Внедряя выпускаемую продукцию на новый рынок, можно продлить её жизненный цикл. А увеличение объема продаж на новых рынках позволит снизить издержки производства на единицу продукции, прежде всего за счет использования дешевой рабочей силы, достаточно низких уровней налогов и таможенных пошлин и ряда других факторов на новых рынках сбыта. В связи с этим очень важно для дальнейшего развития конкурентоспособности выпускаемой продукции (прежде чем перейти к новому виду предлагаемых к реализации объектов, её модификации, снятию с производства) попытаться выйти с ней на новый рынок сбыта, так как на старом рынке ее конкурентоспособность резко упала.

В течение многих десятков лет в нашей стране в условиях высокой монополизации производителей регулятором производства строительной продукции являлся не реальный спрос, а административно-командный механизм распределения и регулирования потребления. В этих условиях проблема повышения конкурентоспособности продукции у производителей практически не стояла, а если и возникала, то решалась лишь в отношении той продукции, которая подлежала реализации на внешнем рынке. С развитием рыночного механизма эта проблема в нашей стране, естественно, резко обострилась, и её решение потребовало от всех субъектов рынка активного поиска путей и методов повышения конкурентоспособности производимой и потребляемой продукции. В связи с этим в современной экономике главным направлением финансово-экономической и производственно-сбытовой стратегии каждого производителя становится разработка стратегии повышения конкурентоспособности производимой им строительной продукции для закрепления его позиций на рынке в целях получения максимальной прибыли.

ГЛАВА 4. КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ АПК СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ И ФАКТОРЫ ЕГО ПОВЫШЕНИЯ

4.1 Содержание конкурентоспособности АПК северных регионов

Понятие конкурентоспособности имеет многоаспектный характер и воплощает в себя множество фундаментальных и прикладных задач по устойчивому развитию страны, региона, комплекса, сферы, предприятия, выпуску продукции. Оно является ключевым показателем обеспечения системного развития агропромышленного комплекса (далее – АПК), определителем полноценного движения его основной технологической цепочки. О его роли и значении совершенно справедливо отмечено, что «величие страны определяется не только размером ее территории, богатством природных ресурсов, мощью армии, но и конкурентоспособностью производимых товаров и услуг. Эта категория является фундаментом качества жизни – меры достоинства нации» (Лифиц, 2009, с. 451).

Теоретико-практические аспекты исследования дают возможность получить более достоверную оценку о степени конкурентоспособности сфер и предприятий АПК регионов Севера. Многоаспектность данной проблемы тесно связана с общехозяйственной системой АПК, которая требует применения комплексно-системного подхода. Следовательно, категорию «конкурентоспособность» следует рассматривать не раздельно, а в контексте с понятием «эффективность». Это позволяет раскрыть принципы их взаимообусловленности и взаимодействия, что говорит об актуальности исследования.

Логическая постановка основных задач состоит в периодическом повышении эффективности и конкурентоспособности АПК регионов Севера. Цель параграфа состоит в разработке методологических основ повышения конкурентоспособности АПК регионов Севера с применением системного подхода к решению конкретных практических задач. Предметом исследования являются механизмы и инструменты обеспечения конкурентоспособности АПК регионов Севера.

Данное исследование является крупномасштабным и «своеобразно-противоречивым», в частности, в сфере сельского хозяйства. Эта проблема тщательно исследована в трудах многих зарубежных и отечественных исследователей. Среди них особенно можно выделить работы М. Портера, Й. Шумпетера, Н.Э. Баумена, П.Ф. Друкера, Г.П. Хэмела, Л.Г. Саммерса, Р. Нельсона, Дж. Харта, Л. Бадда, М. Энрайта, П. Ромера, Б. Хендерсона, О. Уильямсона, Ф. Котлера, Ж. Ламбена, Ж. Жюке, Е.П. Голубкова, В.В. Коткова, Р.А. Фатхутдинова, Г.Л. Азова, В.В. Царева, И.А. Сорокина, И.А. Спиридонова, В.В. Овчинникова, Л.Н. Чайникова, М. Круглова, Е. Попова, Б.А. Чуба, А.З. Селезнева, Л.С. Шеховцева, В.Н. Парахина и др.

Одним из наиболее крупных исследователей теории конкуренции и конкурентоспособности является Майкл Портер. Особое значение в его работах принадлежит выделению факторов конкурентоспособности и их группировке. По общепринятым констатациям, его модель «пяти конкурентных сил» (матрица конкуренции) представляет собой выявление отдельных уровней конкурентоспособности реализуемого товара. Суть данной модели конкурентоспособности состоит как в максимальной защите от влияния конкурентных сил, так и в оказании влияния (сопротивления) на них.

Большинство специалистов придают неполноценный характер роли и значению конкурентоспособности и конкурентных преимуществ предприятий, происходит сужение ее содержания в хозяйственной системе АПК. Нельзя забывать о том, что конкурентоспособность является базовым условием устойчивого развития социально-экономических, экологических, инфраструктурных и иных систем АПК, надежным гарантом ускорения роста производства и повышения благосостояния населения (*Барбанов, 2014*).

Анализ показывает, что медленные темпы финансирования и функционирования АПК регионов Севера не соответствуют позитивным рыночным обстоятельствам, приобретению конкурентных преимуществ. Задача в повышении конкурентоспособности АПК регионов Севера требует регулярной сбалансированности функций производственных сфер и рынков продовольствия – обеспечения их тесной взаимосвязи и эффективной управляемости. Следует признать, что восстановление систем управления АПК невозможно без успешного решения задачи формирования рациональной и эффективной системы информационного обеспечения (*Курносова, Курносов, 2018*).

Парадоксальная ситуация в АПК регионов Севера носит двойственный характер: а) с одной стороны, происходит значительное ослабление государственной и иной инвестиционной поддержки; б) с другой стороны, получившие самостоятельность большинство новых мелких и средних обособленных агропромышленных образований не могут определиться с основными видами деятельности, внедрить инновационные результаты. При этом инвестиционно-инновационная задача повышения конкурентоспособности АПК носит не равноправный, а стихийно-желаемый характер.

Проблему повышения конкурентоспособности АПК регионов Севера следует рассматривать как особое состояние, а не просто как недостаточно развитый рынок, поскольку в условиях переходного периода уровень изменчивости и неопределенности организационно-экономической среды гораздо выше, чем в условиях развитого рынка (*Павлов, 2005*). В общей сложности, «ненадежные» финансовые источники, слабые факторы

производства и иные методы и меры рыночного преобразования АПК регионов Севера не создают достаточной возможности и необходимых условий эффективного межотраслевого хозяйствования.

Конкурентоспособность следует рассматривать как ключевую экономическую категорию, способную характеризовать положительные и отрицательные стороны жизнедеятельности АПК. По своей объективной природе, конкурентоспособность всегда диктует более привлекательные товары для потребителей, укрепление позиций на продовольственном рынке по следующим свойствам товарной продукции: количество, качество и ценовые характеристики. Итак, конкурентоспособность является «своеобразно-интегрирующей» категорией, способной обеспечить не только баланс интересов между производителями и потребителями, но и тесные связи между внешней и внутренней средой, укрепить технологии функционирования элементов общехозяйственной системы АПК в целом.

При инвестировании и ведении хозяйственной деятельности АПК отдельные сферы и предприятия могут преследовать разнообразные цели и задачи. Однако данные цели и задачи должны отвечать не только внутренним требованиям, но и соответствовать внешним связям – межрегиональному и межотраслевому интеграционному поведению, а главное, рыночным установкам, имеющим собственную стратегию и тактику.

Системный подход в решении основной цели и задачи исследования показывает, что стратегические требования повышения конкурентоспособности АПК северных регионов лежат в глубине происходящих явлений и изменений. С этой точки зрения, понятие «конкуренция» характеризуется не только как рыночный элемент, способный создать благоприятные условия развития товарного рынка, но и как стимулирующий фактор обеспечения тесной и эффективной гармонии между всеми стадиями основного технологического цикла (ОТЦ) АПК – «финансы – наука – производство – рынок». Следовательно, «конкурентоспособность», как многозначное понятие, является неотъемлемой частью межотраслевой хозяйственной системы АПК. Она, обладая системообразующим характером, отражает не только функциональные особенности отдельных сфер и их интегрированных поведений, но и совокупные признаки и свойства технологически взаимосвязанных стадий ОТЦ АПК, их прямых и обратных связей.

Особое место в исследовании занимают рекомендации об улучшении качественной характеристики ресурсного потенциала АПК регионов Севера. Чем большим удельным весом и высококачественной характеристикой обладает ресурсный потенциал АПК, тем более сложные задачи могут решаться в процессах повышения его эффективности и конкурентоспособности. Поэтому методы и механизмы регулирования АПК регионов Севера и факторы достижения их высокой конкурентоспособности долж-

ны быть систематизированы по отраслям и направлениям, носить комплексный характер и соответствовать используемым экономическим инструментариям: объёмы, качество, себестоимость, цены (*Чайникова, 2010*).

Важное значение имеет маркетинговая инновация, которая, создавая широкий спектр выхода на рынок, решает ключевые задачи по эффективному использованию рыночных инфраструктур и сбыта товаров: организации имиджа продукта (рекламы), формированию плана продаж, занятию соответствующего сегмента рынка, взвешиванию спроса и предложения, установлению необходимой ценовой политики по номенклатуре и ассортименту выпускаемой товарной продукции и т.д. (*Мустафаев, Гаджиев, Спирыгин, 2013*).

Существуют различные мнения о понятиях «эффективность» и «конкурентоспособность», их причинно-следственных связях и взаимообусловленностях. Если, с одной стороны, понятие «эффективность» является результатом экономической деятельности АПК и считается синонимом понятия «развитие», то, с другой, оно имеет тесную взаимосвязь и взаимообусловленность с категорией «конкурентоспособность». Данные категории тесно связаны с объективной природой ОТЦ АПК. Они имеют особое приспособление к его постоянно меняющимся характеристикам, отраслевым особенностям и природно-экономическим условиям функционирования.

Существует множество взглядов, предполагающих идентичность понятий «эффективность» и «конкурентоспособность». При этом некоторые авторы считают, что «конкурентоспособность» более широкое понятие, чем понятие «эффективность». Другие считают, что категория «конкурентоспособность» является составной частью категории «эффективность». Некоторые авторы считают, что «эффективность» и «конкурентоспособность» могут выступать как взаимодополняющие категории при экономическом сопоставлении. Однако чаще всего специалисты рассматривают эффективность (показатель соотношения затрат и результатов в рамках временных интервалов) в качестве индикатора повышения конкурентоспособности (*Долгова А.В., Долгова М.В., 2014*).

На наш взгляд, связи данных категорий характеризуются на основе двух направлений, предопределяющих: а) активизацию деятельности элементов ОТЦ АПК – укрепление их связей и повышение эффективности отдельных стадий, достижение конечной цели; б) формирование благоприятных условий для восстановления обратных связей, стимулирующих циклическое развитие хозяйственного кругооборота АПК в целом. Степень взаимосвязей данных категорий более ярко характеризует результаты выполняемых стратегических задач, которые отражаются в основном в двух аспектах: а) улучшение качественной характеристики производимой товарной продукции, повышение его полезности за счет применения более

современных производственных мощностей, а также совершенных организационно-управленческих и иных составляющих; б) снижение себестоимости (стоимости) товарной продукции за счет сокращения прямых и косвенных затрат на её производство и сбыт.

С точки зрения экономической теории, механизмы взаимосвязей категорий «эффективность» и «конкурентоспособность» более ярко отражаются в логическом построении нижеследующих принципов – характеристике производства и сбыта товарной продукции: а) какими средствами производства и предметами труда производится товар; б) какими технологиями производится товар; в) в каком объёме и ассортименте производится товар; г) для кого производится товар; д) на каком рынке планируется продажа товара. При регулировании данных принципов важная роль принадлежит государственной поддержке – системе взаимосвязанных мер экономического регулирования (*Сладкова, Пыжикова, 2016*).

Отметим, что функциональные элементы физической, потребительской и меновой стоимости производимой продукции тесно связаны как с процессами производства, так и с процессами рыночного функционирования. Это говорит о тесной взаимосвязи и взаимообусловленности категорий «эффективность» и «конкурентоспособность». Расширенная трактовка введенных в оборот терминов «эффективность» и «конкурентоспособность» АПК – это не только факторы, характеризующие устойчивость или неустойчивость хозяйственной деятельности его сфер и предприятий, но и критериальные показатели, отражающие тесные взаимоотношения между производством и сбытом. С этой точки зрения, понятие «эффективность» не сужает, а расширяет и обогащает понятие «конкурентоспособность», и наоборот.

Нельзя забывать о том, что уровень конкурентоспособности АПК тесно связан со сложившимися особенностями ценообразования товарной продукции. Это ярко проявляется в аграрном секторе экономики, где формирование рыночных равновесных цен (рыночная стоимость товарной продукции) происходит не на основе общественно необходимого труда, затраченного на его производство в общественно необходимое время, а в соответствии с уровнем предельных затрат, имеющих место на худших по качеству участках земли. Иными словами, если в других сферах экономики в процессах конкуренции между товаропроизводителями величина товарной продукции определяется на основе общественно необходимого труда, воспринимаемого обществом, то в сельском хозяйстве из-за невоспроизводимости и ограниченности земель соответствующую оценку возможно получить на базе предельных затрат, осуществляемых в худших землях.

Это говорит о том, что существующие объективные или субъективные факторы могут привести к ослаблению взаимосвязей между кате-

гориями «эффективность» и «конкурентоспособность». Поэтому в определенном случае или периоде времени данные категории могут быть самостоятельными и иметь «своеобразный» обособленный характер. Например, государственное регулирование агропродовольственной продукции – сдерживание тенденций повышения цен на определенный период времени на отдельные агропродовольственные товары – не позволяет более детально оценить эффективность производственных сфер, обосновать уровень конкурентоспособности выпускаемой товарной продукции.

Отметим, что фактор цен или издержки производства – это главный инструмент формирования баланса между спросом и предложением на товарном рынке. Сдерживание цены может привести к значительному падению стимула в производстве, появлению дефицита на определенный вид продукции. Возникает парадоксальная ситуация: с повышением цен растут интересы производителей, расширяются масштабы производства и увеличиваются объемы выпуска продукции, но при этом снижается платежеспособный спрос населения, что заставляет производителей снизить цены и уменьшить объемы производства. Следовательно, конкурентоспособность во многом зависит от качественной характеристики в управлении АПК, особенно в сферах производственной и финансовой деятельности, сбыта товарной продукции (*Коротков, Шестонал, Дорофеев, 2003*).

Следовательно, слабая ресурсная база, дисбалансовое состояние хозяйственной деятельности, а также низкий уровень интеграции АПК регионов Севера не дают возможность формировать эффективное и конкурентоспособное производство. Региональная специфика финансирования данных агропромышленных сфер в основном характеризуется кумулятивным локальным инвестиционным действием, не имеющим почти никакого отношения к крупным инвестиционным проектам. Это позволяет сделать вывод, что природно-экономические, пространственные, отраслевые и иные особенности функционирования АПК регионов Севера требуют индивидуальных разработок – формирования собственных моделей и выбора конкретных путей их финансирования и функционирования. Особое значение также имеют современные модели хозяйствования с применением программно-проектного управления, ускорение процессов перехода к цифровой экономике, цифровизация пространственно-отраслевых и организационно-управленческих компонентов АПК регионов Севера. Это дает возможность повысить устойчивость не только в технологической цепочке ОТЦ, но и эффективность внутриотраслевых интеграций (*Шарафутдинов, 2018*).

Особое место принадлежит интеллектуализации бизнес-процессов АПК, внедрению систем электронного управления по всей его хозяйственной системе. Цель применения электронного управления АПК заключается в получении нижеследующих результатов: достижение эффек-

тивности АПК в операционном режиме, особенно эксплуатируемых ресурсов; получение высокой производительности АПК и снижение себестоимости производимой товарной продукции; обеспечение доступа к информации всех звеньев АПК и его партнеров; уменьшение количества информационных структур и излишних расходов (Палей, 2019). Дело в том, что система управления конкурентоспособностью является частью управления совокупными субъектами и объектами АПК, взаимодействующими на основе прямых и обратных связей, цель которых состоит в улучшении их количественных и качественных параметров развития (Оценка системы управления..., 2004). Следовательно, для достижения конкурентоспособности АПК «более практичный ответ может быть получен в рамках трактовки конкуренции не только как результата, а как процесса, так что она может быть эффективной, даже если некоторые черты "классической" модели отсутствуют» (Ястребова, 2001, с. 549).

Таким образом, конкуренция, периодически охватывая новые признаки и свойства, является самым эффективным методом «экономического контроля» над АПК. В современных условиях усиление конкурентоспособности тесно связано с глобализацией мировой экономики и либерализацией внутренних рынков, что требует оперативного реагирования на любое изменение, совершенствования рыночных отношений, укрепления стейкхолдерских связей, улучшения воспроизводственных характеристик материальных и интеллектуальных ценностей. Поэтому при проектировании выпуска продовольственных продуктов необходимо учитывать все факторы, способствующие тому, чтобы их характеристики соответствовали не только ожиданиям потребителей и требованиям других заинтересованных лиц, но и позитивным переменам производственно-рыночной деятельности – устойчивому развитию АПК в целом.

4.2 Инвестиционный фактор повышения конкурентоспособности регионов Севера

Важнейшим условием повышения конкурентоспособности АПК регионов Севера является формирование надёжных и долгосрочных источников инвестирования. Стабильные темпы инвестирования АПК создают благоприятную атмосферу для ускорения процессов его социально-экономического преобразования, формирования высокой конкурентоспособности. Исходя из этого, своевременное удовлетворение растущей потребности АПК регионов Севера в необходимых капитальных ресурсах и переход на новый уровень технико-технологического и интеллектуального развития обуславливает актуальность исследования.

Целью параграфа является обоснование роли и значения инвестиций АПК регионов Севера в повышении конкурентоспособности. Для достижения поставленной цели необходимо решить нижеследующие задачи:

а) изучить динамику инвестиций в основной капитал, выявить состояние основных производственных фондов АПК; б) определить состояние машинно-тракторного парка сельского хозяйства, выявить степень приобретения и списания техники и оборудования; в) оценить уровень ввода новых производственных мощностей; г) измерить потенциальную возможность использования капитальных, человеческих и земельных ресурсов и иных природных ресурсов на перспективу; д) определить меру государственной финансовой поддержки сельского хозяйства и пищевой промышленности.

Категории «инвестиции» и «конкурентоспособность» АПК следует рассматривать не раздельно, а в едином контексте. В практическом значении инвестиции следует анализировать как с различных позиций, так и с разной степенью детализации. Конкурентоспособность товарной продукции в основном формируется под влиянием трёх факторов: 1) изменение величины и качественных характеристик капиталобразующих факторов производства; 2) рационализация организационно-управленческой структуры межотраслевого хозяйствования; 3) достижение оптимального сочетания производственных и рыночных отношений.

Таким образом, стратегическая задача обеспечения устойчивости АПК регионов Севера определяется не только уровнем производства товаров, но и издержками на освоение новых видов продукции в условиях острой конкуренции. С этой точки зрения, рынок как крупнейшая сфера обмена, отражает совокупность социально-экономических отношений с признанием общественного характера труда, заключенного в товарной продукции. Системный подход к анализу данной проблемы предусматривает использование многоуровневой стратификации хозяйственной системы АПК регионов Севера, укрепление их связей во всех уровнях и конкретных функциональных координатах.

Инвестиции являются ключевым показателем, формирующим основной технологический цикл АПК, начиная от финансирования научной и производственной деятельности, заканчивая сбытом готовой продукции и организацией нового цикла. Если обратить внимание на роль инвестиций, заметим, что вложение денежных средств в производство расширяет его возможности, увеличивает его ценность (*Агарков, Агаркова, Высоцкая, 2017*). В настоящее время в сельском хозяйстве России только 4% аграрных предприятий используют результаты научных разработок. Аналогичный показатель в развитых странах составляет свыше 50%. По оценкам, только 1,5% крупных сельскохозяйственных предприятий и 0,5% крестьянских (фермерских) хозяйств используют инновационную технику и технологии (*Немченко, 2018, с. 31-33*). Показатели в АПК регионов Севера ещё ниже.

Особое место принадлежит проблеме формирования и укрепления инвестиционного потенциала АПК регионов Севера: усилению инвестиционной активности его сфер и предприятий, повышению инвестиционной привлекательности, снижению инвестиционного риска. Чем полнее финансово-инвестиционные, организационно-управленческие и иные формы хозяйствования АПК соответствуют новым принципам и условиям рыночного функционирования, тем эффективнее эксплуатируется имеющийся ресурсный потенциал и полнее обеспечивается высокая конкурентоспособность (Мустафаев, 2011).

С точки зрения классического подхода, инвестиции являются не только исходным пунктом теоретико-методологического анализа макроэкономики, но и практической основой развития микроэкономики – главным фактором обеспечения эффективности, конкурентоспособности и платежеспособности конкретных сфер и предприятий АПК. Отметим, что показатели конкурентоспособности АПК необходимо делить на две группы: а) показатели, характеризующие финансовую, инвестиционную, научную и производственную деятельность; б) показатели, характеризующие структуру рынка.

Рассмотрим динамику инвестиций в основной капитал в сельском хозяйстве регионов Севера за период 2010–2020 гг. (табл. 4.2.1). Наибольший объем инвестиций в основной капитал осуществляется в Сахалинской и Архангельской областях и Республике Коми. Высокий объем инвестиций в Сахалинской области обусловлен вложениями в отрасли рыболовства и рыбоводства. Следует отметить, что в большинстве (80%) регионов Севера инвестиции в основной капитал сельского хозяйства имеют неравномерный и нестабильный характер. Главными причинами этого являются как значительное сокращение государственной финансово-экономической поддержки, так и недостаточные собственные источники финансирования. Наибольший объем основных производственных фондов сосредоточен в Архангельской области, Республике Саха (Якутия) и Республике Коми по средним данным за 2018-2020 гг. Это обусловлено развитием в этих регионах отрасли оленеводства.

Таблица 4.2.1 – Динамика инвестиций в основной капитал и основные производственные фонды сельского хозяйства в регионах Севера России, в текущих ценах, млрд. руб.

Регионы	Инвестиции в основной капитал сельского хозяйства (в среднем)			Основные производственные фонды сельского хозяйства (в среднем)		
	2010-2013	2014-2017	2018-2020	2010-2013	2014-2017	2018-2020
Архангельская область	1,88	0,54	1,17	8,68	4,01	5,34
Республика Коми	0,65	0,76	1,00	4,42	5,89	8,97
Республика Карелия	0,28	0,30	0,35	2,64	3,22	2,91
Мурманская область	0,22	0,26	0,23	1,73	1,93	1,90
Ханты-Мансийский АО	0,08	0,07	0,06	1,37	1,50	0,73
Ямало-Ненецкий АО	0,24	0,33	0,20	1,43	1,96	1,90
Ненецкий АО	0,11	0,10	0,20	0,65	0,69	1,23
Республика Саха (Якутия)	0,45	0,26	0,31	4,24	4,74	8,07
Магаданская область	0,03	0,04	0,02	0,18	0,53	0,38
Камчатский край	0,19	0,29	0,24	1,34	1,66	1,68
Чукотский АО	0,23	0,12	0,06	1,05	0,71	0,95
Сахалинская область	0,38	1,15	4,85	2,31	4,46	1,14

Источник: рассчитано на основе данных Федеральной службы государственной статистики России.

В настоящее время научно обоснованная потребность в инвестициях в сельском хозяйстве регионов Севера гораздо выше, чем реально выделенные средства. Проблема состоит в том, что сельское хозяйство регионов необходимо перевести в особую экономическую зону с установлением приемлемых условий хозяйствования – нормальной государственной финансово-экономической поддержки. Сложившаяся экономическая конъюнктура АПК данных регионов показывает, что большинство из них даже не имеют полноценной технологии функционирования – межотраслевого интеграционного поведения. Как правило, в таких регионах низким является не только финансирование инвестиций, но и текущее финансирование.

Происходит совершенно парадоксальная ситуация, характеризующая с одной стороны, «понижательными» тенденциями инвестирования сельхозпредприятий, с другой, «повышательными» тенденциями роста стоимости их основных производственных фондов. При этом у большинства регионов Севера темпы падения объемов инвестиций в АПК почти пропорциональны темпам повышения стоимости основных фондов. «Искусственный» рост стоимости основных фондов не соответствует реальной действительности их эксплуатации, а наоборот, в большей степени ведет к падению эффективности производства, ухудшению количественных и качественных параметров производимой товарной продукции.

Переоценка стоимости основных фондов предприятий АПК отрицательно влияет на повышение уровня мультипликативного эффекта и улучшение конкурентоспособности выпускаемого товара. Это не самоцель, а лишь средство «выравнивания» их стоимости к рыночным показателям.

телям. Если, с одной стороны, данная переоценка приводит к «улучшению» стоимостной характеристики уставного капитала предприятий, то, с другой – создаёт неблагоприятную ситуацию (спонтанный порядок) для решения множества экономических проблем, особенно в области амортизационных отчислений на основной капитал, торможению закономерных процессов для их успешного аккумулирования, сохранения и использования – ведения эффективной хозяйственной деятельности.

За 2011 – 2020 гг., по сравнению с 2001 – 2010 гг., государственная финансово-экономическая поддержка сильно снизилась, следовательно, ухудшилось состояние машинно-тракторных парков в сельском хозяйстве регионов Севера, а также произошло значительное сокращение операционных активов (табл. 4.2.2). Сокращение обеспеченности сельскохозяйственными тракторами и картофелеуборочными комбайнами на единицу обрабатываемых земель составило от двух до пяти раз. Наиболее заметное уменьшение произошло в Архангельской области, Ханты-Мансийском АО и Магаданской области. В обеспеченности комбайнами картофелеуборочными произошли положительные изменения. В некоторых регионах, например, за это время их число увеличилось: в Республике Коми, Республике Карелии, Магаданской области, Камчатском крае и Сахалинской области. А в остальных регионах произошло небольшое снижение.

Таблица 4.2.2 – Обеспеченность основной сельскохозяйственной техникой северных регионов за 1991–2020 гг.

Северные регионы	Тракторы сельскохозяйственные на 1000 га пашни, шт.			Комбайны картофелеуборочные на 1000 га посевов (посадки), шт.		
	1991-2000	2001-2010	2011-2020	1991-2000	2001-2010	2011-2020
Архангельская область	29,61	12,51	6,56	84	57,3	53,25
Республика Коми	35,19	22,17	15,81	44,1	30,1	43,5
Республика Карелия	23,96	15,92	9,1	32,2	29,5	39,25
Мурманская область	21,8	16,57	11,41	-	12,5	-
Ханты-Мансийский АО	15	26,46	11,57	43,3	60,5	-
Ямало-Ненецкий АО	21	72,19	45,9	50	51,7	32,12
Ненецкий АО	-	-	-	-	-	-
Республика Саха (Якутия)	41,54	22,31	12,63	33,6	32,3	26,12
Магаданская область	24,12	13,61	7,31	27,6	31,4	76,5
Камчатский край	15,9	9,38	8,42	27,2	17,4	24,5
Чукотский АО	-	-	-	-	-	-
Сахалинская область	28,85	16,63	11,53	10	14,9	20,37

Источник: рассчитано на основе данных Федеральной службы государственной статистики России.

Состояние основных производственных фондов. По всем северным регионам за 2010–2020 гг. степень износа основных фондов колебалась от 30,6 до 66,6% или почти в 2,3 раза, что является отрицательной тенденци-

ей (табл. 4.2.3). При этом за эти годы в среднем удельный вес полностью изношенных фондов сельского хозяйства колебался в интервале от 11 до 23% и в среднем равнялся 20,1%. Аналогичная тенденция имеется по коэффициенту ликвидации основных фондов – от 1,2 до 2,7%. Наиболее высокий уровень износа фондов наблюдается в Ханты-Мансийском АО, Ямало-Ненецком АО, Чукотском АО, Мурманской области и в Республике Коми, наименьший – в Республике Саха (Якутия), Магаданской области и Камчатском крае, что снижает эффективность ведения хозяйства. Относительно высоким коэффициентом обновления основных фондов обладают Республика Коми, Архангельская и Сахалинская области. В общей сложности, все регионы Севера имеют активную склонность к износу эксплуатируемых основных фондов.

Наблюдается аналогичная ситуация по колебанию коэффициентов выбытия и обновления основных фондов сельского хозяйства: минимальные значения составляют 1,1 и 4,1%, максимальные – 12,7 и 26,6% соответственно. Характерной особенностью является то, что в большинстве регионов при незначительном удельном весе инвестиций происходит своеобразная «прогрессивная» тенденция обновления производственных фондов. Рост коэффициента износа и выбытия основных фондов сопровождается ростом коэффициента их обновления. Если, с одной стороны, это связано с незначительным увеличением физического объема фондов, то с другой – с регулярной переоценкой стоимости операционных активов, что нельзя считать позитивными тенденциями улучшения состояний основных фондов.

Таблица 4.2.3 – Состояние основных производственных фондов сельского хозяйства регионов Севера за 2010–2020 гг., %

Регионы Севера	Коэффициент износа			Коэффициент выбытия			Коэффициент обновления		
	2010-2013	2014-2017	2018-2020	2010-2013	2014-2017	2018-2020	2010-2013	2014-2017	2018-2020
Архангельская область	42,5	45,5	46,1	4,3	7,2	6,8	23,6	16,2	16,9
Республика Коми	56,3	49,1	49,9	2,0	1,9	1,9	12,6	12,4	21,0
Республика Карелия	48,8	46,9	44,9	5,3	4,1	5,4	10,9	10,8	11,2
Мурманская область	50,9	54,4	48,3	12,7	8,9	9,8	12,5	11,6	13,3
Ханты-Мансийский АО	57,9	66,6	66,6	1,1	1,4	3,1	8,6	19,5	8,7
Ямало-Ненецкий АО	53,9	58,8	50,6	5,6	3,2	4,0	22,4	13,6	11,0
Ненецкий АО	32,0	44,6	51,4	10,9	8,0	7,4	19,0	15,6	14,7
Республика Саха (Якутия)	40,5	42,2	40,3	1,7	0,9	0,5	12,8	8,8	9,9
Магаданская область	53,6	44,7	38,8	5,1	4,6	5,1	16,2	4,1	9,4
Камчатский край	43,0	42,9	39,1	3,4	5,2	4,6	13,7	10,7	15,5
Чукотский АО	57,5	40,2	50,0	8,2	4,5	2,4	22,4	19,2	14,7
Сахалинская область	30,6	44,3	53,6	2,5	3,9	6,3	14,7	26,6	20,1

Источник: рассчитано на основе данных Федеральной службы государственной статистики России.

Следует отметить, что за анализируемый период коэффициент воспроизводства основных фондов сельского хозяйства регионов Севера имеет тенденцию к значительному снижению. Это связано с высоким уровнем изношенности основных фондов и невозможностью их своевременного обновления, большая часть из которых подлежат выбытию, но не ликвидируются, а остаются в балансах предприятий для дальнейшей эксплуатации. Данный «метод» эксплуатации капитальных ресурсов сдерживает процессы обновления производства, тормозит процессы использования новейших достижений научно-технического прогресса. Слабая инвестиционная деятельность не может повысить ценность предприятий относительно конкурентов (Михайлов, Чаплыгина, 2011).

За 1991–2020 гг. объемы энергетических мощностей в сельском хозяйстве регионов Севера значительно менялись (рис. 4.2.1). За этот период данный показатель значительно увеличился в Магаданской области (в 8,6 раза), Мурманской области (3,1) и Ханты-Мансийском АО (1,9), в меньшей степени – в Республике Саха (Якутия) и Архангельской области. Это с одной стороны, связано с сокращением посевных площадей в сельском хозяйстве регионов Севера, с другой – ростом стоимости (переоценкой) используемой техники.

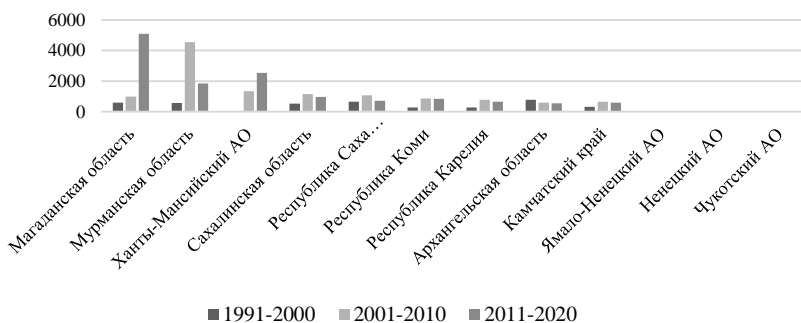

Рисунок 4.2.1 – Энергетические мощности на 100 га посевной площади в сельском хозяйстве регионов Севера, л.с.

Источник: рассчитано на основе данных Федеральной службы государственной статистики России.

По данным Росстата, в среднем за 2012-2020 гг. в сельскохозяйственных организациях снижение физической единицы используемой техники и оборудования составило: тракторов всех марок – 23,8%, плугов – 24,4, тракторных прицепов – 27,4, машин для посева – 41,6, культиваторов – 50,1, машин для внесения твердых и жидких органических удобрений – на 10 и 60%. При этом зерноуборочные и картофелеуборочные комбайны сократились числом в 2,4 раза и на 6%, разбрасыватели твердых мине-

ральных удобрений – на 60,5%, опрыскиватели и опыливатели – на 77%. За анализируемый период энергетическая мощность в отраслях сельского хозяйства регионов Севера снизилась на 12%.

Наиболее уязвимые места в улучшении состояния обрабатываемых земель – это нехватка вносимых минеральных и органических удобрений (табл. 4.2.4). В сельском хозяйстве регионов Севера за 2010-2020 гг. внесение минеральных удобрений значительно отстает от нормативного уровня. Учитывая различные специфические параметры (потребности) выращивания культур, нормативы минеральных удобрений на один га для северных регионов составляют примерно от 60 до 90 кг. Наиболее позитивные сдвиги наблюдаются в Архангельской и Сахалинской областях, а также Камчатском крае и Ямало-Ненецком АО, наихудшие – в Республике Карелии, Ханты-Мансийском АО и Республике Саха (Якутия). Что касается органических удобрений, то заметим, что за период 2010-2020 гг. колебания их реального внесения (при нормативе 20-30 тонн на один га посева) составляют лишь от 0,4 до 16,6 кг.

Внесение минеральных и органических удобрений не соответствует научно обоснованным нормативам. Если низкий уровень внесения минеральных удобрений связан с нехваткой инвестиционных средств, то органических удобрений – со значительным сокращением поголовья животных.

Таблица 4.2.4 – Внесено сельскохозяйственными организациями органических и минеральных удобрений в перерасчете на 100% питательных веществ на 1 га посева (килограмм) за 2010–2020 гг.

Регионы Севера	Минеральные удобрения на 1 га посева (в среднем), кг			Органические удобрения на 1 га посева (в среднем), кг		
	2010-2013	2014-2017	2018-2020	2010-2013	2014-2017	2018-2020
Архангельская область	20,2	24,9	33,0	3,4	3,9	4,5
Республика Коми	20,6	15,4	20,7	4,2	4,17	4,2
Республика Карелия	11,5	11,6	12,6	3,9	4,6	4,0
Мурманская область	85,2	44,0	26,8	12,4	13,5	16,6
Ханты-Мансийский АО	15,9	9,7	9,2	2,2	5,4	5,2
Ямало-Ненецкий АО	200	259,1	217,6	-	-	-
Ненецкий АО	-	-	-	-	-	-
Республика Саха (Якутия)	14,9	27,7	16,2	0,5	0,4	0,4
Магаданская область	43,7	-	-	1,9	-1г	-
Камчатский край	45,1	36,3	52,6	0,3	0,4	1,5
Чукотский АО	-	-	-	-	-	-
Сахалинская область	44,8	86,5	72,7	4,2	4,3	4,4

Источник: рассчитано на основе данных Федеральной службы государственной статистики России.

Ухудшение состояния хозяйственной деятельности АПК регионов Севера приводит к потере пропорций между растениеводством и животноводством (табл. 4.2.5). Падение масштаба и объёма производства молока, мяса и яиц обусловлено не только влиянием кормовой базы, но и нарушением технологий содержания животных и птиц, ветеринарным обслуживанием, болезнями, а главное моральным и физическим износом животноводческих ферм – комплексом негативных явлений, которые были допущены в животноводстве за годы реформы.

Таблица 4.2.5 – Валовый объем производства продукции сельского хозяйства (растениеводства и животноводства) за 2010–2021 гг., млн. руб.

Регионы Севера	2010-2013	2014-2017	2018-2021
Мурманская область	63,2	74,7	85,0
Архангельская область	420,1	671,0	787,3
Республика Коми	351,4	529,6	451,7
Ханты-Мансийский АО	1251,6	2336,3	2611,7
Ямало-Ненецкий АО	14,7	14,7	31,6
Ненецкий АО	8,7	16,9	48,1
Республика Саха (Якутия)	4680,8	5979,7	6906,9
Магаданская область	566,5	1027,5	1358,0
Камчатский край	441,6	2859,5	1168,9
Республика Карелия	129,3	201,6	286,9
Чукотский АО	5,5	7,4	31,2
Сахалинская область	565,9	1379,6	1616

Источник: рассчитано на основе данных Федеральной службы государственной статистики России.

В большинстве северных регионов производство растениеводческой продукции не имеет устойчивого развития, за исключением производства картофеля. Падение производства растениеводства тесно связано со значительным уменьшением площадей под посев и снижением урожайности. Слабая инвестиционная деятельность не даёт возможности формировать конкурентоспособную среду на различных экономических уровнях и в конкретных хозяйственных координатах. Состояние и движение поголовья скота и птиц в сельскохозяйственных организациях регионов Севера следует считать неудовлетворительными. В среднем за 2012–2020 гг. кроме оленеводства в животноводстве почти по всем видам животных наблюдается активная тенденция к снижению поголовья. Если за этот период по всем категориям хозяйств физический объем производства растениеводческой продукции имел активную тенденцию к снижению, то продукции животноводства – к медленному росту.

Процесс смены экономической конъюнктуры АПК регионов Севера во многом зависит от специфики инвестиционной и хозяйственной деятельности – от характера, формы и механизма инвестирования и функционирования. Несмотря на сложившуюся сложную ситуацию – происходя-

щих регулярных перемен в макро-, мезо- и микроэкономических параметрах развития АПК, темпы роста инвестиций должны быть не ниже среднего уровня, а желательно в долгосрочной перспективе сохранить высокие темпы. Сама по себе такая постановка очень важна, поскольку в любой конкретной типологии хозяйствования вся суть состоит в увеличении инвестиций, которые повышают конкурентоспособность хозяйствующих субъектов.

Принципы, условия и способы выделения (лаг внедрения) и использования (лаг освоения) инвестиционных средств АПК северных регионов разделяют на потребление и накопление. Они трансформируются применительно к конкретной агропромышленной хозяйственной деятельности в соответствии с двумя взаимосвязанными и сложными функциями: а) обеспечением инвестиций до требуемого уровня, укреплением инвестиционного потенциала АПК регионов Севера как основы прогрессивного преобразования их хозяйственной системы; б) применением совершенных методов и механизмов эффективного хозяйствования, достижение рационального уровня использования операционных активов и обеспечения ожидаемого эффекта.

В сельском хозяйстве уровень инвестиционной активности – понятие относительное, поскольку степень сбалансированности инвестиционных процессов в данной отрасли гораздо сложнее и ниже, чем в промышленности и в других сферах экономики. Основанием для отнесения стратегии развития и повышения конкурентоспособности АПК к тому или иному типу или модели служит уровень его инвестиционной активности. Особый интерес представляют регулярное планирование и прогнозирование применяемых инвестиционных ресурсов и рост производительности труда АПК регионов Севера.

В среднем за 2012–2020 гг. удельный вес инвестиций в сельское хозяйство в северных регионах составил лишь 0,38% всего объема инвестиций. В среднем за эти годы колебание инвестиций в основной капитал в их сельском хозяйстве составило 1,8 раза. Если такое колебание в животноводстве равнялось 1,3 раза, то в растениеводстве данный показатель был гораздо выше. Это говорит о том, что задачи по активизации инвестиционно-инновационной деятельности АПК северных регионов носят стийный характер.

В настоящее время рынок требует по-новому взглянуть на проблему инвестирования и функционирования АПК северных регионов. Он заставляет решить насущные проблемы в следующем комплексе: а) обеспечить сочетание производства и спроса покупателей; б) установить стимулирующие факторы производства и сбыта; в) определить прогрессивные принципы и необходимые условия повышения конкурентоспособности и роста производства.

Ценообразование в продовольствии является ключевым инструментом и решает множество производственно-рыночных задач. К их числу можно отнести следующие: обеспечение самостоятельного функционирования предприятий; стремление получить максимальный доход; достижение лидерства рынка за счет снижения издержек производства и дифференциации производимой продукции; получение конкурентного преимущества путем повышения эффективности маркетинговой деятельности; совершенствование информационных технологий и т.д. Ценовая и маркетинговая стратегия АПК являются частью общей стратегии его предприятий, и она должна соответствовать основной цели их функционирования (Орлова, Ульмасова, 2015). Широкомасштабное маркетинговое исследование позволяет оценить не только объёмы и качество выпускаемой продукции, но и определить потребительские характеристики товара – товарные свойства нового продукта (Мараховская, Канивец, 2010).

В настоящее время принимаемые инвестиционные решения АПК регионов Севера не соответствуют современным требованиям продовольственного рынка, вследствие чего конкурентоспособность товарной продукции остаётся низкой, а полученный доход – незначительным. Важной задачей в стратегическом развитии АПК является оптимизация распределяемых капитальных вложений между производственными, социальными, экологическими и рыночными сферами АПК – обеспечение правильных сочетаний вложений в землю, человека, экологию, инфраструктуру.

Как правило, реальные инвестиции в отраслях АПК образуют двоякий эффект: а) абсолютный, связанный с высвобождением «излишних» (старых и некачественных) ресурсов из оборота производства, и б) относительный – внедрение более совершенной техники, технологии и оборудования, приводящей к повышению потенциальной производительности ресурсов и их экономической ценности по сравнению с предыдущими аналогами. Немаловажным является тот факт, что долгие годы цены на материально-технические ресурсы, используемые в сельском хозяйстве, росли быстрее, чем их качественная характеристика, т.е. индекс цен на капитальные ресурсы сельского хозяйства всегда опережал индекс их производительности. В связи с этим есть необходимость оптимизировать масштабы и виды деятельности АПК регионов Севера, обеспечить их высокотехнологическое действие. Такие прогрессивные предприятия могут достичь значительных конкурентных преимуществ (Ромашов, Баранов, 2009).

В настоящее время особое значение имеет активизация процессов применения информационных технологий в сферах и предприятиях АПК регионов Севера. Цифровые технологии позволяют оперативно и эффективно реагировать на любые изменения в хозяйственной деятельности и на товарном рынке, представлять потребителям информацию о происхожде-

нии продуктов питания, генерируя конкурентные преимущества для тех, кто их использует (Анищенко, 2019). Вследствие этого, сферы и предприятия АПК регионов Севера не смогли достичь инновационного развития. Это, в свою очередь, привело к снижению конкурентоспособности выпускаемой товарной продукции, уменьшению ассортимента и качества, сужению масштабов производственной деятельности.

Парадоксальная ситуация наблюдается в АПК северных регионов. С одной стороны, произошло сильное ослабление его государственной инвестиционной поддержки. С другой стороны, получившие самостоятельность новые мелкие и средние обособленные агропромышленные образования не определились с основными видами деятельности, внедрением инновационных результатов и переходом к рынку. Большая часть предприятий АПК регионов Севера не уточнили своё участие во внешних и внутренних товарных рынках, вследствие чего значительную часть внутреннего рынка занимали импортные продовольственные товары. Быстрорастущие сегменты внутреннего продовольственного рынка не соответствовали организационно-управленческому механизму функционирования АПК регионов Севера, а инвестиционно-инновационные процессы носили стихийный характер.

Таким образом, анализ показывает, что ключевым фактором являются инвестиции в основной капитал АПК северных регионов. Несмотря на позитивные изменения в инвестиционных вложениях, они не позволяют внедрить инновации, полностью обновить основные фонды и тем самым повысить конкурентоспособность отрасли в регионах Севера.

4.3 Мультипликативный эффект как метод оценки уровня конкурентоспособности

В современных условиях основная цель функционирования АПК регионов Севера состоит в качественном преобразовании его хозяйственной деятельности – переводе сфер и предприятий на высокотехнологичную индустриальную основу с преимущественным ростом интеллектуальной деятельности. В связи с этим возрастает актуальность повышения уровня мультипликативного эффекта, который увеличивает конкурентоспособность выпускаемой товарной продукции. Это требует новых подходов к решению основных задач – своевременному приобретению и эффективному использованию материальных и нематериальных ценностей, выявлению совокупных отдач от эксплуатации капитальных, трудовых и земельных ресурсов.

Данной проблеме посвящено множество научных работ, которые в той или иной степени обогащают выполняемые теоретико-практические задачи исследования. Известными представителями исследования «мультипликативного эффекта» являются Кан Р.Ф., Кейнс Дж., Леонтьев В.В.,

Самуэльсон П., Елисеева И.И., Лопатников Л.И. и др. Разработанные ими методы и предложения обогатили теорию и практику исследуемой проблемы, выделили основные признаки и ориентиры мультипликативного эффекта. С теоретической точки зрения, инвестиции в АПК являются базовым элементом его хозяйственной системы, ключевым фактором увеличения объёма и улучшения качественных характеристик применяемых производственных мощностей, достижения высокой конкурентоспособности и платежеспособности агропромышленной сферы.

Мультипликативный эффект представляет собой метод определения зависимости прироста валового продукта (валового дохода) от прироста инвестиций. Это соотношение отражает величину коэффициента мультипликатора. Мультипликатор – это численный коэффициент, который отражает тесные связи между величиной инвестиций и объёмом выпускаемой продукции или получаемого дохода, причём на величину большую, чем прирост инвестиций.

Следует сделать вывод, что рост автономных затрат АПК вызывает цепную реакцию в виде роста инвестиций и роста валовой продукции, повышение конкурентоспособности товарной продукции. Следовательно, периодический рост материальных и нематериальных ценностей (повторяющийся рост инвестиционных расходов), влечёт за собой гораздо больший объём валового продукта или дохода, чем первоначальная величина инвестиций. По общепринятым методам, данное действие следует называть мультипликатором, а совокупность полученных положительных результатов (исчисление множительного эффекта) – мультипликативным эффектом.

Методологический подход к исследованию, в основу которого положены основные исходные положения мультипликативного эффекта, даёт возможность обогатить сущность и содержание инвестиционной и хозяйственной деятельности АПК регионов Севера. Научный анализ по данному показателю позволяет не только раскрывать суть полезности вкладываемых и эксплуатируемых средств, но и определить значимость конкурентного преимущества сфер и предприятий АПК. Следовательно, принципы решения любых задач АПК должны содержать не только научно-нормативную и информационную базу, но и координационную, организационную и управленческую структуру «инвестицеобразующих» ресурсов и их отдачи, а также соответствующих элементов капитальных, земельных, трудовых и рыночных перемен.

Данное исследование сконцентрировано не на проблемах учета, контроля и планирования капитальных затрат, а на задачах обеспечения координации, организации и мотивации имеющихся инвестиционных ресурсов АПК с целью увеличения объёма и расширения масштабов производства, повышения конкурентоспособности товарной продукции, пред-

приятий и сфер. Иными словами, для роста производства благоприятна такая институциональная среда, которая стимулирует производственную активность и накопление капитала, побуждает к обучению и внедрению новых технологий, повышению качества (Демченко, 2006). Методологические аспекты обеспечения мультипликативного эффекта должны иметь не только научно обоснованную концепцию полноценного инвестирования сфер и предприятий АПК, но и прогрессивные механизмы и методы их эффективного использования.

Исходя из расширенной трактовки, отметим, что раскрываемость содержания понятия «мультипликативный эффект» имеет принципиальное значение. Поскольку он требует обобщения всех материальных и нематериальных ценностей, включая заработную плату, и все виды обязательных отчислений. Полезность такого расчетного анализа заключается в том, что при отсутствии в качестве составляющей критерия временного горизонта эффективности вложений, он позволяет установить (путем оперирования показателями доходности инвестиций и распределения валового продукта) отрезок времени максимизации выпуска продукции и получения дохода. Иными словами, обобщенный расчет совокупных затрат позволяет более правильно оценить максимизацию валового продукта, потребление и доход по вложениям.

Если мультипликатор рассчитывается на микроэкономическом уровне, то это более четко характеризует картину, раскрывающую уровень эффективности вкладываемых инвестиций в основной капитал в конкретных отраслях и предприятиях АПК, а если на макроэкономическом уровне экономики, то определение степени развития экономических отношений в обществе в целом. Следовательно, в процессах реализации любого проекта АПК основная задача состоит в постоянном регулировании соотношений между капиталом, выпуском и потреблением. При этом немаловажное значение принадлежит становлению региональных рыночных отношений, взаимовыгодным связям между производством и рынком (Милюхина, Храмова, 2001).

Анализ показал, что данная проблема представляет собой комплекс разноаспектных и сложных задач. Несмотря на наличие большого числа выполненных возможных стратегических задач, а также нормативных документов, которые могут определить долгосрочные векторы развития АПК регионов Севера, отсутствует целостная система инвестиционного развития и получения необходимого объема и качества производимой товарной продукции и дохода.

Коэффициент мультипликатора в сельском хозяйстве Республики Коми (1) за 2012-2020 гг. колебался от -0,6 до +0,4. Это говорит о нестабильном (неустойчивом) финансировании инвестиций в сельском хозяйстве региона. За этот период при значительной вариации инвестиций в ос-

новной капитал (от -37,7 до +68,7 %), производство сельскохозяйственной продукции не имело достаточного и стабильного роста и колебалось в интервале от 2,4 до 28,0% (табл. 4.2.6, рис. 4.2.2). Положительный индекс продукции в большей степени связан не с приростом физического объёма, а значительным ростом цен на основные продовольственные товары.

Мультипликатор в сельском хозяйстве и предоставление услуг в этой области рассчитывается следующим образом:

$$M = \frac{\Delta \text{Выпуск}_{c/x}}{\Delta \text{Инвестиции}_{c/x}} \quad (1)$$

где: M – мультипликатор,

$\Delta \text{Выпуск}_{c/x}$ – прирост продукции сельского хозяйства в стоимостном выражении,

$\Delta \text{Инвестиции}_{c/x}$ – прирост инвестиций в основной капитал в стоимостном выражении.

Таблица 4.2.6 – Мультипликативный эффект в сельском хозяйстве Республики Коми за 2012-2020 гг., в % к предыдущему году

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Продукция сельского хозяйства	28,0	9,0	18,1	14,5	2,4	2,2	8,1	13,3	3,2
Инвестиции в основной капитал	68,7	23,2	9,1	-37,7	52,1	-24,4	29,5	-22,2	32,2
Мультипликатор, ед.	0,4	0,4	2,0	-0,4	0,0	-0,1	0,3	-0,6	0,1

Источник: рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики России.

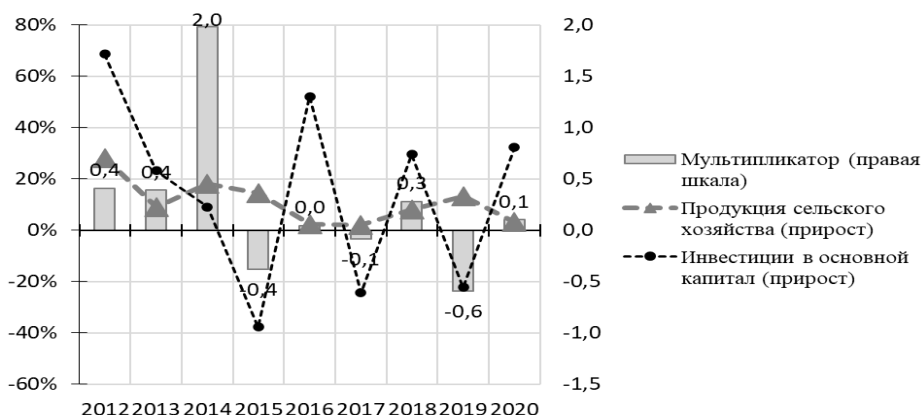

Рисунок 4.2.2 – Динамика мультипликатора в сельском хозяйстве Республики Коми за 2012–2020 гг., ед. и %

Мультипликативный эффект наблюдается во всех регионах Севера. Ключевой задачей его повышения и формирования конкурентоспособно-

сти сфер и предприятий АПК регионов Севера является сохранение целостности их инвестиционного цикла (ИЦ), обеспечение беспрепятственного движения капитальных мощностей и получения соответствующего дохода. Полноценное действие ИЦ АПК, отражая конкретные цели и характер объединения капитальных, трудовых и земельных ресурсов, занимает центральное место в процессах его обеспечения. Его целостность в большей степени обеспечивается организационными ресурсами – совокупностью организационных форм и технологий. Итак, полноценный ИЦ представляет собой те функциональные масштабы, в которых обеспечиваются гармоничные связи между основными элементами хозяйственной системы АПК: финансовой, научной, производственной, рыночной составляющими.

Как и в механике, эффект мультипликатора в АПК связан с хозяйственным кругооборотом, в который может быть вовлечено больше или меньше хозяйственных объектов и субъектов. Характерной особенностью является то, что при полноценном функциональном состоянии АПК рынок и конкуренция активизируют развитие творческих способностей, заставляя людей постоянно решать хозяйственные задачи, оценивать предоставляемые им альтернативы (*Костюкович, 2016*).

Сегодня многие причины снижения мультипликативного эффекта АПК северных регионов связаны со слабым развитием рыночных отношений, отсутствием полноценной маркетинговой службы. Применительно к современным проблемам АПК создаваемые условия должны обеспечивать не просто рост инвестиций, а инновационную «наполняемость» с учетом регулирования всей стадии основной цепочки хозяйственных процессов (*Анохина, Середина, 2010*).

Следует отметить, что эффект мультипликатора сельского хозяйства тесно связан с повышением эффективности основных факторов (труд, земля, капитал) сельскохозяйственного производства. Рост вложений в данные факторы равносителен увеличению объёма и улучшению качества как применяемых ресурсов, так и выпускаемой продукции.

Эффективность функционирования сельского хозяйства может быть оценена при помощи индекса интегральной эффективности ($J_{ИЭ}$) (1).

$$J_{ИЭ} = \sum J_n / N \quad (1)$$

По методике автора, он состоит из трех основных факторов: индекса фондоотдачи ($J_{ФО}$); индекса землеотдачи ($J_{Зо}$) и индекса производительности труда ($J_{Пт}$) (2).

$$J_{ИЭ} = (J_{ФО} + J_{Зо} + J_{Пт}) / 3 \quad (2)$$

где: $J_{\text{фо}}$ – индекс фондоотдачи (стоимостное соотношение валовой продукции и использованных основных фондов);

$J_{\text{зо}}$ – стоимостное соотношение валовой продукции и площадей (га) обрабатываемых земельных угодий);

$J_{\text{пт}}$ – стоимостное соотношение валовой продукции и числа использованных работников.

Расчеты на основе сопоставимости и эластичности динамики вышеуказанных частных показателей по Республике Коми за 2010–2020 гг. показывают, что почти на протяжении всего периода «потери», связанные со снижением фондоотдачи и землеотдачи, полностью компенсируются ростом производительности труда. Определено, что в общей сложности индекс интегральной эффективности равен 1,082 (3):

$$J_{\text{иэ}} = (0,901 + 0,842 + 1,504) / 3 = 1,082. \quad (3)$$

Индекс интегральной эффективности в отдельные годы существенно колебался. Изменения преимущественно были связаны как с высокой неопределенностью хозяйственной деятельности, так и с изменением характеристики ресурсных потенциалов. Если рост производительности труда является результатом массового сокращения численности сельскохозяйственных работников, то низкий уровень землеотдачи и фондоотдачи тесно связан с медленными темпами инвестирования сельхозорганизаций, значительным ослаблением инновационной деятельности, сдерживанием процессов перехода на интенсивно-инвестиционный путь развития.

Исследование показывает, что степень детерминированности перспективных процессов в АПК регионов Севера из-за некоторых негативных внешних явлений (инфляционные факторы, высокий риск, повышение процентной ставки и т.д.) ослабляется. В небольшом диапазоне ресурсного обеспечения у отдельных предприятий появляется ряд обнадеживающих вариантов позитивного сдвига. Чем больше нехватка производственных мощностей при невозможности её восполнить, тем выше инфляция и меньше объём мультипликативного эффекта и наоборот (*Еремин, 2018*). Следовательно, требуется улучшение качественной характеристики структурного состава производственного потенциала аграрных предприятий, трансформация их ресурсов из «пассивного» в «активный» интеллектуальный капитал. Итак, необходимо использовать объективные методы оценки конкурентоспособности АПК, учитывающие воздействие таких факторов, как финансовый, научный, технико-технологический, организационно-управленческий, инфраструктурный, экологический.

На основе вышеизложенного, в межотраслевой системе функционирования и товарообмена АПК регионов Севера немаловажная роль принадлежит форсайтинговым принципам управления инвестициями (мето-

дология управления) – эффективным инструментам инновационного развития их интегрированных организаций для достижения совершенно новых результатов при реализации различных инвестиционных проектов. Именно данное управление способно создать все необходимые предпосылки для поддержания и улучшения характеристики накопительных систем, осуществления качественных преобразований в составе производственных мощностей.

Все варианты инвестиционной деятельности АПК регионов должны служить развитию его материального производства. В современных условиях совершенствование технологии производства сфер и предприятий АПК и связанный с ним рост производительности труда являются основными составляющими их производственного потенциала и роста производства (*Солодовников, Кузьмицкая, 2012*). Дело не столько в снижении инфляции «до нуля», в величине собранного налога, сколько в устойчивом развитии материального производства АПК, обеспечении высокого мультипликативного эффекта.

Таким образом, анализ показал, что инвестиции в сельское хозяйство регионов Севера пока не вызывают мощный мультипликативный эффект за счет роста производственно-технического спроса и деловой активности предприятий, а лишь отражаются в использовании краткосрочных автономных затрат. Выход из сложившейся ситуации состоит в разработке единой программы, способной определить прогрессивные принципы и необходимые условия эффективного хозяйствования АПК регионов Севера. Научный подход к последней должен исходить из принципов разумности и полезности для любого накопленного имущества, которые оправдывают вложения в его создание. Иными словами, капитальные ресурсы АПК следует оценивать не по затратам на его приобретение и использование, которые быстро растут, а исходя из принципов целенаправленного вложения средств в отрасли и хозяйствующие субъекты – из оценки «доходообразующих» факторов, которые тесно связаны с интенсивно-инвестиционными методами функционирования.

4.4 Рыночное преобразование и повышение конкурентоспособности

Проблемы рыночного преобразования и повышения конкурентоспособности АПК регионов Севера имеют многогранно-сложный, одновременно «своеобразно-противоречивый» характер, что требует углубленных разработок. Авторы по данной проблеме разделяют мысли на различных уровнях, направлениях и конкретных хозяйственных координатах: страны, региона, комплекса, предприятия, товара. Большинство из них уделяют внимание развитию производства и рынка в едином контексте, но с разной степенью детализации. Обогащая научное представление об их роли и значении в хозяйственном кругообороте АПК регионов Севера, это

даёт возможность применить наилучшие варианты в их эффективном функционировании.

Основная цель параграфа состоит в обосновании повышения конкурентоспособности АПК северных регионов путем прогрессивного рыночного преобразования, обеспечения расширенного воспроизводства, укрепления соответствующих стейкхолдерских связей в различных координатах производства и рынка. Главная задача параграфа – достижение более совершенных рыночных отношений с использованием комплексно-системного подхода.

Основной акцент в работе сделан на проблеме формирования потребительского потенциала АПК регионов Севера в соответствии с рыночными технологическими процедурами. Выбранные направления позволяют более правильно оценить стратегию развития АПК регионов Севера. Рыночные отношения требуют активизации деятельности инновационных формирований по расширению функций, являющихся следствием возрастающих запросов со стороны потребителей и способствующих повышению эффективности и конкурентоспособности производства (*Ушаев, Оглоблин, Санду, Трубилин, 2006*).

Ключевая задача состоит в обеспечении конкурентного преимущества АПК регионов Севера. Оно должно соответствовать не только ожиданиям потребителей и требованиям других заинтересованных лиц, но и регулярным и позитивным переменам долгосрочной производственно-рыночной деятельности. Следовательно, конкуренция обязывает предприятие создавать конкурентоспособный товар или предоставлять конкурентоспособную услугу. Существует диалектическая связь между категориями «конкуренция» и «конкурентоспособность» – одно вытекает из другого (*Лифиц, 2009*). Следует отметить, что по масштабу «конкурентная стратегия» – более узкое понятие, чем понятие «деловая стратегия». Деловая стратегия АПК затрагивает не только вопрос о том, что есть необходимость вести конкуренцию, но и отражает функциональные стратегии сфер и предприятий, действия и планы в разнообразных условиях (*Коротков, Шестопал, Дорофеев, 2003*).

Немаловажная задача в обеспечении конкурентоспособности АПК регионов Севера состоит в улучшении механизма эффективного взаимодействия различных систем, достижении их функциональной целостности, целенаправленности и реализуемости. Практическая значимость отдельных систем АПК заключается в том, насколько они эффективно функционируют и способны содействовать позитивным решениям конкурентоспособности. Это требует улучшения географической структуры сбыта агропродовольственных товаров, достижения правильного сочетания основных направлений взаимодействия снабженческих, производственных и сбытовых технологических процедур. Более достоверную оценку конку-

рентоспособности АПК регионов Севера можно получить с помощью применения системного подхода и анализа состояний комплекса показателей, особенно рыночных отношений (*Рокотьянская, Герасимов, 2015*). Конкурентные преимущества АПК являются «продуктом» системы организации и управления рыночными возможностями его сфер и предприятий (*Антонова, 2016*).

Позитивное решение любой задачи АПК регионов Севера требует применения более совершенной политики, имеющей три направления: 1) макроэкономическая финансовая стабилизация, связанная с финансовыми рынками и бюджетным финансированием; 2) мезоэкономическая вертикально-горизонтальная межотраслевая интеграция – укрепление взаимосвязей «продуктивных» сфер со слабо развитыми отраслями экономики, особенно аграрными; 3) микроэкономическая производственно-структурная реорганизация с оптимизационными вариантами перехода к рынку.

Необходимо констатировать, что медленные темпы инвестирования АПК регионов Севера являются основным сдерживающим фактором выравнивания условий в межотраслевой конкуренции и регулировании рынка. Вследствие чего процессы формирования продовольственного рынка регионов Севера находятся под активным влиянием противоречивых тенденций. С одной стороны, спад производства продовольственных товаров инициирует сокращение спроса на эти товары, с другой – с изменением структуры спроса появляется стремление активизировать интенсивное развитие новых рынков – поиск новых сегментов рынка продовольствия. Всё это происходит под воздействием заметного снижения государственной финансовой поддержки, обусловленной масштабным сокращением спроса на промышленную продукцию, используемую в аграрном секторе экономики, поскольку рыночная конъюнктура формируется системой условий, определяющих конкретную рыночную ситуацию (*Ахметшина, 2009*).

Как правило, в процессах развития предпринимательства проявленные мотивационные варианты обычно направляются на приоритетные направления хозяйственной деятельности для получения полезной продукции. Финансируемые научные разработки становятся исходным пунктом развития агропромышленного сектора, и предпринимательство инициирует их изнутри конкретных предприятий, заинтересованных в инновационном повороте и установлении тесных контактов с рынком. Однако трудность доступа к финансовым ресурсам привела к усложнению социально-экономической обстановки на всех уровнях хозяйствования АПК регионов Севера. Вследствие этого происходил дисбаланс инновационной деятельности АПК регионов Севера, который завершился значительным

ухудшением воспроизводства основного капитала предприятий, торможением процессов активного перехода к товарным рынкам.

Появились новые «антимодернизационные» тенденции, стимулирующие использование старой техники и технологии в ущерб их обновлению, что подрывало основу рыночного преобразования. Это создало питательную среду для появления торговых посредников во всех производственных и рыночных структурных координатах, что требует формирования полноценного системного управления АПК регионов Севера. Как пишет Г.Б. Клейнер, «системный менеджмент в процессе реализации должен ориентироваться на системные же целевые установки, критерии качества управления» (Клейнер, 2021, с. 422).

В силу множества объективных и субъективных причин механизмы и методы перехода к рынку у большинства аграрных предприятий АПК регионов Севера не увенчались успехом. Межотраслевые интересы АПК данных регионов разошлись настолько глубоко, что из ценностей их координации практически исчезли все элементы финансовой, производственной и рыночной конфигурации. Курс конкурентной борьбы между отраслями и предприятиями АПК регионов Севера завершился потерей принципов самокупаемости и самофинансирования хозяйственной деятельности. Индивидуальный и разнонаправленный порядок рыночного функционирования АПК регионов Севера не опирался на конкурентный механизм и не мог охватить рыночную систему целиком: рынок товаров, капитала, труда, услуг, информации и т.д. Исходя из этого, АПК регионов Севера переживает глубокие структурно-хозяйственные и рыночные преобразования, а в большинстве предприятий потеряны многие потребительские характеристики выпускаемой товарной продукции.

Изменение вышеуказанных обстоятельств можно представить в наблюдениях динамики товарности сельскохозяйственного производства во всех ее хозяйственных категориях. Анализ показывает, что в среднем за 2012–2020 гг. в регионах Севера наиболее высокий уровень товарности производства картофеля наблюдается в сельскохозяйственных организациях и крестьянских (фермерских) хозяйствах (41,6 и 21,6%), наименьший – в хозяйствах населения (7%) (по данным Росстата). Аналогичная ситуация по овощам составляет 92,6; 82,6 и 6,0%. Несмотря на высокий удельный вес производства картофеля и овощей в хозяйствах населения, их уровень товарности находится на низком уровне. Причиной этого является то, что в отличие от других категорий, в хозяйствах населения почти вся производимая продукция (картофель и овощи) используется для личного потребления. Что касается производства мяса скота и птицы, а также молока и яиц, то их уровень товарности почти по всем категориям хозяйств высок. В среднем за 2012–2020 гг. уровень товарности сельскохозяйствен-

ного производства по вышеперечисленным видам продукции составил соответственно 86,6; 74,6 и 82,7%.

Несмотря на стремление сблизиться с нормативными показателями, уровень потребления основных продуктов питания на душу населения между регионами Севера всё ещё остается низким. За 2012–2020 гг. по регионам Севера происходит сильное расхождение не только по отношению к нормативным показателям потребления отдельных видов продукции, но и наблюдается достаточно серьёзная дифференциация в потреблении продукции между регионами. Соотношение самой высокой и самой низкой обеспеченности населения (кг на одного человека) в среднем за рассматриваемый период между регионами Севера по мясу и мясoproдуктам составило – 89:48, молоку и молокопродуктам – 311:144, картофелю и картофелепродуктам – 225:71, рыбе и рыбопродуктам – 38:12.

Исследование показывает, что в среднем за 2012–2020 гг. в северных регионах соотношение (в процентах) удельного веса между собственным производством и ввозом по картофелю, включая импорт, составило – 53,5:5,0, по овощам и продовольственным бахчевым культурам соответственно – 25,2:64,2, по мясу и мясoproдуктам – 23,2:71,0, по молоку и молокопродуктам – 28,0:65,2 и по яйцам и яйцепродуктам – 61,7:62,0. При этом за эти годы соотношение удельного веса между производственным и личным потреблением в используемых общих ресурсах по аналогичным продукциям составило – 21,9:36,0; 2,8:85,7; 0,0:94,7; 3,1:89,9; и 4,8:114,1.

Анализ по различным параметрам потребительского потенциала АПК регионов Севера позволяет сделать вывод, что стратегия развития рыночных отношений и инфраструктуры рынка представляет собой важный инструмент для совершенствования управления АПК. «Цивилизованная инфраструктура продовольственного рынка призвана создать условия для поддержания необходимого соотношения между спросом и предложением, сократить периоды удовлетворения спроса и реализации товаров, ускорить оборачиваемость товара, снизить общий уровень издержек и цен в процессе товарооборота, сформировать цивилизованную конкурентную среду» (Нуралиев, 2004, с. 7). Исследованием подтверждено, что «недостаточное развитие региональных финансово-кредитных учреждений, высокие ставки кредита, трудности ее получения предприятиями агропромышленного сектора привели к разрыву классической формулы «товар-деньги-товар» и превращению её в слабо связанные схемы «деньги-деньги» и «товар-товар» (Львов, Макаров, Багриновский, 2001).

Таким образом, анализ рыночных отношений АПК регионов Севера показывает, что одной из основных причин отсутствия крупных продовольственных рынков и неэффективного использования локальных является слабое освоение территорий – неравномерное размещение сельскохозяйственного производства по природно-климатическим зонам и админи-

стративным районам. Величина агропродовольственного рынка определяется не только физическим объемом производимого собственного товара и поступающего импорта, но и скоростью товарооборота. Высокий удельный вес импорта продовольствия регионов Севера сужает возможности повышения конкурентоспособности местной продукции. Активная тенденция роста импорта во внутренних рынках не только сдерживает процессы увеличения объема производства продукции в регионах Севера, но и тормозит выход местных товаропроизводителей на крупные и локальные рынки – доступ производителей в сетевые системы мелкооптовой и розничной торговли.

ГЛАВА 5. ФИНАНСОВЫЕ ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ

5.1 Финансовые критерии и показатели конкурентоспособности

Критерии анализа конкурентных преимуществ того или иного объекта могут довольно сильно отличаться в зависимости от исследовательской проблемы, задачи или используемых методов (см., например, *(Sánchez de la Vega et al., 2019)*). В то же время при внимательном рассмотрении они аналогичны основным факторам производства, таким как физический, финансовый и человеческий виды капитала, институциональные характеристики системы, а также тесно связанные с ними концепции производительности и инновационности. Иными словами, составляющие конкурентоспособности условно можно разделить на такие блоки, как Макроэкономика, Человеческий капитал, Инновации и Финансы.

Все факторы производства и конкурентоспособности взаимообусловлены. Они во многом определяют преимущества системы в экономическом соревновании на рынках, лишенных монополистической власти, одним словом, конкурентных (*Комков, Лазарев, 2007*). Кроме этого, производительность труда в экономике определяют характер используемых технологий и способы организации работы, которые, в свою очередь, зависят от восприимчивости экономических субъектов к созданию, восприятию и внедрению в практику нововведений в процессе социально-экономического развития – ключевых особенностей инновационного развития экономики (*Анализ инновационного потенциала..., 2016*).

Финансовые аспекты инноваций и роста конкурентоспособности часто отходят на второй план, уступая место иным отмеченным выше факторам. Между тем, финансовая система является важным компонентом общей социально-экономической системы территории. Оценке её состояния придается важная роль при анализе социально-экономического развития регионов, в том числе уровня конкурентоспособности. Также финансовой системе отводится одно из ключевых мест в реализации средне- и долгосрочных стратегий развития. Это далеко не случайно – меры бюджетной политики способны сыграть важную роль в достижении целей внутрирегионального развития, таких как рост человеческого капитала и сбалансированное развитие муниципальных образований, входящих в состав региона (см., например, Стратегию социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 г. (*О Стратегии социально-экономического развития..., 2019*)). На примере Республики Коми в предыдущих работах (*Тимушев, 2019*) нами было установлено, что долговая устойчивость и благоприятное соотношение административных и производительных расходов в северных регионах России сочетается с низки-

ми производительными расходами на экономику и недостатками в сфере внутривнутрирегионального распределения межбюджетных средств.

Для целей анализа финансовых аспектов конкурентоспособности территории можно выделить три основных методики:

1) Методика оценки конкурентоспособности регионов России консалтинговой компании AV Group (далее – методика AVG) (*Индекс конкурентоспособности регионов AV RCI..., 2020*).

2) Рейтинг инновационного развития регионов НИУ ВШЭ (*Рейтинг инновационного развития..., 2020*).

3) Индекс конкурентоспособности Всемирного экономического форума (WEF Global Competitiveness Index 4.0) (далее – методика WEF) (*Schwab, 2019*).

Рассматриваемые методики – AVG, КИП (ВШЭ) и WEF, – включают в себя ряд финансовых показателей (табл. 5.1.1). Методики AVG и WEF используют относительно схожие показатели, которые можно поместить в две группы: 1) Финансовая система (динамика инвестиций, долговая устойчивость) и 2) Макроэкономическая стабильность (бюджетная устойчивость, параметры бюджета).

В части рейтинга НИУ ВШЭ использовалась не агрегированная оценка уровня инновационности, а частный рейтинг (индекс) Качества инновационной политики (далее – методика КИП (ВШЭ)). Индекс КИП (ВШЭ) характеризует политику органов власти регионов по развитию конкурентоспособности (то есть оценивает, как регион использует свои начальные возможности). Несмотря на то, что методика WEF – страновая, а методики AVG и КИП (ВШЭ) – региональные, они преследуют единую цель – дать количественную оценку конкурентоспособности территории. Это позволяет осуществить сравнительный анализ всех трёх методик.

Таблица 5.1.1 – Группы финансовых показателей в методиках AVG, WEF и КИП (ВШЭ)

AVG	WEF	КИП (ВШЭ)
Инвестиционная привлекательность	Финансовая система	Бюджетные затраты на науку и инновации (входит в индекс «Качество инновационной политики» (КИП), финансовый аспект)
Рейтинги кредитоспособности		
Инвестиционная эффективность	Макроэкономическая стабильность	
Финансовая система региона		
Региональный бюджет		

Источник: составлено автором.

Методика WEF преимущественно анализирует состояние частных финансов территории (доля соответствующих показателей в общем индексе составляет 8.3%) (табл. 5.1.2). Напротив, в методике AVG, в силу её регионального характера, основное внимание уделяется государственным

финансам. Однако именно на примере индикаторов финансовой сферы хорошо видна схожесть методик AVG и WEF. Различия между ними объяснимы лишь разными объектами оценки. Во-первых, финансовому аспекту конкурентоспособности в методике AVG присваивается чуть меньший вес, чем в методике WEF. Но это объяснимо тем, что в методике AVG в целом используется и большее количество показателей. Во-вторых, вес индикатора долговой устойчивости в обеих методиках примерно одинаков. В-третьих, широкие индикаторы финансового рынка WEF (размер кредитного рычага, финансирование малого бизнеса, венчурное финансирование, объем фондового и страхового рынка, устойчивость банков) в AVG заменяются состоянием межбюджетных отношений в бюджетной системе России – это полностью соответствует задачам соответствующих методик, которые зависят от объекта анализа.

Таблица 5.1.2 – Подходы к оценке конкурентоспособности AVG и WEF

Ведущая отрасль экономики	WEF	AVG
Количество первичных показателей	102	117
Количество групповых (базовых) показателей (подрейтингов второго ряда)	26	35
Доля показателей сферы финансов (частные и государственные финансы) в общем индикаторе, %	12,5	10,1
Из них:		
Доля частных финансов (кредитный рычаг, финансирование малого бизнеса, венчурное финансирование, капитализация фондового, устойчивость банков), %	8,3	1,7
Доля государственных финансов, %	4,2	8,5
Из них:		
долговая устойчивость	4,2	4,0
межбюджетные отношения	-	2,7
самостоятельность бюджета (органа власти региона)	-	1,7

Источник: составлено автором.

Индекс КИП (ВШЭ) весьма сложен по своему строению, так как по определению нацелен на разностороннюю характеристику позиций региона в части его инновационной среды. Помимо правового и организационного обеспечения поддержки инноваций, немаловажное значение имеет наличие полномочий и финансовых ресурсов у региона и муниципалитетов реализовывать меры поддержки инновационной деятельности.

Таким образом, все три рассмотренные методики оценки конкурентоспособности территории учитывают показатели развитости финансового рынка, состояния бюджетной устойчивости и межбюджетных отношений, а также финансирования инноваций и научных исследований. Данные характеристики играют важную роль при определении интегральной оценки конкурентоспособности объекта анализа.

При анализе количественной оценки конкурентоспособности региона используются результаты исследований консалтинговой компании AV

Group. Эта методика придает показателям финансов, особенно общественной сферы, долговой устойчивости, межбюджетным отношениям на федеральном уровне, самостоятельности органа государственной власти региона, – весьма высокие веса. Для экономики Республики Коми, например, поиск факторов (детерминант) региональной конкурентоспособности особенно актуален в связи с тем, что динамика основных макропоказателей за 2012–2020 гг. – ВРП, инвестиций в основной капитал и промышленного производства, – существенно отстаёт не только от среднероссийских, но даже от среднесеверных значений.

Важной частью финансовой системы является налогово-бюджетная (под)система. Состояние, тенденции и степень эффективности проведения налогово-бюджетной политики влияет на смягчение воздействия разнообразных негативных факторов на макроуровне, таких как внешняя ценовая конъюнктура, стагнация промышленного производства и инвестиций в основной капитал. С точки зрения состояния бюджетной системы, уровень конкурентоспособности региона влияет, прежде всего, на налоговый потенциал. Расходная часть бюджета, со своей стороны, способна оказывать определенное влияние на степень конкурентоспособности. Развитость финансовой системы на Севере ещё более актуальна в силу дополнительных неблагоприятных для экономического развития факторов (*Дмитриева, Лаженцев, 2004; Чужмарова, 2014*): суровый климат, повышенные издержки жизнедеятельности, малая плотность населения, высокие транспортные затраты, уязвимая экологическая среда. В экономической науке возможности налогово-бюджетной политики способствовать устойчивому экономическому развитию разрабатываются в рамках концепции эндогенного экономического роста (см., например, (*Tanzi, Zee, 1997*)).

Основные факторы конкурентоспособности представлены в табл. 5.1.3. Соответствующие показатели отобраны по результатам анализа методики AVG, а также анализа страновой методики Всемирного экономического форума (WEF Global Competitiveness Index 4.0) и Рейтинга инновационного развития субъектов Российской Федерации, разработанного НИУ ВШЭ.

Таблица 5.1.3 – Критерии и показатели конкурентоспособности

№	Показатель	Обозначение	Единица измерения	Источник
1	Индекс конкурентоспособности региона	AVG	ед.	консалтинговая компания AV Group
Финансы				
2	Банковское кредитование малого и среднего бизнеса = финансы малого бизнеса	SMALL.B.CREDIT	млн. руб./чел.	ЦБ России
3	Внутрирегиональная расходная бюджетная децентрализация (Доля расходов местных бюджетов (включая поселения) в расходах консолидированного бюджета субъекта (субвенции считаются расходами бюджета субъекта))	DEC.EXP	%	Казначейство России, расчёты автора
Макроэкономика				
4	Размер регионального рынка (натуральный логарифм суммы ВРП и импорта)	MARKET	ед.	Росстат, расчёты автора
5	Оборот организаций (без субъектов малого предпринимательства, бюджетных организаций, банков, страховых и прочих финансово-кредитных организаций)	TURNOVER.PER.CAP	тыс. руб./чел.*	Росстат
6	Среднедушевые денежные доходы населения	INC.PER.CAP	тыс. руб./чел.	Росстат
7	Уставный капитал в частном секторе	CAP.NOM.PER.CAP	тыс. руб./чел.	Росстат
8	Неравенство доходов (Коэффициент Джини)	GIN	ед.	Росстат
Человеческий капитал				
9	Доля миграционного сальдо в численности населения	MIG	чел. на тыс. чел. населения	Росстат, расчёты автора
10	Уровень урбанизации (доля городского населения)	URB	%	Росстат
11	Соотношение учащихся и учителей в общем образовании	TEACH	%	Росстат, расчёты автора
Инновации				
12	Затраты на технологические инновации	INN.EXP	тыс. руб./чел.	Росстат
13	Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками	INN.STAFF	ед. на тыс. чел. населения	Росстат

Источник: составлено автором.

Примечание: * – все удельные показатели в ценах 2017 г. с учетом корректировки на индекс потребительских цен и на индекс бюджетных расходов (ИБР), нивелирующий межрегиональные различия в стоимости благ. Данные по ИБР – Минфин России.

Для отражения *частных финансов* используется показатель финансов малого бизнеса *SMALL.B.CREDIT* (обозначает размер банковского кредитования в регионе). Оно обозначает общие финансовые возможности (объём финансовых ресурсов, финансового обеспечения предпринимательской деятельности) малого и среднего бизнеса в экономиках регионов России. Размер выданных малому и среднему бизнесу банковских кредитов в экономике северных регионов крайне низок. Все крупные предприятия

тия, как правило, в рамках проводимой финансовой политики сильнее зависят от действий головных органов управления, чем от состояния финансового рынка.

Для отражения *общественных финансов* рассматриваются три вида и соответствующих показателей внутрирегиональной бюджетной децентрализации (табл. 5.1.4), из которых два являются индикаторами доходной децентрализации.

Таблица 5.1.4 – Показатели внутрирегиональной (местной) бюджетной децентрализации

Показатель	Способ расчёта	Примечание
расходная децентрализация = «DEC.EXP» = «Рас»	$\frac{DEC.EXP}{\text{Расходы региона консолидированные}}$	Субвенции считаются расходами бюджета-донора (бюджета субъекта)
доходная децентрализация по структуре общерегиональных доходов = «Дох.1»	$\frac{\text{Доходы местные – Входящие субвенции}}{\text{Доходы региона консолидированные}}$	Субвенции, выделяемые местным бюджетам, считаются доходами бюджета субъекта. Остальные виды региональных трансфертов считаются доходами местного бюджета.
доходная децентрализация по структуре местных доходов = «Дох.2»	$\frac{\text{Налоговые и неналоговые местные доходы}}{\text{Доходы местные}}$	Дотации на выравнивание приравниваются к остальным видам рег. помощи и исключаются из расчёта.

Примечание: Данные по России в целом, федеральным округам и северным субъектам рассчитываются по средней, взвешенной на численность населения субъектов в соответствующем году. Расчеты основываются на данных Казначейства России.

Влияние внутрирегиональной бюджетной децентрализации на уровень конкурентоспособности экономики регионов можно проследить путем анализа подрейтинга «Финансовый капитал» рейтинга AVG, в состав которого, среди прочих, включены такие показатели, как 1) «Доходы бюджета», 2) «Налоговые доходы бюджета» и 3) «Налоговые доходы бюджета к ВРП». Иными словами, чем выше размеры доходов бюджета субъекта, в том числе собственных доходов, а также размер доходов на единицу ВРП, тем выше может оказаться итоговый индекс конкурентоспособности субъекта.

Бюджетная децентрализация – ситуация, при которой значимыми налоговыми и бюджетными полномочиями обладают нижестоящие уровни управления, – способна обеспечить эффективность распределения и использования бюджетных средств (среди современных обзорных работ следует отметить: (Martinez-Vazquez, Lago-Peñas, Sacchi, 2017)). В данной работе под «полномочиями» подразумевается не перечень разрешенных прав и обязанностей уровней публичного управления (в смысле процедур

бюджетного процесса и исполнения расходных обязательств), а широта возможностей управления параметрами расходов и доходов соответствующего бюджета. Именно поэтому концепция и показатель внутрирегиональной (местной) бюджетной децентрализации может одновременно рассматриваться и как индикатор развитости бюджетной (и в целом финансовой) системы, и как драйвер экономического развития.

Внутрирегиональная бюджетная децентрализация может считаться индикатором развитости бюджетной системы в силу известных факторов широких местных полномочий (ресурсов) – высокого уровня доходов, высокой урбанизации, низких инфляции и безработицы (*Либман, 2010*). Исторически, децентрализованная бюджетная система считалась результатом и косвенным признаком развитости экономики (*Oates, 1993*). Основной объём бюджетных расходов на местном уровне относится к группе производительных, то есть благоприятно влияющих на экономическое развитие. Меры местной бюджетной политики занимают важное место в формировании благоприятной среды деятельности малого бизнеса – поддержке местного предпринимательства.

Что позволяет считать бюджетную децентрализацию инструментом стимулирования экономического развития? Во-первых, рост подотчётности перед местным налогоплательщиком вследствие того, что укрепляется зависимость местных расходов от собственных доходов, которые в свою очередь зависят от местной экономической политики (*Oates, 2006*). Это увеличивает ответственность (в том числе финансовую) органов местной власти за принимаемые управленческие решения. Рост подотчётности перед налогоплательщиком во многом проистекает из появления межмуниципальной конкуренции (*Hatfield, Kosec, 2013*). Стимулы к межтерриториальной конкуренции положительно влияют на фискальную дисциплину (*Eyraud, Lusinyan, 2011*). Напротив, при низкой финансовой самостоятельности потребность в межбюджетных трансфертах и заимствованиях, особенно при высокой межрегиональной дифференциации, увеличивает риски снижения финансовой устойчивости. Говоря обобщенно, бюджетная децентрализация оказывает положительное влияние на эффективность общественного сектора, и поэтому способствует экономическому росту (*Boetti, Piacenza, Turati, 2012*). Ограничением положительного влияния децентрализации на рост экономики по линии подотчетности являются возникающие вертикальные и горизонтальные внешние эффекты (экстерналии) (*Keen, Kotsogiannis, 2002*). Они являются потенциальными недостатками децентрализации и требуют применения межбюджетных трансфертов. Вертикальные внешние эффекты проистекают из природы распределения налоговых доходов, налоговых баз и обычно завышают (местную) налоговую нагрузку. Горизонтальные внешние эффекты, в свою

очередь, проистекают из природы налоговой конкуренции между регионами и обычно занижают налоговую нагрузку.

Во-вторых, внутрирегиональная бюджетная децентрализация влияет на местную экономику по линии структуры бюджетных расходов. Данное направление тесно связано с первым, и предполагает, что режим децентрализации стимулирует органы власти увеличивать финансирование производительных статей, благоприятных для роста факторов производства. При налоговой децентрализации социальные расходы замещаются (Kappeler et al., 2013) или дополняют (Gao et al., 2019) инфраструктурные расходы, при этом также велик потенциал роста качества создаваемой инфраструктуры (Escaleras, Calcagno, 2018). Рост доли производительных расходов в местном бюджете часто рассматривается как внешний эффект и может выражаться не только в объеме расходов, но и структуре, причем таким образом, что образуется стратегическая взаимодополняемость расходов самостоятельных юрисдикций (Caldeira, Foucault, Rota-Graziosi, 2015). Так проявляются положительные эффекты конкуренции для федерации в целом.

Моделирование индекса конкурентоспособности региона можно представить следующим образом:

$$AVG = \alpha * X + \varepsilon \quad (1)$$

где AVG – индекс конкурентоспособности

X – факторы конкурентоспособности (показатели в табл. 5.1.5 ниже)

Нас интересует количественный вклад финансовых показателей (SMALL.B.CREDIT и DEC.EXP) в индекс конкурентоспособности AVG . Для сравнительного анализа оценок коэффициентов применяется регрессионный анализ модели (1). Применяются три вида регрессий, основанных на соответствующих общих формулах уравнений:

1. Простой метод наименьших квадратов (1) (модель «OLS»),
2. Пространственная «локальная» регрессия с оценкой пространственных эффектов фактора размера рынка ($MARKET$), рассчитанная по общему пулу данных (2) (модель «Spatially Lagged X») ⁸,
3. Пространственная «глобальная» регрессия с учетом уровня конкурентоспособности соседних регионов, так же рассчитанная по общему пулу данных (3) (модель «Spatial Durbin Model»).

$$AVG_{jt} = \alpha * X_{jt} + \theta * W * MARKET_{mt} + \varepsilon \quad (2)$$

$$AVG_{jt} = \rho * W * AVG_{mt} + \alpha * X_{jt} + \theta * W * MARKET_{mt} + \varepsilon \quad (3)$$

---

⁸ Факт пространственной близости оценивается на основе факта наличия общей границы у субъектов России (в том числе общей точки), без учета расстояния (применяются «queen contiguity weights»).

Таким образом, финансовые аспекты эффективной и устойчивой предпринимательской среды являются важным компонентом конкурентоспособности социально-экономической системы. В этой связи оценке её состояния отводится важная роль при анализе социально-экономического развития регионов.

Критериями и показателям финансовой системы уделяется значительное внимание в основных методиках оценки конкурентоспособности территорий. Состав показателей разнообразен, но их можно сгруппировать на непосредственно финансовые индикаторы, такие, как состояние инвестиционной динамики, эффективность инвестиций, затраты на науку и инновации и индикаторы финансовой (макроэкономической) стабильности, такие как кредитоспособность и долговая устойчивость, бюджетная устойчивость и параметры бюджетов в рамках бюджетной системы.

Финансовая сфера экономики широка и включает в себя частную и общественную системы. При оценке региональной конкурентоспособности в сфере частных финансов внимание уделяется показателями развитости финансового рынка и финансирования инноваций и научных исследований, а в сфере общественных финансов – состояние бюджетной устойчивости и межбюджетных отношений. В целях эмпирического анализа в рамках данного исследования для отражения частных финансов был выбран показатель размера банковского кредитования малого и среднего предпринимательства в регионе, для отражения общественных финансов – показатель внутрирегиональной бюджетной децентрализации.

5.2 Анализ финансовых факторов конкурентоспособности

Внутрирегиональная бюджетная децентрализация является более высокой на Севере, чем по России в целом (табл. 5.1.5). Уровень внутрирегиональной бюджетной децентрализации в России в целом, СЗФО и ДВФО, а также в среднем по северным субъектам за 2008–2021 гг. уменьшился по всем используемым индикаторам. Но каждый из трёх вариантов показателей внутрирегиональной бюджетной децентрализации обладает самостоятельной ценностью в научных исследованиях. В указанных федеральных округах сокращение децентрализации было сильнее, чем по России в целом, что определило схожее уменьшение внутрирегиональной децентрализации по северным субъектам. Также это привело к выравниванию количественного уровня децентрализации между Россией в целом и северными регионами. Особенно значительным падение доли параметров местных бюджетов было в Ненецком АО и Чукотском АО. Таким образом, выявленные тенденции могут свидетельствовать о снижении возможностей и заинтересованности в поддержке местного предпринимательства со стороны органов местной власти. Однако сложность анализа заключается в том, что доходная децентрализация по структуре местных доходов сни-

зилась в существенно меньшей степени, чем остальные индикаторы децентрализации.

Таблица 5.1.5 – Уровень внутрирегиональной бюджетной децентрализации, %

Регион	Расходная децентрализация			Децентрализация по структуре общерегиональных доходов			Децентрализация по структуре местных доходов		
	2008	2021	2008-2021	2008	2021	2008-2021	2008	2021	2008-2021
Россия в целом	39	24	-15	36	23	-13	41	32	-9
Северо-Западный ФО	41	22	-19	35	20	-15	40	39	-1
Дальневосточный ФО	38	23	-15	36	23	-13	37	31	-6
Северные субъекты в целом	44	24	-20	42	24	-18	33	35	2
Республика Карелия	32	20	-12	30	19	-11	38	28	-10
Республика Коми	39	22	-17	38	22	-16	41	30	-11
Ненецкий АО	35	7	-28	49	7	-42	21	90	69
Архангельская область	39	24	-15	40	24	-16	41	31	-10
Мурманская область	45	31	-14	41	27	-14	37	40	3
Ханты-Мансийский АО	59	29	-30	50	29	-21	32	35	3
Ямало-Ненецкий АО	55	34	-21	60	32	-28	31	24	-7
Республика Саха (Якутия)	32	19	-13	32	18	-14	19	26	7
Камчатский край	37	20	-17	38	19	-19	28	40	12
Магаданская область	51	21	-30	43	21	-22	28	33	5
Сахалинская область	51	42	-9	49	41	-8	26	29	3
Чукотский АО	49	19	-30	47	22	-25	21	15	-6

Источник: расчеты по материалам Казначейства России.

Между показателем финансов малого бизнеса SMALL.B.CREDIT и уровнем конкурентоспособности AVG наблюдается весьма сильная прямая взаимосвязь (табл. 5.2.1). Уровень внутрирегиональной бюджетной децентрализации в расходном аспекте (DEC.EXP) также прямо взаимосвязан с конкурентоспособностью региона. Помимо показателей, непосредственно участвующих в расчетах по методике AVG, с уровнем конкурентоспособности субъекта взаимосвязаны индикаторы неравенства по доходам (GIN), урбанизации (URB) и миграции (MIG).

Таблица 5.2.1 – Парная корреляция

	Показатель	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	AVG	1,0												
2	SMALL.B.CREDIT ²	0,6	1,0											
3	DEC.EXP ^{2**}	0,5	0,4	1,0										
4	MARKET	0,9	0,6	0,6	1,0									
5	TURNOVER.PER.CAP	0,7	0,5	0,5	0,8	1,0								
6	INC.PER.CAP	0,6	0,7	0,2	0,6	0,5	1,0							
7	CAP.NOM.PER.CAP	0,5	0,2	0,4	0,5	0,7	0,3	1,0						
8	GIN	0,5	0	0,2	0,5	0,5	0,3	0,4	1,0					
9	MIG ³	0,5	0,6	0	0,5	0,4	0,6	0,2	0	1,0				
10	URB ³	0,5	0,3	0,6	0,5	0,5	0	0,4	0	0	1,0			
11	TEACH ³	0,5	0,3	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4	0,2	0,3	0,5	1,0		
12	INN.EXP ⁴	0,6	0,4	0,4	0,6	0,7	0,4	0,7	0,4	0,4	0,4	0,3	1,0	
13	INN.STAFF ⁴	0,5	0,5	0,3	0,4	0,4	0,4	0,3	0	0,4	0,4	0,3	0,5	1,0

Источник: рассчитано автором по средним данным за 2013–2020 гг.

Примечание: Расшифровка аббревиатур показателей – в табл. 5.1.5. Сортировано по убыванию корреляции с AVG. Только значимые коэффициенты корреляции. ** – внутрирегиональная (местная) бюджетная децентрализация. 2 – показатели сферы финансов. 3 – показатели сферы человеческого капитала. 4 – показатели сферы инноваций.

Прямая взаимосвязь между показателем внутрирегиональной бюджетной децентрализации DEC.EXP и уровнем конкурентоспособности AVG проиллюстрирована на рис. 5.2.1. Северные регионы не выделяются на общем фоне регионов России. В частности, конкурентоспособность Республики Коми находится на среднем уровне. Графически можно заметить, что на итоговый рейтинг влияет не только уровень частных доходов в регионе (является важным индикатором в методике AVG), но и темп роста экономики (не выделяется в AVG отдельно).

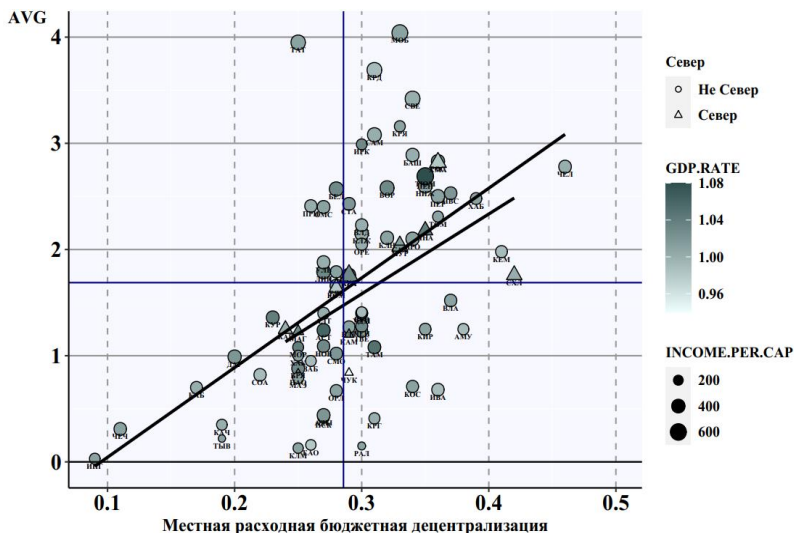

Рисунок 5.2.1 – Конкурентоспособность (AVG) и бюджетная децентрализация

Источник: AV Group (URL: <http://av-group.ru/av-strategy/av-rci/> (дата обращения: 23.05.2020)). Методика AV Regions Competitiveness Index ©, Казначейство России, расчеты автора.

Примечание: по средним данным за 2013–2020 гг. GDP.RATE – темп роста экономики; INCOME.PER.CAP – среднедушевые денежные доходы населения.

На примере показателя внутрирегиональной бюджетной децентрализации в расходном аспекте можно показать, что методика AVG в целом адекватно отражает разнообразие индикаторов состояния общественных финансов в регионе (рис. 5.2.2). Графически, долг среднего российского региона мало зависит от «финансового капитала» или децентрализации, однако финансово менее развитые (по критерию методики AVG) северные регионы имеют заметно больший долг.

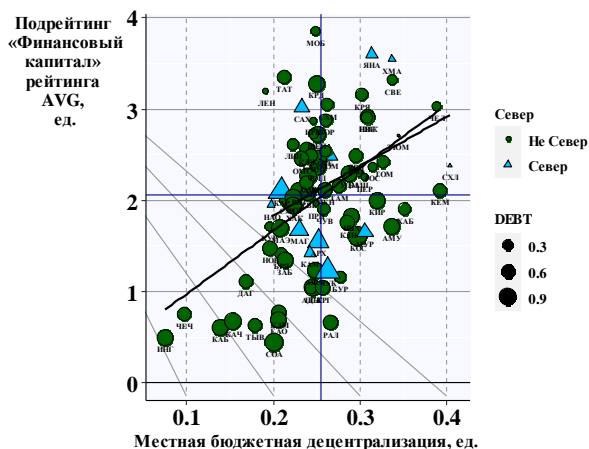

Рисунок 5.2.2 – Зависимость компоненты «Финансовый капитал» от внутрирегиональной бюджетной децентрализации, с учётом госдолга региона

Источник: расчеты автора.

Тесную взаимосвязь индикатора по методике AVG с одной стороны и используемых в данной работе бюджетных показателей – с другой, – подтверждают парные коэффициенты корреляции (табл. 5.2.2).

Таблица 5.2.2 – Парная корреляция с компонентом «Финансовый капитал»

Показатель	Коэф. корреляции Пирсона	Величина ошибки (t-value)
Доля федеральных трансфертов в доходах консолидированного бюджета	0,70	0
Госдолг региона (доля от собственных доходов регионального бюджета)	0	0,12
Доля капитальных бюджетных расходов в консолидированных бюджетных расходах региона	-0,24	0,03
Расходная внутрирегиональная бюджетная децентрализация для расходов на образование*	0,33	0
Расходная внутрирегиональная бюджетная децентрализация*	0,50	0
Доля производительных расходов в расходах консолидированного бюджета субъекта	0	0,14
Удельная величина местных налоговых доходов, собранных в субъекте	0,58	0
Доля доходов от предпринимательской деятельности в структуре доходов населения	-0,27	0,01
Бюджетная обеспеченность субъекта до распределения федеральных дотаций	0,70	0

Источник: рассчитано автором.

Примечание: по средним данным за 2012–2019 г. * – учитываются в обратной величине (1/показатель), так как большая величина по ним означает менее благоприятную ситуацию.

Для группировки северных регионов России был применен многомерный кластерный анализ по выбранным бюджетным показателям (табл. 5.2.3). Регионы-лидеры (Ханты-Мансийский АО и Сахалинская область) характеризуются заметно большими значениями по величине капитальных и производственных расходов, бюджетной децентрализации и бюджетной обеспеченности, не только по сравнению с остальными регионами Севера, но и средними данными по России в целом. В то же время их удельные местные налоговые доходы и доля доходов от предпринимательской деятельности могут быть ниже, чем в среднем по России. Тем не менее, в целом бюджетные системы Севера существенно более развиты финансово, по сравнению с системами остальных регионов. Более того, даже относительно менее развитые северные регионы (группа 2) обладают значениями показателей, которые выше средних по России в целом (для дотационности и долга – ниже средних).

Таблица 5.2.3 – Группировка северных регионов по схожести показателей

Группа	Доля капитальных бюджетных расходов в консолидированных бюджетных расходах региона	Расходная внутрирегиональная бюджетная децентрализация	Доля производственных расходов в расходах консолидированного бюджета субъекта	Удельная величина местных налоговых доходов, собранных в субъекте	Доля доходов от предпринимательской деятельности в структуре доходов населения	Бюджетная обеспеченность	Среднее*
Респ. Карелия, Архангельская обл., Респ. Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская обл., Чукотский АО	0,09	0,24	0,75	0,73	0,07	0,49	-0,31
Ненецкий АО, Респ. Коми, Мурманская обл., Ямало-Ненецкий АО	0,10	0,27	0,73	0,58	0,06	1,11	0,16
Ханты-Мансийский АО	0,12	0,34	0,77	1,22	0,07	1,34	1,12
Сахалинская обл.	0,30	0,40	0,82	0,72	0,10	1,53	2,51
<i>Справочно:</i>							
Россия в среднем	0,11	0,25	0,72	1,17	0,09	0,72	0,00
Север в среднем	0,11	0,27	0,75	0,72	0,07	0,85	0,20

Источник: рассчитано автором.

Примечание: показаны средние простые величины для каждой группы регионов по соответствующему показателю. * – на основе стандартизованных величин показателей, для обеспечения взаимной сопоставимости показателей.

Бюджетные системы северных регионов России выгодно отличаются от остальных регионов по бюджетным макропоказателям (структура расходов, бюджетные децентрализация и обеспеченность, дотационность и долг), однако менее устойчивы по иным индикаторам (например, доля местных налоговых доходов). Это может предоставить им конкурентное преимущество в части использования финансовых факторов конкурентоспособности. Однако важно уточнить характер взаимосвязи основных финансовых факторов и индикатора конкурентоспособности.

В разрезе видов внутрирегиональной бюджетной децентрализации гипотеза о положительной взаимосвязи размера местных бюджетных ресурсов и конкурентоспособности экономики также подтверждается (табл. 5.2.4). Наиболее тесная связь наблюдается для расходной децентрализации. Коэффициент корреляции равен 0,52, что говорит о весьма заметной степени взаимосвязи показателей. Наименьшей близостью с мерой конкурентоспособности обладает бюджетная децентрализация, выраженная через структуру местных доходов (коэффициент корреляции равен 0,34).

Таблица 5.2.4 – Парная корреляция внутрирегиональной бюджетной децентрализации и Индекса конкурентоспособности регионов России

Показатель	Расходная децентрализация	Доходная децентрализация по структуре местных доходов	Доходная децентрализация по структуре общерегиональных доходов	Индекс конкурентоспособности AVG
Расходная децентрализация	-	0	0,88	0,52
Доходная децентрализация по структуре местных доходов	0	-	0	0,34
Доходная децентрализация по структуре общерегиональных доходов	0,88	0	-	0,41
Индекс конкурентоспособности AVG	0,52	0,34	0,41	-

Источник: Индекс конкурентоспособности – AV Group (URL: <http://av-group.ru/av-strategy/av-rsi/> (дата обращения: 5.12.2019)); расчеты автора.

Примечание: число наблюдений – 81 регион России (не участвуют г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Севастополь и Республика Крым). Показатели децентрализации – средние данные за 2013–2021 гг., Индекс конкурентоспособности регионов – средние данные за 2013–2016 гг.

Показаны только коэффициенты, статистически значимые согласно t-критерию Стьюдента.

Со стороны частных финансов прямая положительная взаимосвязь *SMALL.B.CREDIT* и уровня конкурентоспособности *AVG* проиллюстрирована на рис. 5.2.3.

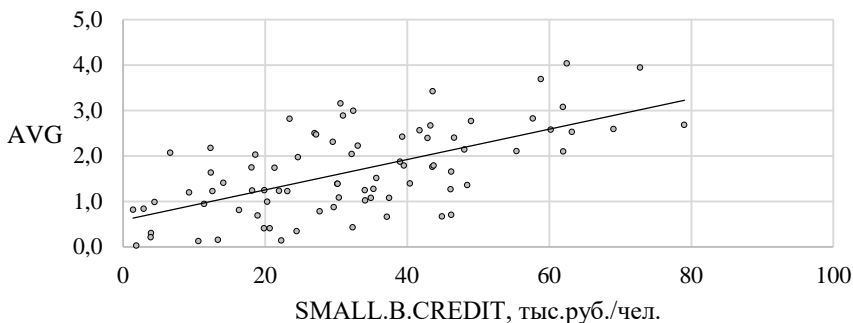

Рисунок 5.2.3 – Финансы малого бизнеса *SMALL.B.CREDIT* и индекс конкурентоспособности *AVG*

Источник: см. табл. 5.1.5.

При оценке модели (1) большинство вспомогательных переменных в «OLS» положительны, включая переменную неравенства по доходам *GIN* (табл. 5.2.5). Влияние переменной внутрирегиональной децентрализации *DEC.EXP* на результирующую переменную конкурентоспособности довольно слабое, но статистически значимое. Полученные оценки соответствуют оптимальному уровню децентрализации, равному 45,8%. Данное значение внутрирегиональной децентрализации весьма большое по сравнению с реальными данными, поэтому можно сделать вывод о благоприятном влиянии децентрализации на конкурентоспособность региона. В то же время отрицательный знак имеют переменные оборота организаций и среднедушевых денежных доходов населения. При этом отрицательное влияние сохраняется во всех трёх рассматриваемых моделях. Можно предложить следующие объяснения полученных результатов, противоречащих изначальным предположениям. Во-первых, размер частных доходов может не быть одним из основных факторов конкурентоспособности, и это объяснимо повышенными издержками бизнеса в случае высоких величин оплаты труда. Во-вторых, «регрессионная» характеристика показателя оборота (выручки) организаций – высокие значения *p-value* и стандартной ошибки, особенно в пространственных моделях, – ставит его на грань исключения из состава значимых предикторов. Кроме этого, размер экономики региона может более полно отражать показатель *MARKET*, рассчитываемый как логарифм от суммы ВРП и импорта.

Таблица 5.2.5 – Оценки коэффициентов регрессий

Объясняющие переменные	OLS ¹	Spatially Lagged X ¹	Spatial Durbin Model
θ (MARKET)	-	-0,0**	-0,3***
стандартная ошибка	-	0,02	0,09
ρ (AVG)	-	-	0,20
стандартная ошибка	-	-	0,16
Свободный член	1,7***	1,7***	-3,4***
стандартная ошибка	0,02	0,02	0,74
SMALL.B.CREDIT	0,2***	0,2***	6,8***
стандартная ошибка	0,03	0,02	1,07
DEC.EXP	0,1*	-	-
стандартная ошибка	0,07	-	-
DEC.EXP^2	-0,1*	-	-
стандартная ошибка	0,07	-	-
MARKET	0,7***	0,8***	0,7***
стандартная ошибка	0,03	0,03	0,03
TURNOVER.PER.CAP	-0,1***	-0,1*	-0,0*
стандартная ошибка	0,03	0,03	0,00
INC.PER.CAP	-0,1**	-0,1***	-0,0**
стандартная ошибка	0,03	0,02	0,00
GIN	0,1***	0,1***	4,8***
стандартная ошибка	0,02	0,02	0,92
TEACH	0,1***	0,1***	0,0***
стандартная ошибка	0,02	0,02	0,01
INN.STAFF	0,1***	0,1***	0,1***
стандартная ошибка	0,02	0,02	0,01
R ² adjusted	0,87	0,87	...
Кол-во наблюдений	405	405	405

Источник: рассчитано автором.

Примечание: На основе данных за 2013–2020 гг. Уровень значимости: * – коэффициенты, значимые на уровне 10%; ** – на уровне 5%; *** – на уровне 1%. 1 – коэффициенты регрессии с учетом стандартизованных (scaled) значений переменных.

Прогнозирование изменения конкурентоспособности в результате изменения фактора банковского кредитования по данной модели показало, что снижение заемного финансирования на 10% снижает индикатор конкурентоспособности на 0,4–0,7%, а рост на ту же величину ведет к его росту на 0,5–0,8%. Коэффициент эластичности конкурентоспособности к кредитованию, таким образом, равен примерно 0,04–0,08. То есть, упрощенно, рост банковского кредитования на 10% может повысить конкурентоспособность региона на 1% в принятой шкале её измерения. Однако учитывая кумулятивное влияние финансов на конкурентоспособности по иным каналам (макроэкономики, человеческого капитала, инновационной деятельности), реальные значения эластичности являются гораздо более высокими. Иными словами, рост финансовых ресурсов в распоряжении

малого и среднего бизнеса способен заметно повысить оценку конкурентоспособности регионов Севера.

Макропоказатель величины региональной экономики соответствующего субъекта оказывает сильное положительное влияние на его конкурентоспособность («Spatially Lagged X» в табл. 5.2.5). Однако размер экономики региона-соседа, как ни странно, оказывает противоположное влияние на конкурентоспособность данного региона. Данный результат может быть следствием высокой межрегиональной экономической дифференциации в России, когда немногочисленные группы развитых соседствуют с большим числом отстающих регионов. Регрессионный анализ также не подтверждает наличие пространственных эффектов в формировании уровня конкурентоспособности («Spatial Durbin Model»). Данный результат может быть аргументом в пользу тезиса об отсутствии конвергенции в динамике региональных макропоказателей в России, а также указывать на слабую развитость межрегиональной кооперации/сотрудничества.

Таким образом, местная бюджетная децентрализация оказывает слабое положительное влияние на конкурентоспособность региона. Помимо основных детерминант конкурентоспособности (макроэкономика, финансы, человеческий капитал и инновации), с конкурентоспособностью региона также прямо связаны неравенство по доходам, урбанизация и положительная миграция. В составе макроиндикаторов намного более важен размер региональной экономики, а именно: объем ВРП и его компонентов, размер совокупного спроса по сравнению с уровнем частных доходов.

5.3 Повышение конкурентоспособности на основе финансовых факторов

Результаты, полученные в рамках представленного исследования, подтверждают, что успешность и устойчивость предпринимательской деятельности в регионе выше, когда относительный, то есть по сравнению с региональными органами власти, масштаб бюджетных ресурсов в распоряжении органов местного самоуправления в субъекте достаточно высок, а предпринимательская инициатива обеспечена финансовыми ресурсами. Данное наблюдение согласуется с известными положительными каналами воздействия широких местных бюджетных полномочий по управлению параметрами бюджета на развитие экономики – рост подотчётности системы общественного управления перед местным налогоплательщиком и формирование структуры бюджетных расходов, благоприятной для развития частного сектора.

Все основные группы индикаторов, представляющие региональную макроэкономику, финансы, человеческий капитал и инновации, а также индикаторы неравенства по доходам, урбанизации и положительной миграции вно-

сят определенный вклад в количественную меру конкурентоспособности региона. И всё же наибольшее влияние оказывают размер региональной экономики (ВРП и его компоненты, размер совокупного спроса) и размер финансов частного сектора (особенно малого бизнеса). Показано, что недостаток финансовых ресурсов является одним из главных препятствий для улучшения условий ведения предпринимательства и роста конкурентоспособности: рост показателя финансов на 10% может повысить меру конкурентоспособности региона как минимум на 1%. Внутрирегиональная (местная) бюджетная децентрализация оказывает слабое, но значимое положительное влияние на конкурентоспособность региона.

Конкурентоспособность регионов России, согласно результатам регрессионного анализа, обладает статистически незначимыми пространственными эффектами. Таким образом, потенциал результативности инструментов госуправления (например, федеральные инициативы по региональному развитию) существенно ослаблен. Это может быть объяснено следующими негативными обстоятельствами:

1) высокая межрегиональная экономическая дифференциация (выраженная, прежде всего, в региональных макропоказателях); то есть, соседство развитых регионов с большим числом отстающих регионов,

2) отсутствие конвергенции в динамике региональных макропоказателей,

3) неразвитость межрегионального сотрудничества, мешающая использованию географической близости в целях экономического развития.

Несмотря на большую роль налогово-бюджетной политики, особенно финансовой поддержки малого и среднего бизнеса с точки зрения роста конкурентоспособности региона, возможности региональной бюджетной политики, связанные с расширением льготного финансирования частного сектора и доступности для него инструментов финансового рынка, крайне ограничены. Учитывая высокую стоимость заимствований, особенности регулирования налоговой нагрузки и выбора направлений бюджетных расходов, оптимальным источником финансовых ресурсов для корпоративного сектора северной экономики на сегодняшний день представляются инструменты, предлагаемые различными федеральными институтами развития.

Возможность получения финансовой поддержки по линии институтов развития открыта как для крупного, так и малого бизнеса. Но именно для малого бизнеса, особенно с инновационным уклоном, они наиболее широки. Основной институт для малого бизнеса – Корпорация МСП в форме банковского кредитования через МСП Банк. Сугубо в инновационной сфере Российская венчурная компания (РВК) и VEB Ventures (профильная организация группы ВЭБ.РФ) ответственны за венчурное (высо-

корискованное) финансирование. Фонд содействия инновациям нацелен исключительно на поддержку малых предприятий и даже физлиц. Функционируют и более разнородные институты финансовой поддержки, которые также оказывают услугу и крупному бизнесу: 1) планирующему выход на внешний рынок (Российский экспортный центр), 2) действующему на территории моногородов (Фонд развития моногородов), 3) действующему на территории арктических территорий (Фонд развития Дальнего Востока и Арктики), 4) в сфере промышленности (Фонд развития промышленности).

Обращение за предлагаемыми формами финансовой поддержки не только поможет увеличить экономическую выгоду частного сектора, но и благоприятно отразится на конкурентоспособности регионов Севера. Основная проблема при использовании подобного источника финансовых ресурсов заключается в формировании спроса со стороны предпринимательского сектора на предлагаемые финансовые инструменты поддержки бизнеса, особенно адресованные субъектам малого инновационного предпринимательства. Отсутствие инициативы и заинтересованности в её получении, в том числе со стороны частного предпринимательства, занимающегося коммерциализацией прикладных разработок, оставляет невостребованными существующие меры финансовой поддержки. В связи с этим часть действующих разнообразных информационно-аналитических и консультационных мер поддержки, осуществляемых органами власти на уровне регионов, целесообразно перенаправить на облегчение выхода местного частного бизнеса, особенно малого и инновационного, на «рынок» федеральных льгот.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что росту конкурентоспособности по каналу финансовых факторов будут способствовать делегирование налоговых и расходных бюджетных полномочий, то есть права управления параметрами собственного бюджета органам муниципальной власти, и обеспечение сектора малого и среднего предпринимательства доступными финансовыми ресурсами. Финансовые меры поддержки малого и среднего предпринимательства оказывают существенное влияние в рамках политики увеличения конкурентоспособности региона. В то же время возможности региональной бюджетной политики на практике, связанные с расширением льготного финансирования частного сектора и доступности для него инструментов финансового рынка, ограничены объёмом доходных и расходных полномочий на уровне органов государственной власти субъектов Российской Федерации. В связи с этим в рамках региональной политики целесообразным представляется стимулировать спрос со стороны предпринимательского сектора региона на финансовые инструменты поддержки бизнеса, предлагаемые существующими институтами развития.

ГЛАВА 6. Конкурентоспособность и сотрудничество в социальной сфере северных регионов

6.1 Содержание конкурентоспособности в социальной сфере

Конкуренция является объектом правового регулирования. Указ Президента РФ «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» определил цели совершенствования государственной политики: повышение удовлетворенности потребителей за счет расширения ассортимента товаров, работ, услуг, повышения их качества и снижения цен; повышение экономической эффективности и конкурентоспособности хозяйствующих субъектов (*Об основных направлениях..., 2017*).

Отмеченная трансформация экономической системы подразумевает поступательное развитие производственных взаимоотношений между конкурирующими субъектами и государством, а также изменение целевых установок структуры всей системы экономики. На XIX Всемирном фестивале молодежи и студентов в Сочи в 2017 г. Президент В.В. Путин призвал сменить соперничество на сотрудничество и партнерство (*XIX Всемирный фестиваль..., 2017*). В связи с этим представляется целесообразным и назревшим переосмыслить соотношение категорий «конкурентоспособность» и «сотрудничество», выступающих как поставленные социальные стратегические цели, направленные на равноправие и социальное дружелюбие.

Особенностью социальной сферы выступает ее территориальный и региональный характер действия. В связи с этим традиционный понятийный аппарат, методы и подходы к оценке конкурентоспособности региона нуждаются в расширении и дополнении. Возникает необходимость рассмотрения методологии исследования с точки зрения объективных и субъективных показателей, результатов фундаментальных и прикладных исследований отечественных и зарубежных специалистов по проблемам оценки и повышения конкурентоспособности регионов, статистического анализа, а также мониторинга удовлетворенности потребителей уровнем цен, качеством обслуживания и возможностью выбора услуг на товарных рынках.

Анализ содержания категорий «конкурентоспособность» и «сотрудничество» мы рассмотрим с позиций экономико-социологического подхода, в рамках которого обзору подлежат взаимодействия как между конкурирующими агентами, так и между ними и государством в развитии социальной сферы (*Радаев, 2003*).

Понятия «конкурентоспособность» и «сотрудничество» по-разному трактуются зарубежными и отечественными исследователями. Повышение конкурентоспособности фирмы в современных условиях М.

Портер свел к чрезвычайно содержательной формулировке: «Быть непохожим», т.е. найти альтернативное решение задачи, выгодно отличающее данный экономический субъект от других аналогичных субъектов на рынке и тем самым уменьшить уровень конкурентной борьбы (*Портер, 2005*). В своей теории ему вторят исследователи Дж. Робинсон и Э. Чемберлин, которые считали, что конкурентоспособность – это способность обходить борьбу, развивая новые рынки дифференцированной продукции (*Робинсон, 1986*). В работах Й. Шумпетера и П. Ромера конкурентоспособность предприятия также определяется способностью «создавать новые технологии, новые рынки и идеи» (*Шумпетер, 2005*).

Все вышеобозначенные трактовки в своей основе отмечают наиболее важной новаторскую роль конкурентоспособности, основанную на интеллектуальном лидерстве и исключаящую борьбу.

В России понятие «конкурентоспособность» исследуется относительно недавно. Экономисты выделяют основные признаки, раскрывающие сущность категории «конкурентоспособность»:

- конкурентоспособность проявляется на рынке товаров, работ, услуг (*Данилов, Волкова, 2010*);
- распространяется как на объект, так и на субъект рыночных отношений;
- имеет определенную конкурентную среду (количественная оценка экономических объектов, с помощью которой определяется уровень конкурентоспособности) (*Завьялов, 2007*);
- основой для определения конкурентоспособности выступают идентичные ключевые показатели у конкурента, определяющие социальный эффект (способность удовлетворять человеческие потребности) (*Долинская, Соловьёв, 1991*);
- имеет общую законодательную, правовую, нормативную, научно-методическую базу и информационное пространство (*Фатхутдинов, 2005*).

Сегодня принципиально новые формы взаимодействия бизнеса становятся важнейшим фактором конкурентоспособности, а ресурсы успешно используются по большей части в результате сотрудничества между фирмами, предприятиями, регионами и странами. Сотрудничество может принести удовлетворение обеим сторонам, а их противоборство – конфликт и снижение морального духа (*Мюллер, 2019*). Отсюда сотрудничество выступает как механизм регулирования рыночных отношений, способствует развитию не только производства, но и человеческого капитала, уровню и качеству жизни населения и в этом смысле является важным фактором повышения конкурентоспособности (*Malecki, 2000*).

За рубежом теорию сотрудничества между конкурирующими субъектами предложил Ф. Хайек (*Хайек, 1989*). Он увидел, что конкурирующие субъекты находятся в общем информационном пространстве, созданном всеми экономическими субъектами. На информационной природе конкурентоспособности акцентируют свое внимание и Кирцнер И., Мизесон Л., Найтон Ф., Друкер П. (*Ведин, 2007*).

Сотрудничество как форма рыночных отношений между субъектами было предложено в концепции О. Уильямсона. Он назвал их «гибридными структурами», направленными на «совместное создание дополнительных ценностей» (*Терешин, 2015*).

В России сотрудничество в большей степени осуществляется во взаимодействии государства и бизнеса. Однако содержание, формы и способы эффективного применения такого взаимодействия исследованы недостаточно. В научной литературе выделяют следующие основные формы сотрудничества:

- заключение договоров (реализуются на основе концессионных отношений);
- проведение конкурсов;
- взаимодействие государственного и частного капитала, осуществляемое в форме государственно-частного партнерства;
- сотрудничество государства и бизнеса в развитии социальной сферы.

Объектом внимания в данной работе станет сотрудничество государства и бизнеса в развитии социальной сферы.

Основополагающим принципом государственной политики является сокращение доли хозяйствующих субъектов, контролируемых государством, в общем количестве хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность на рынках товаров и услуг. Утвержден Национальный план развития конкуренции в Российской Федерации на 2018–2020 гг.

В настоящее время социальная сфера имеет легальное толкование в соответствии со «Стандартом развития конкуренции в субъектах РФ», где значимость отраслей социальной сферы определяется с учетом сформированного перечня приоритетных и социально значимых региональных рынков, направленных на повышение уровня жизни населения (*Стандарт развития конкуренции...*).

Таким образом, сотрудничество становится принципиально новой формой взаимодействия бизнеса и государства как механизма регулирования рыночных отношений. Оно способствует развитию не только производства, но и человеческого капитала, уровню и качеству жизни населения, и в этом смысле является важным фактором повышения конкурентоспособности.

6.2. Обзор методик анализа конкурентной среды в социальной сфере

К основным экономическим направлениям анализа конкурентной среды, от которых зависит уровень соперничества на рынке товаров, работ, услуг, исследователи относят состояние налоговой и кредитной систем, ценовую политику государства, ограничения спроса со стороны населения, сроки окупаемости капиталовложений, уровень неплатежей и инфляции, финансовую нестабильность.

Важной характеристикой конкурентной среды на рынках товаров и услуг является доля негосударственной (немуниципальной) формы собственности. Развитие конкуренции на данных рынках позволит увеличить долю негосударственных организаций и участников рынка, что предусмотрено федеральным Стандартом развития конкуренции, разработанным Министерством экономического развития РФ и Агентством стратегических инициатив. Введение Стандарта предполагает выявление потенциала развития региональной экономики Российской Федерации, включая человеческий потенциал.

В рамках внедрения Стандарта развития конкуренции в субъектах РФ предусмотрено проведение следующих направлений мониторинга:

- административных барьеров и оценки состояния конкурентной среды субъектами предпринимательской деятельности;
- удовлетворенности потребителей качеством товаров и услуг на товарных рынках региона и состоянием ценовой конкуренции;
- удовлетворенности субъектов предпринимательской деятельности и потребителей товаров и услуг качеством (уровнем доступности, понятности, удобства получения и достаточности) официальной информации о состоянии конкурентной среды на рынках товаров и услуг региона и деятельности по содействию развитию конкуренции в регионе.

В положении об органах исполнительной власти Республики Коми (далее – РК) развитие конкуренции определено в качестве одного из основных приоритетов деятельности региона (*Об органах исполнительной власти...*, 1994). Распоряжением Правительства РК уполномоченным органом по содействию развитию конкуренции в регионе является Министерство экономического развития и промышленности (*Об определении уполномоченного органа...*, 2014). Утвержден перечень приоритетных и социально значимых рынков для содействия развитию конкуренции в республике с обоснованием их выбора (*Об утверждении Перечня...*, 2015). В него включены социально значимые рынки по содействию развитию конкуренции: рынок услуг дошкольного образования; детского отдыха и оздоровления; услуг дополнительного образования детей; рынок медицинских услуг; психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями; услуг в сфере культуры; жилищно-

коммунального хозяйства; розничной торговли; услуг перевозок пассажиров наземным транспортом; услуг информатизации и связи и рынок услуг в сфере социального обслуживания населения.

Министерство экономического развития и промышленности РК совместно с органами местного самоуправления муниципальных образований городских округов и муниципальных районов, ГАУ РК «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг Республики Коми» ежегодно проводят опросы субъектов предпринимательской деятельности и населения. Проведение опроса хозяйствующих субъектов с распределением организаций по категориям бизнеса (крупный, средний, малый) и в отраслевом разрезе осуществляли органы местного самоуправления. Выборка субъектов предпринимательской деятельности репрезентирует предпринимательское сообщество по критерию отраслевой принадлежности и месту регистрации бизнеса – пропорционально их доле в соответствующих показателях по республике. В 2020 г. в опросе субъектов предпринимательской деятельности приняли участие 667 хозяйствующих субъектов, из них 338 индивидуальных предпринимателей (50,7%) и 329 юридических лиц (49,3%). Представителями предприятий, зарегистрированных в муниципальных образованиях городских округов, являлись 38,5% опрошенных, а 61,5% были зарегистрированы в муниципальных образованиях муниципальных районов. Основным географическим рынком сбыта продукции (работ, услуг) предприятий, которые представляли респонденты, в 31,2% случаев являлся рынок Республики Коми, в 63,4% – локальный рынок муниципального образования.

Выборка населения была проведена по месту проживания (городской округ, муниципальный район). Опросом было охвачено 3250 человек. Опрос проводился во всех муниципальных образованиях городских округов и муниципальных районов республики.

Расчет квот для опроса был сделан на основе методических рекомендаций Министерства экономического развития РФ от 11.03.2020 № 130 «Об утверждении единой методики мониторинга состояния и развития конкуренции на товарных рынках субъекта Российской Федерации» (*Об утверждении единой..., 2020*).

Опрос на тему административных барьеров и оценки состояния конкурентной среды со стороны субъектов предпринимательской деятельности не является единственным способом анализа конкуренции. Так, с учетом требований к системе оценки конкурентоспособности региона Распоряжением Главы РК выделяются 34 ключевых показателя развития конкуренции в РК на период до 2022 г. (*О внесении изменений..., 2016*). В качестве индикаторов конкурентоспособности региона рассмотрим следующие рынки: медицинских услуг и услуг жилищно-коммунального хозяйства.

6.3 Оценка конкурентной среды в социальной сфере (на примере Республики Коми)

Оценка наличия административных барьеров. В 2020 г. основными негативными барьерами, препятствующими развитию конкуренции, субъекты предпринимательской деятельности РК отметили административные и экономические факторы, которые снижают существующие стимулы входа на рынки новых участников, повышают непроизводственные издержки и тем самым снижают конкурентоспособность (табл. 6.3.1). Высокие налоги, по мнению респондентов, являются самым существенным для ведения текущей деятельности или открытия нового бизнеса административным барьером. Начиная с 2015 по 2019 гг., этот показатель, по мнению предпринимателей, был самым высоким и составлял от 59,2% до 58,3% и оставался практически неизменным. Однако в 2020 г. (21,7%) он значительно сократился по сравнению с 2019 г. (58,3%), что связано с государственной поддержкой предпринимательства в РК (*Подпрограмма «Малое и среднее...», 2019*). Государственная программа РК «Развитие экономики» расширила доступ субъектов малого и среднего предпринимательства к финансовой поддержке (*Состояние и развитие..., 2021*). Но, несмотря на предпринимаемые меры, высокие налоги по-прежнему занимают первое рейтинговое место среди административных барьеров.

Далее в перечне препятствий для развития предпринимательства идет такой показатель, как ограничение (сложность) доступа к закупкам компаний с государственным участием и субъектов естественных монополий. Его отметили 13,0% владельцев частных компаний (2015 г. – 3,3%, 2018 – 2,8%), и за 2015–2020 гг. этот показатель вырос на 9,7%. А число респондентов, отметивших нестабильность российского законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность, сократилось на 24,4% (с 36,5 до 12,1%), что говорит об ослаблении жесткости государственного регулирования отдельных видов предпринимательской деятельности. Здесь прослеживается тенденция повышения эффективности госрегулирования. Также произошло снижение показателя сложности получения доступа к земельным участкам на 21,7% (с 27,3 до 5,6%), сложности (затянутости) процедуры получения лицензий – на 7,6% и коррупции – на 5,3% (с 8,4 до 3,1%). Об отсутствии барьеров в 2020 г. сообщили 11,1% предпринимателей, в 2015 г. их число составляло 11,6%, то есть показатель уменьшился лишь на 0,5%. Также за обозначенный период небольшие изменения претерпели такие административные барьеры, как необходимость установления партнерских отношений с органами власти (уменьшение составило 2,0%), стандарты и предъявляемые к качеству требования.

Таблица 6.3.1 – Распределение ответов на вопрос: «Какие из перечисленных административных барьеров являются наиболее существенными для ведения текущей деятельности или открытия нового бизнеса на рынке, основном для бизнеса, который Вы представляете?», за 2015–2020 гг., в % от числа опрошенных

Административные барьеры	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Высокие налоги	59,2	44,2	28,8	54,9	58,3	21,7
Ограничение/сложность доступа к закупкам компаний с госучастием и субъектов естественных монополий	3,3	8,6	2,2	2,8	7,1	13,0
Нестабильность российского законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность	36,5	29,4	14,7	26,9	23,1	12,1
Сложность/затянутость процедуры получения лицензий	15,7	20,1	7,1	9,2	14,9	8,1
Необходимость установления партнерских отношений с органами власти	9,5	18,0	4,1	7,6	8,5	7,5
Стандарты и требования, предъявляемые к качеству	-	-	5,8	6,5	10,6	6,0
Сложность получения доступа к земельным участкам	27,3	25,2	10,0	15,1	13,2	5,6
Коррупция (включая взятки, предоставление преференций отдельным участникам на заведомо неравных условиях)	8,4	15,8	4,9	6,7	5,9	3,1
Нет барьеров	11,6	8,0	5,6	13,1	8,8	11,1

Источник: (Состояние и развитие..., 2020).

С целью выявить отношение представителей бизнеса к состоянию конкурентной среды в РК, респондентам было предложено выразить свое согласие или несогласие с утверждением «Увеличение конкуренции на рынке оказывает положительное влияние на бизнес». В 2020 г. с данным утверждением согласились 59,1% опрошенных, выразили несогласие – 40,9%. Вместе с тем, в ряде муниципальных образований отношение бизнеса к увеличению конкуренции было отрицательным. Так, в МО МР «Койгородский» 80,0% респондентов не согласились с данным утверждением. В МО МР «Ижемский» число таких респондентов составило 76,7%, в МО ГО «Вуктыл» – 70,3%. Отрицательно относятся к увеличению конкуренции на рынке услуг и большинство респондентов МО МР «Княжпогостский» (54,4%), МО МР «Троицко-Печорский» (54,5), МО МР «Прилузский» (53,8), МО МР «Сосногорск» (52,4) и МО МР «Удорский» (51,9).

Для оценки состояния конкуренции респондентам было предложено выбрать утверждение, наиболее точно характеризующее условия ведения бизнеса, который они представляли. Утверждению «нам нет необходимости реализовывать какие-либо меры по повышению конкурентоспособности нашей продукции, работ, услуг (снижение цен, повышение качества, развитие сопутствующих услуг, иное)» соответствовало определение «нет конкуренции». В 2020 г. этот вариант ответа был первым в ранжированном ряду, его выбрали 18,9% опрошенных (в 2015 г. – 5,5%, 2018 г. – 9,9%). За 2015–2020 гг. число субъектов предпринимательской деятельности, считающих, что конкуренции нет, увеличилось на 13,4% (рис. 6.3.1).

На слабую конкуренцию указали 17,8% респондентов (в 2015 г. – 9,9%, 2018 г. – 12,9%). Такая тенденция прослеживается из года в год. Отметим умеренную конкуренцию в бизнесе 18,7% (в 2015 г. – 32,1%, 2018 г. – 32,5%), где за шесть лет уменьшение составило 13,4%, высокую и очень высокую – 15,6% (в 2015 г. – 40,2%, 2018 г. – 33,8%). Эти показатели за обозначенный период также резко снизились на 24,6%, что указывает на значительное снижение конкурентной среды в РК.

Рисунок 6.3.1 – Динамика оценок состояния конкуренции представителями бизнеса 2015–2020 гг., в % от числа опрошенных

Источник: (Состояние и развитие..., 2020).

В последние три года для большинства субъектов предпринимательской деятельности число конкурентов остается стабильным. В зависимости от места регистрации бизнеса так считали представители хозяйствующих субъектов МО МР «Печора» (86,7%), МО МР «Усть-Куломский» (74,1%) (табличные данные не приводятся). В то же время в ряде муниципальных образований Республики Коми большинство респондентов заявили об увеличении числа конкурентов: в МО МР «Усть-Цилемский» (58,3%), в МО ГО «Сыктывкар» (41,3%). В МО МР «Сысольский» предприниматели отмечали, в основном, сокращение числа основных конкурентов (21,9%). В разрезе муниципальных образований наличие большого числа конкурентов отмечали респонденты, зарегистрировавшие свой бизнес в МО МР «Корткеросский» (39,1%) и МО ГО «Сыктывкар» (37,0%), от четырех до восьми конкурентов – в МО МР «Усть-Цилемский» (41,7%). Об отсутствии основных конкурентов заявили предприниматели в МО МР «Удорский» (46,3%), МО ГО «Инта» (37,5%) и МО МР «Троицко-Печорский» (36,4%). Кроме этого, наиболее популярной мерой по развитию бизнеса является приобретение технического оборудования. Этой мерой в течение последних трех лет воспользовались 61,6% опрошенных. В

фокусе социологического исследования были также образовательные направления.

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости, в первую очередь, снижения налоговой и административной нагрузки на бизнес, а также грамотного совершенствования законодательства. Согласно опросу, предприниматели наблюдают стремление власти к сокращению барьерного управления через принятие Правительством РФ концептуального подхода к "безбарьерному" регулированию. Однако в настоящее время органы государственной власти, городских округов и муниципального управления вменяют бизнесу большое количество платных услуг в процессе хозяйственной деятельности, что отражается на повышении стоимости производимой продукции, работ, услуг, снижении ее конкурентоспособности (*О мерах по устранению...*). Несмотря на тенденцию уменьшения оцениваемого уровня интенсивности конкуренции в РК в последние годы, все опрошенные предприниматели региона продолжают применять меры по развитию своего бизнеса. Среди таких мер наиболее популярными являются приобретение технического оборудования, обучение и переподготовка персонала.

Рынок медицинских услуг. Создание условий для формирования конкурентной среды, становления и развития конкурентоспособности медицинских услуг – это эффективный инструмент на пути качественного изменения отрасли здравоохранения (*Информация о текущих..., 2021*).

По состоянию на 1 января 2021 г. доля медицинских организаций частного здравоохранения, участвующих в реализации территориальных программ ОМС, составляла 3,1%, что ниже целевого показателя (5%). Доля средств, направленных медицинским организациям частной системы здравоохранения на оказание медицинской помощи в рамках территориальной программы обязательного медицинского страхования, в 2017 г. была равна 3,2%; 2018 г. – 3,3%; 2019 г. – 3,4%, т.е. являлась стабильной, несмотря на изменение количества медицинских организаций, участвующих в территориальной программе обязательного медицинского страхования: в 2017 г. – 27 ед., 2018 г. – 26 ед., 2019 г. – 29 ед. Доля средств, направленных в отчетном периоде медицинским организациям частной системы здравоохранения на оказание медицинской помощи в рамках территориальной программы обязательного медицинского страхования в 2022 г. должна составить, по оценкам, 10%. Ответственным исполнителем данного рынка является Министерство здравоохранения РК.

Следует отметить, что население республики ежегодно убывает, соответственно объемы оказания медицинской помощи и финансирования будут сокращаться. Кроме того, территориальные особенности республики предполагают проживание населения в труднодоступных, отдаленных

местностях, которые не являются конкурентно-привлекательными для медицинских организаций частной системы здравоохранения.

Медицинские организации любой предусмотренной законодательством РФ организационно-правовой формы, в том числе частной, в соответствии с Федеральным законом имеют право на осуществление медицинской деятельности и включение в реестр медицинских организаций, осуществляющих деятельность в сфере обязательного медицинского страхования (*Об обязательном медицинском..., 2010*). Фонд не вправе отказать медицинской организации во включении в реестр.

В реестр страховых медицинских организаций РК на 2021 г. включены 2 компании: Общество с ограниченной ответственностью «Капитал Медицинское страхование» в РК с численностью прикрепленного населения 425 тыс. чел. и Акционерное общество Страховая компания "СОГАЗ-Мед" с численностью прикрепленного населения 414,3 тыс. человек. Всего данными страховыми компаниями застрахованы 840,2 тыс. чел., проживающих в Республике Коми. Остальные пять негосударственных медицинских организаций обслуживают 32,5 тыс. человек (табл. 6.3.2).

Таблица 6.3.2 – Число страховых медицинских организаций Республики Коми в 2021 г., ед.

Количество медицинских организаций всего	Количество частных МО		
	Открытое акционерное общество	Общество с ограниченной ответственностью	Негосударственные учреждения здравоохранения
78	1	24	4

Источник: Расчеты автора по данным государственного бюджетного учреждения «Территориальный фонд обязательного медицинского страхования по Республике Коми».

За 2019–2020 гг. численность застрахованных лиц уменьшилась на 39,3 тыс. чел., из них 1,5 тыс. чел. – прикрепленных к негосударственным медицинским организациям. Доля прикрепленного населения Республики Коми к негосударственным медицинским организациям в общем числе застрахованных лиц за данный период осталась неизменной и составила 3,9%. Данная ситуация вызвана демографической ситуацией, миграционными процессами в регионе и реализацией ограничительных мер в связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19. Отсюда, снизились и объёмы оказания медицинской помощи, а также финансирование медицинских организаций частной системы здравоохранения (табл. 6.3.3).

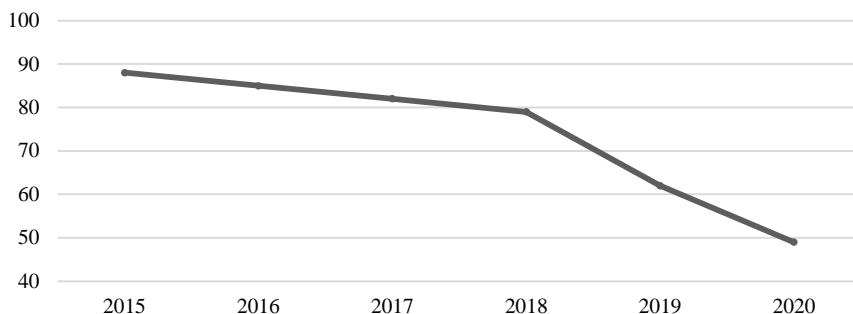
Таблица 6.3.3 – Численность прикрепленного населения Республики Коми к негосударственным медицинским организациям по состоянию на 1.01.2021 гг., тыс. чел.

Наименование негосударственных МО	Сыктывкарский филиал ОАО "Страховая компания "СОГАЗ-Мед"	Филиал ООО "Капитал Медицинское страхование" в Республике Коми	Всего
Всего прикрепленного населения:	414,3	425,9	840,2
Открытое акционерное общество «Монди Сыктывкарский ЛПК»	6,5	5,9	6548
Общество с ограниченной ответственностью «РГС-МЕД»	4,3	8,3	1,2
Негосударственное учреждение здравоохранения «Узловая поликлиника на станции Печора открытого акционерного общества "Российские железные дороги"»	2,3	4,5	7,5
Негосударственное учреждение здравоохранения «Отделенческая больница на станции Сосногорск открытого акционерного общества "Российские железные дороги"»	6,7	1,4	8,1
Негосударственное учреждение здравоохранения «Узловая больница на станции Микунь открытого акционерного общества "Российские железные дороги"»	2,4	6,8	9,1

Источник: Расчеты автора по данным государственного бюджетного учреждения «Территориальный фонд обязательного медицинского страхования по Республике Коми».

За 2015–2020 гг. количество государственных учреждений здравоохранения, входящих в номенклатуру медицинских организаций, сократилось на 55,7% (с 88 учреждений до 49), а негосударственных медицинских организаций – увеличилось с 31,1% в 2018 г. до 37,1% в 2021 г., что превысило целевой показатель на 27,1% (рис. 6.3.2).

Ежегодное увеличение количества медицинских организаций с негосударственной формой собственности в системе обязательного медицинского страхования связано с расширением состава тарифа – включением всех текущих расходов на оказание медицинской помощи.

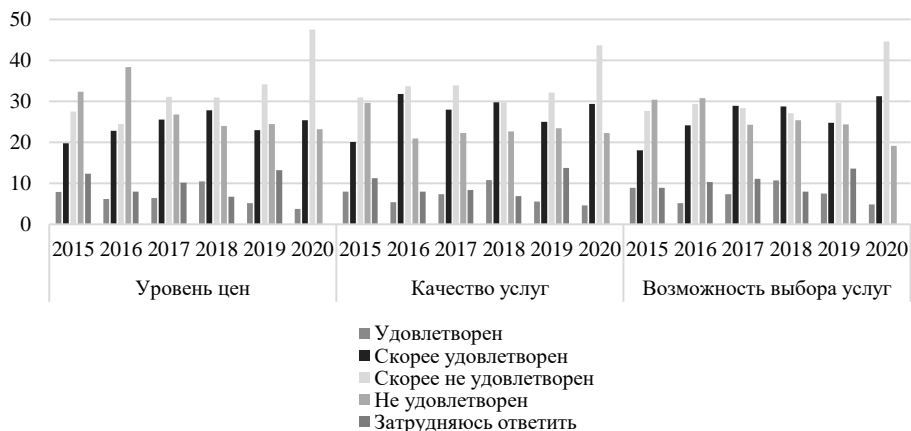

Рисунок 6.3.2 – Государственные учреждения здравоохранения, входящие в номенклатуру медицинских организаций

Источник: расчеты автора, (*Основные показатели здоровья..., 2020*).

Целевой индикатор удовлетворенности населения качеством медицинских услуг составляет не менее 44%. В 2020 г. 47,5% населения отметили, что «скорее не удовлетворены» уровнем цен медицинских услуг (рис. 6.3.3). Это самый высокий показатель, начиная с 2015 г. (27,5%), где разница отрицательных ответов составила 20%. Однако стоит отметить, что за данный период количество респондентов, отметивших неудовлетворенность ценовой конкуренцией, сократилась на 9,2% и составила 23,2%, а число удовлетворенных потребителей медицинских услуг уменьшилось на половину (3,5%).

За период 2015–2020 гг. количество граждан, выбравших показатели «удовлетворен» и «скорее удовлетворен» качеством медицинских услуг, увеличилось на 5,9% (с 28,1% до 34,0%), но значительно снизилось по сравнению с 2018 г. (40,6%). Наибольшее количество населения выделили графу «скорее не удовлетворен» услугами (43,7%), что на 12,7% больше уровня 2015 г., и на 13,9% – уровня 2018 г. В 2020 г. число не удовлетворенных граждан сократилось на 7,3% по сравнению с 2015 г. За исследуемый отрезок времени этот показатель почти не претерпел изменений.

Рисунок 6.3.3 – Удовлетворенность респондентов характеристиками сферы медицинских услуг, в % от числа опрошенных

Источники: (Состояние и развитие..., 2020).

Возможностью выбора медицинских услуг удовлетворены и скорее удовлетворены в среднем 36,2% респондентов (в 2015 г. – 27,0%, 2018 г. – 38,7%). В 2020 г. значительное количество потребителей медицинских услуг (44,6%) отметили, что скорее не удовлетворены данным показателем. По сравнению с 2015 г., их число увеличилось на 16,9%, при этом число неудовлетворенных снизилось на 11,2%.

В разрезе городов и районов РК распределение ответов на вопрос «Насколько вы удовлетворены уровнем цен, качеством услуг и возможностью выбора медицинских услуг вашего района (города)?» соответствовали следующие баллы: 0 – затрудняюсь ответить, 1 – не удовлетворен, 2 – скорее не удовлетворен, 3 – скорее удовлетворен, 4 – удовлетворен. В 2020 г. на вопрос «Какое количество организаций предоставляют медицинские услуги в вашем районе (городе)?» более половины респондентов (54,2%) дали ответы «мало» и «нет совсем» (в 2015 г. – 61,1%, 2018 г. – 44,7%). Таким образом, за период 2015–2020 гг. число ответивших подобным образом сократилось на 6,9% (табл. 6.3.4).

Таблица 6.3.4 – Распределение ответов на вопрос: «Какое количество организаций предоставляют медицинские услуги в вашем районе (городе)?», в % от числа опрошенных

Годы	Много	Достаточно	Мало	Нет совсем	Не ответили	Итого
2015	2,4	35,7	50,7	10,4	0,8	100,0
2016	8,0	37,9	48,4	5,3	0,4	100,0
2017	3,4	44,1	42,8	3,6	6,0	100,0
2018	11,7	38,4	40,1	4,6	5,1	100,0
2019	6,3	30,0	36,5	14,3	12,8	100,0
2020	6,8	32,8	47,4	6,8	6,2	100,0

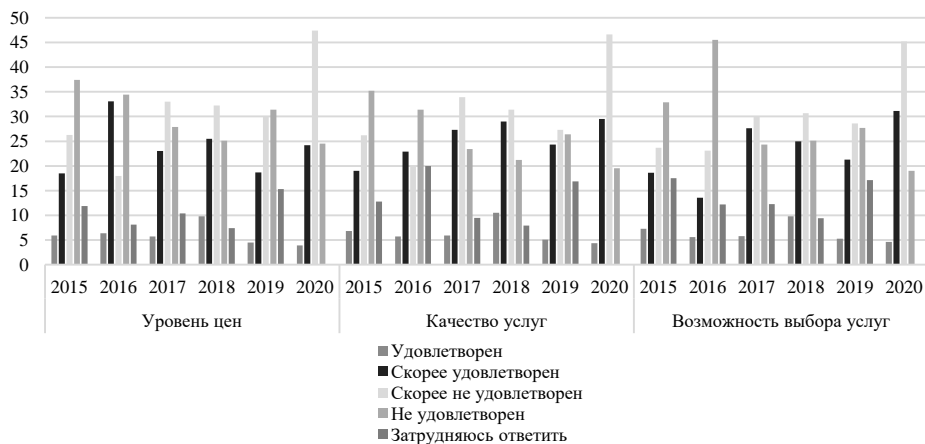
Источники: (Состояние и развитие..., 2020).

Таким образом, в ходе опроса выявлено, что установленные целевые индикаторы удовлетворенности населения качеством медицинских услуг не достигнуты и на 2020 г. составили 34%, что на 6,6% ниже 2018 г. (40,6%). В целом по РК уровню цен соответствовал средний бал 2,1, а качеству услуг – 2,2, по возможности выбора услуг – 2,2, что говорит о том, что жители региона в целом «скорее не удовлетворены» медицинскими услугами по каждому из представленных показателей. Тенденция по снижению удовлетворенности потребителей ценовой конкуренцией, качеством и возможностью выбора услуг на рынке медицинских услуг РК объясняется распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19. В целом по массиву за исследуемый период времени жители республики устойчиво ощущают недостаток предложений в сфере медицинских услуг.

Рынок услуг в сфере жилищно-коммунального хозяйства Республики Коми. В Республике Коми обслуживают и управляют жилым фондом 177 управляющих компаний и 161 товарищество собственников жилья, всего – 378 организаций. Жилой фонд составляет 6,7 тыс. домов площадью 1,6 млрд кв. м. Управляющие компании обслуживают от 437 ед. домов (УК «Ухтажилфонд») до одного дома (УК «Коммунрезерв», п. Воргашор). В уставном капитале всех организаций коммунального комплекса РК объекты коммунальной инфраструктуры на праве частной собственности, по договору аренды или концессии составляют не более 25%. Основной проблемой при эксплуатации объектов коммунальной инфраструктуры является значительная степень их износа. Отсутствие в отдельных населенных пунктах центрального холодного и горячего водоснабжения, а также газификации негативно влияют на качество проживания и требуют больших бюджетных вложений.

В соответствии с Жилищным кодексом РФ (от 29.12 2004 № 188-ФЗ) существуют три способа исполнения обязательств собственниками помещений по управлению общим имуществом: непосредственное управление, управление через товарищество собственников жилья и управление через управляющую организацию. В третьей главе Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ

«Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» вопросы жилищно-коммунального хозяйства относятся к ведению местного самоуправления и являются приоритетом государственной политики в этой сфере услуг. Отсюда, главным оценочным показателем конкурентоспособности регионов является доля полезного отпуска государственных и муниципальных унитарных предприятий к общему полезному отпуску в конкретном субъекте РФ. Если ресурсоснабжением занимаются частные, а не государственные (ГУПы) или муниципальные предприятия (МУПы), то можно считать, что конкуренция в регионе развивается. В соответствии с Указом Президента РФ «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» (№ 618 от 21 декабря 2017 г.), в 2019 г. установлена цель, состоящая в том, чтобы ГУПы и МУПы предоставляли не более 20% жилищно-коммунальных услуг в регионе. В 2020 г. планировалось сократить целевой показатель до 10%. Доля организаций частной формы собственности в сфере выполнения работ по содержанию и текущему ремонту общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме по состоянию на 1 января 2021 г. составляет 97%. Рассмотрим удовлетворенность респондентов характеристиками рынка услуг жилищно-коммунального хозяйства (рис. 6.3.4).

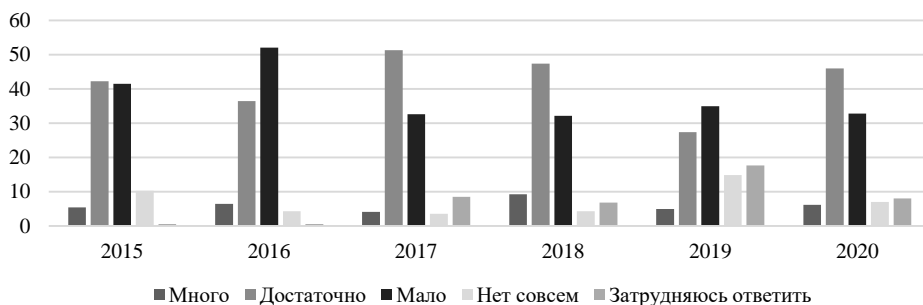
Рисунок 6.3.4 – Удовлетворенность респондентов характеристиками рынка услуг жилищно-коммунального хозяйства РК, в % от числа опрошенных.

Источники: (Состояние и развитие..., 2020).

В 2020 г. «удовлетворен» и «скорее удовлетворен» уровнем цен отметили 28,1% опрошенных (2015 г. – 24,4%, 2018 г. – 35,3) (рис. 6.3.5). По сравнению с 2018 г. данный показатель уменьшился на 7,2%. Выбрали

варианты ответов «скорее не удовлетворен» и «не удовлетворен» в сумме отметили 71,9% опрошенных (в 2015 г. – 52,4%, в 2018 г. – 57,3). За исследуемый период данный показатель непрерывно растет. Варианты ответов «удовлетворен» и «скорее удовлетворен» качеством услуг в сумме отметили 33,9% потребителей рынка услуг жилищно-коммунального хозяйства (в 2015 г. – 25,8%, в 2018 г. – 39,5). Дали оценки скорее не удовлетворительную и неудовлетворительную 66,1% респондентов (в 2015 г. – 61,4%, в 2018 г. – 52,6%). Возможность выбора услуг удовлетворяет и скорее удовлетворяет 35,7% опрошенных (в 2015 г. – 25,9%, в 2018 г. – 34,8%), то есть показатель практически остался на уровне 2018 г. Состояние рынка услуг жилищно-коммунального хозяйства скорее не удовлетворяет и не удовлетворяет вовсе 64,2% опрошенных (в 2015 г. – 56,6%, в 2018 г. – 55,8%). Таким образом, за 2015-2020 гг. показатель качества услуг упал на 4,7%, и повышения качества услуг не произошло.

Рисунок 6.3.5 – Распределение ответов на вопрос «Какое количество организаций предоставляют услуги жилищно-коммунального хозяйства в вашем районе (городе)?» в РК, в % от числа опрошенных

В разрезе городов и районов республики средний балл по уровню цен составил 2,1, по качеству услуг – 2,2 балла и выбору услуг – 2,2 балла, что говорит о том, что потребители рынка жилищно-коммунального хозяйства «скорее не удовлетворены» уровнем цен, качеством услуг и возможностью выбора услуг.

Контроль в таких отраслях жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) как теплоснабжение, водоснабжение и водоотведение осуществляет Федеральная антимонопольная служба России. Она принимает меры по предупреждению и пресечению нарушений антимонопольного законодательства хозяйствующими субъектами и органами власти.

Далее мы рассмотрим конкурентоспособность северных регионов в жилищно-коммунальной сфере на основе таких показателей, как поставка коммунальных ресурсов – холодное водоснабжение, теплоснабжение и водоотведение в динамике с 2016 по 2019 гг.

Рынок услуг в сфере жилищно-коммунального хозяйства северных регионов. Специфика систем водоснабжения и водоотведения в условиях Крайнего Севера, где часть территорий находится за Северным полярным кругом, напрямую связана с климатическими рисками. Это дороговизна и дефицит электроэнергии, низкая кадровая обеспеченность, неустойчивые транспортные связи, особый характер производства и застройка поселений, мощность предприятий, сложные условия водоотведения с целью предохранения сетей от промерзания, сезонные особенности режима источников водоснабжения, самобытный уклад жизни и низкая плотность населения. В связи с этим уровень конкурентоспособности от региона к региону различен и имеет объективные причины.

В нормативном рейтинге самые высокие целевые показатели конкуренции в сфере холодного водоснабжения в 2019 г. выявлены в таких регионах Севера, как Ямало-Ненецкий АО (0,7%), Архангельская область (4,5), Республика Саха (8,5), Республика Карелия (10,8), Республика Коми (12,9), Мурманская область (19,3) (табл. 6.3.5). В данных северных регионах доля полезного отпуска государственных и муниципальных унитарных предприятий к общему полезному отпуску в конкретном субъекте составила не более 20%, что соответствует целевым установкам развития конкуренции. С другой стороны, очень низкая конкурентоспособность зафиксирована в Камчатском крае (89,4%), Магаданской (86,1) и Сахалинской (78,1) областях, Ханты-Мансийском (56,7), Чукотском (55,6) и Ненецком (42,3) автономных округах, где плотность населения колеблется от 1 до 7 чел. на квадратный километр. В данных регионах доля государственных и муниципальных унитарных предприятий составила от 43 до 90%.

Таблица 6.3.5 – Развитие конкуренции в холодном водоснабжении по регионам Севера России, за 2016–2019 гг., %

Регионы	Доля полезного отпуска ГУП/МУП по отношению к общему полезному отпуску в субъекте РФ, %				Изменение показателя за 2016–2019 гг., п.п.
	2016	2017	2018	2019	
Республика Карелия	11,8	11,4	11,2	10,8	-1,0
Республика Коми	13,6	13,3	12,8	12,9	-0,6
Архангельская область	20,0	19,6	18,6	4,4	-15,6
Ненецкий АО	37,8	38,5	37,5	42,3	4,5
Мурманская область	79,7	33,9	34,3	19,3	-60,4
Ханты-Мансийский АО	61,6	59,0	58,3	56,7	-4,9
Ямало-Ненецкий АО	0,8	0,7	0,7	0,7	-0,1
Республика Саха (Якутия)	11,1	8,7	7,7	8,5	-2,6
Камчатский край	52,2	87,7	87,2	89,4	37,2

Продолжение таблицы 6.3.5

Регионы	Доля полезного отпуска ГУП/МУП по отношению к общему полезному отпуску в субъекте РФ, %				Изменение показателя за 2016–2019 гг., п.п.
	2016	2017	2018	2019	
Магаданская область	79,7	79,5	78,1	86,1	6,4
Сахалинская область	67,4	77,6	76,3	78,1	10,6
Чукотский АО	24,00	24,7	47,5	55,6	31,6

Источник: Расчеты автора по данным Федеральной антимонопольной службы РФ

В целом за 2016–2019 гг. развитие конкуренции в холодном водоснабжении по регионам Севера России происходило неравномерно и скачкообразно (рис. 6.3.6). Наибольшие количественные изменения в сторону целевых установок были достигнуты в Мурманской (60,4%) и Архангельской (15,5) областях. Значительно превышен пороговый целевой показатель в сторону государственных и муниципальных предприятий в Камчатском крае (37,1), Чукотском АО (31,6) и Сахалинской области (10,6), причём такая тенденция наблюдается в течение всего вышеобозначенного периода. Низкая конкурентоспособность отмечается также в Магаданской области и Ненецком АО.

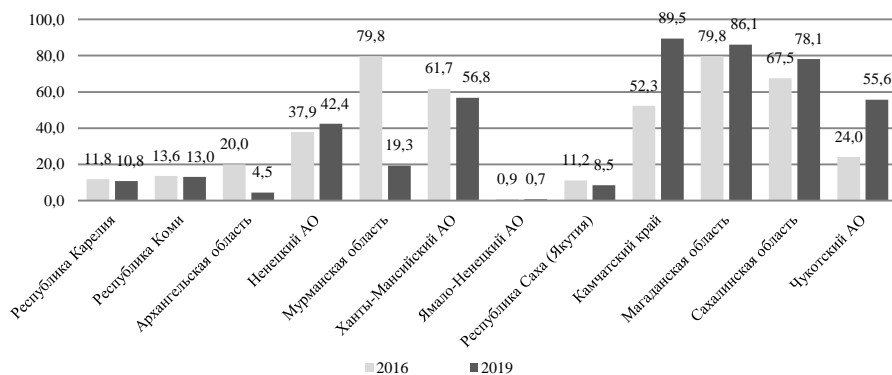

Рисунок 6.3.6 – Изменение показателя развития конкуренции в холодном водоснабжении по регионам Севера России, за 2016–2019 гг., %

Лидерами конкуренции в сфере водоотведения стали Ямало-Ненецкий АО (0,6%), Республика Карелия (7,0), Республика Саха (7,7), Республика Коми (9,3) и Архангельская область (11,3).

По данным Федеральной антимонопольной службы России, крайне низкие показатели конкуренции в сфере водоотведения зафиксированы в Чукотском (94,9%), Ханты-Мансийском (60,8) и Ненецком (90,5) автономных округах, в Камчатском крае (88,7), а также в Магаданской (88,0), Сахалинской (81,8) и Мурманской (51,9) областях (табл. 6.3.6).

Таблица 6.3.6 – Развитие конкуренции в водоотведении по регионам Севера России, за 2016–2019 гг., %

Регионы	Доля полезного отпуска ГУП/МУП по отношению к общему полезному отпуску в субъекте РФ, %				Изменение показателя за 2016–2019 гг., п.п.
	2016	2017	2018	2019	
Республика Карелия	8,0	7,3	7,1	7,0	-1,1
Республика Коми	9,8	10,7	9,8	9,4	-0,4
Архангельская область	21,0	21,6	21,9	11,3	-9,7
Ненецкий АО	90,2	90,7	90,0	90,5	0,3
Мурманская область	53,7	54,0	51,2	51,9	-1,7
Ханты-Мансийский АО	60,1	59,6	59,8	60,8	0,7
Ямало-Ненецкий АО	0,7	0,7	0,6	0,6	-0,0
Республика Саха (Якутия)	7,5	7,5	8,3	7,7	0,2
Камчатский край	62,9	81,1	80,1	88,7	25,7
Магаданская область	76,5	76,6	75,7	88,0	11,4
Сахалинская область	71,0	82,5	80,9	81,8	10,8
Чукотский АО	92,2	91,9	95,2	94,9	2,7

Источник: Расчеты автора по данным Федеральной антимонопольной службы РФ.

Доля отпуска предприятиями ГУП/МУП за 2016–2019 гг. в водоотведении увеличилась, и конкуренция снизилась в Камчатском крае (25,7%), Магаданской (11,4) и Сахалинской (10,8) областях (рис. 6.3.7). С другой стороны, конкуренция увеличилась, и целевой показатель был достигнут в Архангельской области, так как здесь участие государственных структур в поставке коммунального ресурса снизилось в два раза – с 21,0 до 11,4%.

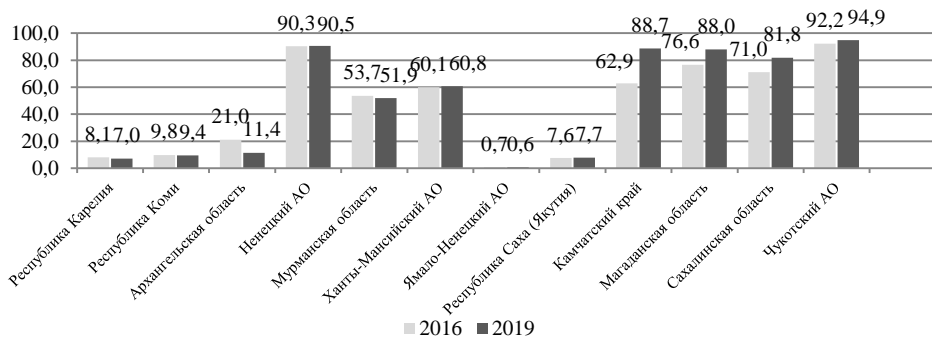

Рисунок 6.3.7 – Изменение показателя развития конкуренции в водоотведении по регионам Севера России, за 2016–2019 гг., %*

В 2019 г. доля наименьшего полезного отпуска государственных и муниципальных унитарных предприятий, занимающихся *теплоснабжением*, наблюдалась в Ямало-Ненецком АО (0,7%), Камчатском крае (2,2),

Архангельской области (2,8), Республике Карелия (5,4), Мурманской (7,2) и Магаданской (15,8) областях, Республике Коми (17,0) и Сахалинской области (19,5). Эти регионы достигли целевого показателя конкурентоспособности (табл. 6.3.7). Крайне низкая конкуренция в сфере теплоснабжения зафиксирована в Ненецком (81,7%), Чукотском (49,7) и Ханты-Мансийском (33,2) автономных округах, а также в Республике Саха (27,2).

Таблица 6.3.7 – Развитие конкуренции в теплоснабжении по регионам Севера России, за 2016–2019 гг., %

Регионы	Доля полезного отпуска ГУП/МУП по отношению к общему полезному отпуску в субъекте РФ, %				Изменение показателя за 2016–2019 гг., п.п.
	2016	2017	2018	2019	
Республика Карелия	2,6	2,6	4,3	5,4	2,9
Республика Коми	6,0	8,6	12,3	17,0	11,1
Архангельская область	4,7	4,5	4,5	2,8	-1,9
Ненецкий АО	80,7	82,8	83,6	81,7	1,1
Мурманская область	30,9	31,6	33,5	7,2	-23,7
Ханты-Мансийский АО	33,2	32,7	32,5	33,2	0,00
Ямало-Ненецкий АО	1,1	0,7	0,7	0,7	-0,3
Республика Саха (Якутия)	26,8	31,6	24,6	27,2	0,4
Камчатский край	3,2	1,9	3,01	2,2	-1,0
Магаданская область	14,6	14,6	12,4	15,8	1,2
Сахалинская область	25,5	19,4	19,7	19,5	-6,0
Чукотский АО	49,5	49,5	49,7	49,7	0,2

Источник: Расчеты автора по данным Федеральной антимонопольной службы РФ.

За период 2016 – 2019 гг. развитие конкуренции в теплоснабжении по регионам Севера России происходило более равномерно практически по всем регионам (рис. 6.3.8). Наибольший скачок в сторону целевых показателей произошел в Мурманской (-23,7%) и Сахалинской (-6,0%) областях. Такая ситуация вызвана тем, что в малых населенных пунктах часто наблюдается высокий износ объектов водоснабжения и теплоснабжения, с помощью которых поставляются коммунальные ресурсы.

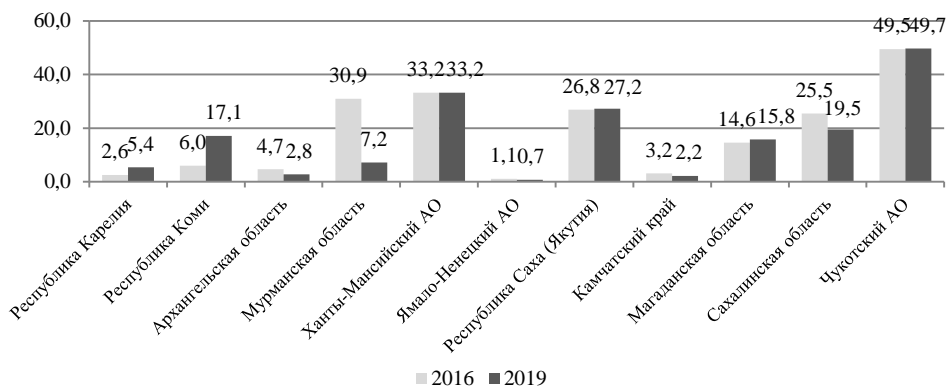

Рисунок 6.3.8 – Изменение показателя развития конкуренции в теплоснабжении по регионам Севера России, за 2016–2019 гг., %

У администрации муниципальных образований нет бюджетной возможности самостоятельно обновлять объекты жилищно-коммунального хозяйства или строить новые, а включение капитальных затрат в тариф приведет к их сильному росту, что недопустимо. Закон о концессионных соглашениях предусматривает способы, позволяющие распределить расходы между собственником государственного имущества и частным инвестором (*О концессионных соглашениях...*, 2005). В такой ситуации инвестировать в отрасль не выгодно. Отсюда управлять и эксплуатировать объекты хочет всё меньшее число компаний. Несмотря на выстроенную законодательную систему концессионных отношений между органами публичной власти и инвесторами, её широкое применение осложняется наличием высоких рисков как для концедента, так и для концессионера. По оценкам экспертов, сложившаяся ситуация привела к тому, что только 3% концессионных проектов может быть реализовано без государственной поддержки, 10% – с поддержкой в виде повышения процентной ставки Центрального банка Российской Федерации на 4%, 14% – посредством субсидирования процентной ставки, а 73% – не могут быть реализованы без государственной помощи вовсе (*Актуальные вопросы модернизации...*, 2019).

Итак, целесообразным представляется рассмотреть вопрос о внесении изменений в Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» в части расширения в отрасли водоснабжения и водоотведения различных способов управления имуществом водохозяйственного комплекса посредством применения форм государственно-частного партнёрства.

Таким образом, в целом по итогам проведенного исследования выявлено, что основная проблема при эксплуатации объектов коммунальной

инфраструктуры состоит в значительной степени износа основных фондов. Отсутствие в отдельных населенных пунктах центрального холодного и горячего водоснабжения, а также газификации негативно влияет на качество проживания в них и требует больших бюджетных вложений. В такой ситуации инвестировать в отрасль невыгодно, отсюда управлять и эксплуатировать объекты желает всё меньшее число компаний. Это влияет на кадровую обеспеченность, непостоянство транспортных связей, сложный характер производства, сезонные особенности, самобытный уклад жизни и во многом обуславливает низкую плотность населения. В связи с этим уровень конкурентоспособности от региона к региону различен, и это имеет объективные причины.

ГЛАВА 7. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ УЛУЧШЕНИЯ ЭКОЛОГИИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ

7.1 Актуальность и критерии оценки состояния экологии на Севере

Экологический аспект состояния социально-экономической системы регионального уровня является важным критерием при определении конкурентных преимуществ территории. Практика показывает, что приоритетное внимание со стороны органов государственной власти к решению вопросов охраны окружающей природной среды содействует росту инвестиционной привлекательности региона и увеличению численности населения в средне- и долгосрочной перспективах. Выше было установлено, что наиболее успешные «ресурсные» регионы Севера уделяют недостаточно внимания сфере экологии в целом и, в частности, внедрению инноваций в данной сфере. Это обуславливает оценку текущего состояния сферы экологии северных регионов России и определение перспектив развития с учетом наметившихся тенденций.

Как отмечают специалисты и эксперты РФ в области промышленной экологии, любые проекты и проблемы, связанные с экологическими вопросами, сегодня основываются на экономических и финансовых расчетах, на вопросах финансирования экологических и производственных проектов, без анализа которых затруднительно принимать решение о выгодности размещения и реализации проекта в том или ином регионе страны, о выборе способа оплаты кредитных или долговых обязательств соответствующими бюджетными деньгами и иными финансовыми средствами, «зелеными» ценными бумагами, в том числе «зелеными» облигациями.

Например, на охрану объектов растительного и животного мира и среды их обитания из консолидированного бюджета Республики Коми ежегодно к 2020 г. выделялось около 80 млн. руб., а использовалось чуть более 77 млн. руб. Это можно сопоставить с данными плана мероприятий по диверсификации экономики Коми на 2021 – 2026 гг. Предложенный план по 50 важнейшим инвестпроектам предполагал приток только одних инвестиций в объёме около 150 млрд. руб. Но в 2022 г. осенью объём инвестиций по плану составлял всего 17,8 млрд. руб. Годичные затраты республиканского бюджета РК на охрану окружающей среды (ООС) к данному показателю исполнения плана достигли 0,51%, а затраты на охрану объектов растительного и животного мира были ещё меньше – 0,43%.

В итоге реальная промышленная часть оказывается в стабильном состоянии, а для реальной экологической и природоохранной части присущи характерные для большинства регионов РФ особенности, связанные с высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха в городах, со сбором, утилизацией и переработкой бытовых и промышленных отходов, загрязнением поверхностных и подземных вод и обеспечением населения

качественной питьевой водой, неудовлетворительным состоянием очистных сооружений в сфере жилищно-коммунального хозяйства, сохранением плодородия почв и предотвращением загрязнения земель. Поэтому ведущие экономисты предлагают новые подходы к анализу экосистем, которые в их понимании предстают в виде закономерного расширения организаций, предприятий, хозяйственных систем в институциональных понятийных системах или как различные формы реальной экономической деятельности. В ЦЭМИ РАН уже сегодня проводится анализ российского пространственного ландшафтного рынка экосистем. Анализируются, обобщаются, исследуются факторы экспансии, доминирования экосистем и их трансформации в мегаэкосистемы для максимально эффективного использования потенциала экосистем в экономике (*Валдайцев, 1984*). Несколько иные подходы к анализу предложены на основе использования статистики регионов России.

Показатели состояния экологии. Для оценки состояния окружающей природной среды использовалась система из 6 показателей: 1) количество уловленных (обезвреженных) загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников; 2) выбросы в атмосферу загрязняющих веществ; 3) использование свежей воды; 4) объём оборотного и последовательного использования воды; 5) сброс загрязнённых сточных вод в поверхностные водные объекты; 6) объёмы лесовосстановления.

Первый показатель – «количество уловленных (обезвреженных) загрязняющих атмосферу веществ» – включает все виды загрязнителей, уловленных (обезвреженных) на пылеулавливающих (газоочистных) установках из общего их объёма, отходящего от стационарных источников. Под стационарными источниками загрязнения атмосферы понимаются неподвижные технологические агрегаты (установки, устройства, аппараты и т.д.), выделяющие в процессе своей эксплуатации загрязняющие вещества. К ним также относятся другие объекты (терриконы, резервуары и т.п.).

Второй показатель – «выбросы в атмосферу загрязняющих веществ» – отражает поступление в атмосферный воздух загрязняющих веществ (оказывающих неблагоприятное воздействие на здоровье населения и окружающую среду), отходящих от стационарных источников выбросов. Статистикой обычно учитываются все загрязнители, поступающие в атмосферный воздух, как после прохождения пылегазоочистных установок (в результате неполного улавливания и очистки) на организованных источниках загрязнения, так и без очистки от организованных и неорганизованных источников загрязнения. Учет выбросов загрязняющих атмосферу веществ ведётся как по их агрегатному состоянию (твёрдые, газообразные, жидкие), так и по отдельным веществам (ингредиентам).

Третий показатель – «использование свежей воды» – определяется согласно информации о водных ресурсах, приведённый по данным Федерального агентства водных ресурсов.

Четвёртый показатель – «объём оборотной и последовательно используемой воды» – выражает объём экономии забора свежей воды за счет применения систем оборотного и повторного водоснабжения, включая использование сточной и коллекторно-дренажной воды. К оборотному использованию не относится расход воды в системах коммунального и производственного теплоснабжения.

Пятый показатель – «сброс загрязненных сточных вод» – фиксирует только производственные и бытовые (коммунальные) стоки, сброшенные в поверхностные водные объекты без очистки (или после недостаточной очистки) и содержащие загрязняющие вещества в количествах, превышающих утвержденный предельно допустимый сброс. В отчетную статистическую табличную форму не включаются коллекторно-дренажные воды, отводимые с орошаемых земель после полива, нефтяные озера в регионах Севера.

Шестой показатель – «объем лесовосстановления» – российская статистика определяет на основе проведения мероприятий по восстановлению лесов на вырубках, гарях, пустырях, прогалинах и иных бывших под лесом площадях, и по всему озеленению городов. В отчетную статистическую табличную форму, однако, включается только то лесовосстановление, которое осуществляется путем естественного, искусственного (создание лесных культур) или комбинированного восстановления лесов.

Ниже в таблицах и материалах приводятся данные о воздействии хозяйственной деятельности на окружающую среду и природные ресурсы, по которым сегодня имеется надежная официальная статистическая информация по отдельным регионам страны. Сообщаются также некоторые дополнительные сведения об охране атмосферного воздуха Севера. Информация о водных ресурсах излагается по данным Федерального агентства водных ресурсов.

При анализе и определении перспектив показатели дополнительно подразделялись на две группы: с низкой динамикой и со средней и высокой динамикой. Балансирование долевых отношений двух групп описывалось модельными уравнениями.

7.2 Оценка общего состояния экологии

Состояние окружающей природной среды во многом зависит от состояния атмосферы, выброса в нее загрязнителей, используемых технологий и процессов очистки. В табл. 7.2.1 приведены сведения об охране атмосферного воздуха. В РФ улавливание загрязняющих атмосферный воздух веществ, отходящих от стационарных источников, оценено в 59,5 млн. т в 2010 г.

и в 52,0 млн. т в 2019 г. Улавливание загрязняющих атмосферный воздух веществ, отходящих от стационарных источников регионов Севера, понизилось с 4,3 млн. т в 2010 г. до 2,7 млн. т в 2019 г. Удельный вес регионов Севера в данном показателе улавливания загрязняющих воздух веществ по РФ сократился с 7,23% в 2010 г. до 5,19% в 2019 г.

Подробный анализ процессов улавливания различных загрязняющих субстанций, отходящих от стационарно расположенных источников, показывает, что в 2000–2010 гг. доля регионов Севера в улавливании по РФ увеличилась до 6,5–7,3%. Объём улавливания загрязняющих веществ в 2010 г. находился на уровне 2000 г., а доля регионов, которая была в 2015 г. на уровне 6,34%, к 2020 г. достигла значения 5,19%.

Таблица 7.2.1 – Улавливание загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников регионов Севера, тысяч тонн

Регион	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Российская Федерация, млн. т	59,5	59,2	56,8	54,4	54,1	52,0	49,2	50,7	46,7	52,0
Регионы Севера, млн. т	4,3	3,8	3,5	3,3	3,3	3,3	3,3	3,1	1,8	2,7
Республика Карелия	140	108	93	71	80	72	92	105	81	98
Республика Коми	363	336	413	383	379	364	355	664	227	322
Архангельская область	688	656	648	570	452	441	436	417	416	380
Ненецкий АО	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Мурманская область	2225	1792	1605	1634	1804	1789	1832	1356	535	1181
Ханты-Мансийский АО	6	6	3	2	1	1	7	10	16	225
Ямало-Ненецкий АО	1	0,1	0,0	0,1	1	0,4	0,3	0,3	0,1	0,2
Республика Саха (Якутия)	403	417	433	450	430	478	479	410	378	373
Камчатский край	5	4	4	8	6	8	12	17	15	7
Магаданская область	53	45	45	45	45	46	49	49	48	45
Сахалинская область	406	398	275	107	48	39	51	50	47	30
Чукотский АО	30	29	29	30	27	30	26	26	38	23

Источник: составлено автором по (Регионы России..., 2020).

В табл. 7.2.2 содержатся данные о загрязняющем воздействии хозяйственной деятельности на окружающую среду и природные ресурсы страны и регионов. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух Российской Федерации, отходящих от стационарных источников на её территории, составили 19,1 млн. т в 2010 г. и 17,5 млн. т в 2019 г. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, в регионах Севера уменьшились с 4,9 млн. т в 2010 г. до

3,5 млн. т. Удельный вес регионов Севера в таких выбросах по РФ сократился с 25,7% в 2010 г. до 20,0% в 2019 г. Среднемесячное поступление оксидов серы в атмосферу РК было на 1-2 порядка меньше, чем в ряде стран Европы.

Проведённый анализ выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, говорит о том, что доля регионов Севера в общем выбросе по РФ в 2000 – 2010 гг. выросла до 19,4 – 28,8%. Повышение объема выброса загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников в 2010 г. по отношению к 2000 г. составило 32,4%. В 2015 г. доля регионов Севера увеличилась до 21,96%, а к 2020 г. сократилась до 20%.

Таблица 7.2.2 – Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников регионов Севера, тысяч тонн

Регион	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Российская Федерация, млн. т	19,1	19,2	19,6	18,4	17,5	17,3	17,3	17,3	17,1	17,5
Регионы Севера, млн. т	4,9	5,1	5,1	4,4	3,9	3,8	3,8	3,8	3,7	3,5
Республика Карелия	108	96	107	119	95	96	116	114	124	122
Республика Коми	595	712	688	774	707	612	569	451	488	392
Архангельская область	545	373	271	245	262	260	245	251	204	204
Ненецкий АО	282	158	69	73	86	102	87	100	73	67
Мурманская область	288	263	259	270	276	276	232	243	215	231
Ханты-Мансийский АО	2120	2353	2430	1866	1467	1388	1428	1412	1377	1270
Ямало-Ненецкий АО	886	834	980	751	580	632	749	786	742	763
Республика Саха (Якутия)	161	157	161	165	307	287	257	244	256	288
Камчатский край	37	31	34	33	23	25	29	38	41	38
Магаданская область	25	25	29	29	30	27	31	33	29	60
Сахалинская область	100	92	87	77	65	72	77	105	85	57
Чукотский АО	22	22	21	21	18	21	21	20	23	18

Источник: составлено автором по (Регионы России..., 2020).

Использование хозяйственными системами регионов Севера свежей воды отражено ниже в табл. 7.2.3. Объем использования свежей воды в РФ сократился с 59,5 млрд. куб. м в 2010 г. до 51,2 млрд. куб. м в 2019 г. В регионах Севера этот показатель увеличился с 5,3 млрд. куб. м в 2010 г. до 6,6 млрд. куб. м в 2019 г. Удельный вес регионов Севера в использовании свежей воды по РФ возрос с 8,9% в 2011 г. до 12,9% в 2019 г.

Анализ процессов использования свежей воды позволяет выяснить то, что доля регионов Севера в общем использовании свежей воды в РФ увеличилась до 7,8 – 8,6% в 2000-2009 гг., при этом снижение объёмов использования свежей воды в 2009 г. по отношению к 2000 г. составило

всего 4,9%. В 2015 г. доля регионов Севера достигла 11,43%, а к 2020 г. выросла до 12,9%.

Таблица 7.2.3 – Использование свежей воды регионами Севера,
млн. кубических метров

Регион	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Российская Федерация	59453	59544	56864	53551	55973	54576	54693	53471	52966	51163
Регионы Севера	...	5292	5162	5229	6053	6237	6868	6748	6820	6587
Республика Карелия	203	196	188	191	193	168	162	169	181	189
Республика Коми	506	495	486	456	463	486	491	485	474	462
Архангельская область	662	670	651	634	607	584	576	572	567	552
Ненецкий АО	...	30	29	33	9	14	14	15	15	16
Мурманская область	1502	1586	1472	1593	1559	1373	1393	1418	1447	1369
Ханты-Мансийский АО	1185	1439	1388	1468	2411	2819	3468	3337	3371	3250
Ямало-Ненецкий АО	235	220	223	225	218	223	213	202	178	180
Республика Саха (Якутия)	164	159	201	161	161	167	150	153	178	176
Камчатский край	165	171	173	165	160	151	152	146	148	147
Магаданская область	77	79	79	83	83	75	73	72	84	78
Сахалинская область	263	223	249	194	162	152	152	155	151	141
Чукотский АО	25	24	23	26	27	25	24	24	26	27

Источник: составлено автором по (Регионы России..., 2020).

Данные по использованию оборотной воды приведены ниже в табл. 7.2.4. Объём оборотной и последовательно используемой воды в РФ вырос с 141,2 млрд. куб. м в 2010 г. до 144,2 млрд. куб. м в 2019 г. В регионах Севера данный показатель сократился с 16,4 млрд. куб. м в 2010 г. до 14,97 млрд. куб. м в 2019 г. Удельный вес регионов Севера в последовательном и оборотном водоснабжении по РФ изменился с 11,6% в 2010 г. до 10,4% в 2019 г.

Проведенное исследование тенденций развития систем оборотного и последовательного использования воды показывает, что доля регионов Севера в последовательном и оборотном водоснабжении по РФ увеличилась до 9,9 – 11,21% в 2000–2009 гг. Повышение в 2009 г. объёма оборотной и последовательно используемой воды по отношению к 2000 г. составило 15,7%, а к 2020 г. – 6,66%, при значениях доли регионов – до 10,39%.

Таблица 7.2.4 – Объем оборотной и последовательно используемой воды регионами Севера, млн. кубических метров

Регион	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Российская Федерация	141242	141627	142314	138545	136590	138873	137893	138675	144167	144155
Регионы Севера	16421	16149	15397	15281	15119	15249	15204	14059	13812	14974
Республика Карелия	1106	1064	1018	890	978	963	1079	1046	1111	1122
Республика Коми	1403	1462	1369	1455	1497	1468	1431	845	825	1412
Архангельская область	809	813	848	837	854	841	842	910	912	866
Ненецкий АО	10	9	10	14	6	14	19	24	16	14
Мурманская область	922	1058	1103	943	904	1017	1022	1034	1054	1063
Ханты-Мансийский АО	10171	9289	8773	8694	8460	8601	8379	7818	7518	8108
Ямало-Ненецкий АО	74	79	106	336	321	309	326	296	276	338
Республика Саха (Якутия)	1064	1539	1272	1264	1251	1246	1290	1253	1300	1267
Камчатский край	10	13	12	11	10	9	15	15	11	10
Магаданская область	405	390	443	450	445	432	436	444	466	425
Сахалинская область	273	263	277	217	220	187	193	190	168	178
Чукотский АО	174	170	166	170	173	162	172	184	155	171

Источник: составлено автором по (Регионы России..., 2020).

Сведения о сбросе загрязнённых сточных вод содержатся в табл. 7.2.5. Сброс загрязнённых сточных вод в поверхностные водные объекты РФ сократился с 16,5 млрд. куб. м в 2010 г. до 12,6 млрд. куб. м в 2019 г. В регионах Севера аналогичный показатель уменьшился с 1,4 млрд. куб. м в 2010 г. до 1,3 млрд. куб. м в 2019 г. Удельный вес регионов Севера в сбросе загрязнённых сточных вод по РФ увеличился с 8,3% в 2010 г. до 10,6% в 2019 г.

Подробный анализ процессов сброса показывает, что доля регионов Севера в общем сбросе по РФ увеличилась до 8,0–8,6% в 2000–2009 гг., в 2015 г. – до 11,24%, а к 2020 г. уменьшилась до 10,60%. Понижение объёмов сброса загрязнённых сточных вод в поверхностные объекты в 2009 г. по отношению к 2000 г. составило несколько более 15,9%, и 17,64% – к 2020 г.

Таблица 7.2.5 – Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты регионов Севера, млн. кубических метров

Регион	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Российская Федерация	16516	15966	15678	15189	14768	14418	14719	13589	13136	12602
Регионы Севера	1371	1293	1291	1263	1718	1622	2019	1369	1304	1336
Республика Карелия	190	175	177	220	222	205	221	221	180	222
Республика Коми	117	129	120	106	108	117	110	262	267	269
Архангельская область	416	375	364	341	336	330	329	325	323	323
Ненецкий АО	0,3	0,2	0,1	0,1	0,0	0,0	0,4	0,3	0,4	0,1
Мурманская область	339	334	376	334	331	328	312	318	298	266
Ханты-Мансийский АО	55	39	41	78	545	463	891	86	84	85
Ямало-Ненецкий АО	44	39	34	25	22	23	32	31	29	29
Республика Саха (Якутия)	86	87	81	76	79	85	50	48	57	83
Камчатский край	46	38	32	29	26	25	23	27	27	26
Магаданская область	27	26	17	16	14	13	14	15	11	4,9
Сахалинская область	46	46	44	33	30	29	34	33	25	25
Чукотский АО	5	5	5	5	5	4	3	3,1	3,0	3,0

Источник: составлено автором по (Регионы России..., 2020).

Анализ хода процессов лесовосстановления говорит о том, что доля регионов Севера в лесовосстановлении по РФ выросла до 22,2–25,2% в 2000–2009 гг., и уменьшилась до значений 16,8–21,3% в 2015–2019 гг.

Наблюдаемый размах природоохранного дела в лесном фонде Севера явно свидетельствует, что до сих пор мало особо охраняемых природных территорий (ООПТ) размером от 1 до 4 га (Спирягин, 2021).

Данные о процессах лесовосстановления приведены ниже в табл. 7.2.6. С 2010 г. площади лесовосстановления (за год) в РФ выросли с 811,5 тыс. га до 1067,5 тыс. га в 2019 г. По сравнению с 2010 г., площади лесовосстановления в одних регионах Севера (Карелия, Коми, Архангельская область) в 2019 г. увеличились, а в других регионах (Сахалинская область, Якутия, ХМАО, ЯНАО, Мурманская область) такие площади значительно сократились. Удельный вес регионов Севера в площади лесовосстановления (за год) по РФ вырос до 22,2–25,2% в 2000–2009 гг., и уменьшился до значений 16,8–21,3% в 2015–2019 гг. Российская Федерация сегодня обладает правом объявить защищаемые участки лесного фонда зонами чрезвычайных экологических ситуаций или зонами экологического бедствия.

Таблица 7.2.6 – Лесовосстановление в регионах Севера, тыс. га

Регион	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Российская Федерация	811,5	860,0	841,7	872,3	863,0	802,9	839,9	961,8	940,4	1067,5
Регионы Севера	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Республика Карелия	23,9	19,9	19,0	17,9	16,8	16,5	17,2	19,7	21,3	28,0
Республика Коми	33,3	37,1	40,4	40,2	37,5	36,7	35,2	45,2	44,2	55,1
Архангельская область	39,4	48,5	48,8	52,7	60,7	57,6	63,5	66,7	63,8	77,0
Ненецкий АО	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Мурманская область	3,0	1,9	...	1,6	1,6	1,6	1,0	1,0	0,9	1,4
Ханты-Мансийский АО	18,3	18,2	20,9	18,1	16,1	14,7	16,7	19,4	9,1	9,3
Ямало-Ненецкий АО	4,8	1,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,8
Республика Саха (Якутия)	58,0	60,3	43,7	60,3	56,6	1,9	4,6	15,4	12,4	52,8
Камчатский край	5,2	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Магаданская область	2,6	2,6	2,8	3,0	2,5	0,4	...	...	...	...
Сахалинская область	12,7	12,5	4,6	4,7	4,9	4,7	4,1	4,5	4,9	3,0
Чукотский АО	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...

Источник: составлено автором по (Регионы России..., 2020).

Снижение размаха лесовосстановления в 2009 г. по отношению к 2000 г. составило около 6,3%, в 2015 г. – 39%, но к 2020 г. размах лесовосстановления вырос почти на 4%.

В регионах Севера имеются предложения по совершенствованию существующей сети ООПТ. Например, в Республике Коми предполагают упразднение объектов, утративших своё значение, и создание новых особо охраняемых природных территорий с учётом результатов анализа недостатков. К выводу из системы ООПТ Республики Коми предлагаются 34 объекта общей площадью 202 тыс. га: 25 болотных массива, шесть ООПТ ботанического профиля, две территории водного профиля и один ихтиологический заказник, природные комплексы которых в процессе натурной инвентаризации оценены как утратившие ценность в результате антропогенных нарушений или как исходно не обладающие ценностью для охраны. Одновременно предлагается создать до 2030 г. один национальный парк и 29 новых ООПТ, в числе часть системы из шести памятников природы и 23 заказников (12 биологических, 9 комплексных и 2 гидрологических).

На основе предварительных расчетов приведены обобщённые числовые статистические данные об общей тенденции шести основных показателей природоохранной деятельности регионов Севера за 2000–2019 гг. (табл. 7.2.7). Показатель, отражающий максимальную тенденцию в природоохранной деятельности регионов Севера и равный 115,8% в 2010 г., вырос до 125,8% в 2019 г. Показатели, отражающие минимальные тен-

денции (I и II) в такой же деятельности и равные 91,7% и 81,4% в 2010 г., изменились до 103,4% и 82,4% в 2019 г.

Таблица 7.2.7 – Краткие итоговые данные о тенденциях основных показателей природоохранной деятельности регионов Севера, в % к 2000 г.

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Максимальная	115,8	137,8	137,8	118,9	115,1	119,1	131,2	128,9	130,3	125,8
Минимальная 1	93,7	92,4	82,5	90,8	90,0	61,4	65,2	78,7	71,7	103,4
Минимальная 2	81,4	79,7	77,6	77,9	105,98	100,06	124,55	84,45	80,444	82,41
Средняя по динамике показателей	106,0	103,5	96,4	96,6	101,3	95,9	102,5	95,5	88,1	97,1
Средняя по абсолютным величинам	3647,95	3824,23	3673,22	3663,28	3849,07	3874,95	4040,15	3725,88	3683,1	3855,1
Средняя в процентах по абсолютным величинам	107,7	112,9	108,4	108,15	113,6	114,4	119,3	110,0	108,7	113,8

Источник: составлено автором по (Регионы России..., 2020).

Таким образом, из приведённых выше данных, видно, что с большим хозяйственным размахом использовались мощности систем оборотного и последовательного водоснабжения, выброса загрязняющих веществ в атмосферу, и с меньшим размахом – мощности систем по улавливанию загрязняющих атмосферу веществ, по отведению загрязненных сточных в поверхностные водоемы и по лесовосстановлению. Хозяйственное использование мощностей по потреблению свежей воды было близким к усредненной динамике по шести показателям.

Охарактеризуем изменения состояния экофакторов, процесс формирования и развития экологических составляющих в условиях устойчивости для экономик северных регионов в свете системных преобразований. Однако такие важные экологические показатели, как полугодовые прогнозы погоды гидрометслужб регионов Севера, были не точны. Апостериорная вероятность многих прогнозов ниже указанной априорной (69–72%). Следует также отметить тенденцию к росту среднегодовых температур приземного воздуха и увеличение числа аномальных погодных и иных природных явлений.

По данным Росгидромета, рост температуры приземного воздуха только за одно десятилетие в конце столетия составлял 40% к её общему приросту за всё столетие⁹. Потепление особенно интенсивно происходило

⁹ Погода. Росгидромет. URL: <https://www.meteorf.gov.ru/product/weather/> (дата обращения: 29.03.2023).

за Уралом в местах добычи углеводородного сырья и распространялось к Северу. Менялся характер сезонов, весенний период становился короче, а, следовательно, изменялись условия произрастания для флоры, для жизнедеятельности фауны, в том числе ихтиофауны, и населения.

Например, в Республике Коми в 2018 г. промышленный вылов водных биоресурсов составил 212,8 т (75,7% от общего объема по выданным разрешениям на вылов), что меньше на 17,7% по отношению к 2017 г. Основным районом промышленного рыболовства стал Печорский бассейн, здесь добывали 204,5 т (96,1% общего улова по республике). При организованном любительском рыболовстве за 2018 г. всего, по данным ведомств, добыто (выловлено) 2,4 т водных биоресурсов, что составило 87,1% от уловов 2017 г. В таких условиях природные земли и водные акватории, водоёмы, реки и озера приходится охранять с помощью дополнительных бюджетных мероприятий.

Здоровье населения уже давно рассматривается как важнейший индикатор качества жизни, большая социальная проблема, особенно в условиях неблагоприятных экологических воздействий и природно-техногенных ситуаций (ураганы, грозы, ливни, шторма, внезапные или чрезмерные осадки, наводнения, продолжительная жара, морозы, гололёд).

В муниципальных образованиях функции экологического мониторинга выполняют сегодня промышленно-санитарные и эколаборатории предприятий и организаций. Работа санитарных и экологических служб предприятий и организаций строится на основе контроля загрязнения водной среды, воздушного бассейна и земли, продуктов питания. Отбор тестовых проб воздуха и воды производится только в согласованных контролирующими организациями (инспекции и санитарно-эпидемиологическими службами, органы Минприроды и др.) местах по графику, утверждённому руководителями.

При анализе проб основное внимание отводится основным загрязнителям среды вредными веществами, а сам смысл работы служб заключается в том, чтобы по результатам анализов проб и загрязнения среды контролировать производственный выпуск и производство в целом, в локальных или региональных масштабах управлять качеством окружающей среды.

Поэтому эти службы стремятся использовать быстрые методики и методы санитарного и экоанализа производственной и муниципальной среды, поскольку от них зависят работа и реакция основной производственной технологии, что делает привлекательным для финансирования более современные и эффективные методы санитарного и эко-модельного анализа, позволяющие вести контроль и управление в непрерывном режиме времени.

Например, проводить контроль выбросов углекислого газа предприятиями и другими отдельными источниками в режиме реального времени на основе компьютерных технологий с применением спутниковых систем наблюдения и систем современной связи.

Производственный мониторинг отличается от экологического, который включает в себя различные виды мониторинга среды в их системной связи, осуществляется не на уровне отдельных предприятий и промышленной среды, а на уровне отдельных экосистем страны, региона или муниципальных образований, более сложен технически, но позволяет получить оценки состояния биосферных экосистем, обобщить результаты тенденций развития, выбросов и изменений антропогенного характера с учетом допустимых воздействий, нагрузок на среду и разного рода ограничений, наметить затраты и инвестиции, необходимые для управления ими.

Моделирование влияния эколого-экономических факторов на деятельность предприятия или организации с учетом состояния среды, санитарно-экологических загрязнений, допустимых технологий, экологических и производственных издержек, расходов на охрану природы, с предельными выбросами и затратами капитала и труда, госрегулированием и управлением образованием отходов, платежами и штрафами можно найти в экономико-математической литературе или в изданиях по статистике (*Мезоэкономика России...*, 2022).

Расходы на охрану окружающей среды регионов Севера в динамике отражены в табл. 7.2.8. Они представляют собой сумму расходов предприятий (организаций, учреждений), индивидуальных предпринимателей, государства (федерального бюджета, субъектов РФ, муниципальных образований), которые имеют целевое природоохранное назначение (сбор, очистка, уменьшение, предотвращение или устранение загрязняющих веществ, загрязнения как такового или любых других видов и элементов деградации окружающей среды) и которые являются следствием предпринимательской активности, осуществляемых за счет всех источников финансирования. Расходы на охрану окружающей среды в РФ в фактически действовавших ценах выросли с 559,703 млрд. руб. в 2014 г. до 871,993 млрд. руб. в 2019 г. В регионах Севера расходы на охрану окружающей среды возросли с 85,347 млрд. руб. в 2010 г. до 129,245 млрд. руб. в 2019 г. Удельный вес регионов Севера в расходах на охрану окружающей среды изменился с 15,2% в 2014 г. до 14,8% в 2019 г.

Таблица 7.2.8 – Расходы на охрану окружающей среды за 2014–2019 гг. в регионах Севера, в фактически действовавших ценах, млн. руб.

Регионы	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Российская Федерация	559703	582128	590865	658035	720905	871993
Регионы Севера	85347	92841	94511	112314	114623	129245
Республика Карелия	2923	3135	3309	3181	2935	2991
Республика Коми	9582	12670	12154	9669	13795	9757
Архангельская область	6154	6474	6252	10000	7164	7141
в том числе Ненецкий АО	933	489	756	1573	820	562
Мурманская область	7888	8090	6584	8726	19189	27253
Ханты-Мансийский АО	27890	30671	27741	29100	27316	31623
Ямало-Ненецкий АО	8628	13392	18168	24602	17019	19447
Республика Саха (Якутия)	13074	12099	13295	18160	20671	20233
Камчатский край	1269	836	1453	1315	1630	1885
Магаданская область	1408	1519	1286	1738	1496	2586
Сахалинская область	5836	3399	3558	4714	2699	5100
Чукотский АО	695	556	711	1109	709	1229

Источник: составлено автором по (Регионы России..., 2020).

В общий объём природоохранных расходов включаются инвестиции в основной капитал, а также текущие расходы. Согласно сборнику «Регионы России» Росстата, доля регионов Севера в общем объеме природоохранных расходов в России к 2020 г. достигла значения 15%.

Индекс физического объема природоохранных расходов рассматривается как относительный показатель, характеризующий изменение объёма природоохранных расходов, и рассчитывается на основе методологии статистики в сопоставимых ценах и процентах к предыдущему году. В РФ в 2015 г. этот индекс был равен 98,5%, а по регионам Севера – от 51,7% до 2,3 раза. К 2020 г. этот индекс вырос до 99% по РФ. Минимальный индекс был равен 67,6% в Республике Коми, максимальный – 180,1% в Сахалинской области, что в основном связано с их географическим положением. Эти условия и фактическое положение часто не учитываются при распределении средств бюджета. В РК индекс физического объема природоохранных расходов за 2015–2020 гг. увеличился с 67% до 136%, или с 9,6 млрд. руб. в 2015 г. до 9,8 млрд. руб. в 2020 г. Таким образом, несмотря на рост индекса природоохранных расходов РК, состояние экологии всё ещё находится не на должном уровне.

Наличие во флоре и фауне региона редких растений и живых видов на р. Печора и её притоках, в чистых водах озёр, пойменных водоемах и водных объектах Полярного и Приполярного Урала, и Усть-Цильмы говорит об относительном благополучии состояния местных водоёмов. Данный показатель используется в управлении как один из оценочных показателей экологического благополучия.

Природа Севера, как большой социоприродный мир, описывается через социально-экологические системы как объект управления, и сама собой сильно воздействует на его управление. На основе изучения состояния ключевых биogeосистем Севера устанавливаются их связи с комплексными проблемами охраны среды, социоприродным миром и социально-экологическими системами как объектами управления. В экологической деятельности и в социальной сфере отмечаются противоречивые тенденции. Поэтому важно устранить негативные явления, воздействующие на реальную и рекреационную деятельности, предоставление работ, услуг. В целом в северных регионах находятся основные добывающие производства, плохая экология, сложная климатическая ситуация, непростое положение в основных сферах экономики. Это требует дальнейшего углубления анализа ключевых факторов в отношении намечаемой социальной и экологической деятельности.

7.3 Тенденции и перспективы изменения состояния окружающей среды

Север дает около 30% от вредных выбросов в атмосферу по Российской Федерации в целом, и это определяет потенциал развития воздухоочистки выше среднего. В северных регионах потребление воды составляет около 1,5% от местного стока, 95% обеспеченности, а лесовосстановление ведется на площади более 227,4 тыс. га.

Северные регионы располагают значительным фондом сельхозугодий. Так, согласно сборнику «Регионы России» Росстата, в 2020 г. в Республике Карелия они составили 212,9 тыс. га, Республике Коми – 418,1, Архангельской области – 752,9, Мурманской области – 25,6, Ненецком АО – 25,7, Ханты-Мансийском АО – 630,1, Ямало-Ненецком АО – 223,7, Республике Саха (Якутии) – 1640,2, Камчатском крае – 475,6, Магаданской области – 121,5, Сахалинской области – 182,4, Чукотском АО – 8,6 тыс. га.

Сегодня степень детерминированности перспективных процессов в АПК региона из-за негативных внешних явлений (инфляционные факторы, высокие риски, засуха, лесные пожары, снегопады, повышение процентных ставок и т.д.) ослабляется, но в небольшом диапазоне ресурсообеспечения имеются обнадеживающие направления для позитивного сдвига.

Для развития сельского хозяйства в северных регионах определяются основные цели: формирование эффективно функционирующего рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия; повышение конкурентоспособности и обеспечение финансовой устойчивости производителей; рациональное использование природных ресурсов и сохранение окружающей среды; создание условий для сырьевой базы пред-

приятий пищевой и перерабатывающей промышленности для обеспечения населения продуктами питания; формирование благоприятного инвестиционного климата и рост объёма инвестиций; содействие устойчивому развитию территорий сельских поселений; привлечение и закрепление квалифицированных кадров и молодых специалистов.

Важное значение отводится биотехнологиям в сельском хозяйстве, внедрению автоматизации и микроэлектроники, новых материалов и упаковок. В целях улучшения экологических характеристик продуктов питания предлагается уменьшить использование искусственных красителей и ароматических веществ. Предложено также улучшить обработку пищевых продуктов с помощью химических, физических методов и защитных микробиологических добавок.

В 2015–2020 гг. госпрограммами было намечено повышение доли пищевой промышленности страны на 20–50% в сравнении с началом века путём углубления процесса переработки сельскохозяйственного сырья, повышения его качества, ресурсосбережения, однако одним из требований присоединения к ВТО было значимое снижение господдержки сельскохозяйственного производства.

Для анализа процессов государственной поддержки в сельскохозяйственной отрасли можно использовать матрицу затрат межотраслевого баланса. Совместное влияние государственной поддержки и экспортно-импортных тарифов на объёмы отраслевого производства заключается в двух независимых процессах, или в индексной форме:

$$I_P = I_G \times I_T, \quad (1)$$

где: I_P – индекс роста производства;

I_G – индекс роста натуральных объёмов при господдержке;

I_T – индекс роста цен под влиянием экспортно-импортных тарифов.

Оценка уровней цен и экспортно-импортных тарифов на продукцию сельскохозяйственной отрасли показала, что значительного снижения экспортных пошлин и импортных тарифов не наблюдалось. Понижение среднего их уровня было отражено в обязательствах РФ перед Международным валютным фондом и являлось дополнительным условием для вступления в ВТО.

Рост бюджетных доходов РФ от внешнеэкономической деятельности, направленных на господдержку, и рост цен под влиянием экспортно-импортных тарифов способствуют росту производства, но частично понижают уровень потребления населения. Увеличенные импортные тарифы

означают более высокие цены на продукты питания, что уменьшает спрос и потребление населения. Однако повышенные цены поддерживают производство, следовательно, и доходы работающих.

Одновременно растут капитальные и текущие затраты на повышение привлекательности и эффективности сервисного и консультационного обслуживания агропромышленной сферы регионов Севера, на улучшение имиджа её аппарата, на экологическое прогнозирование и оценивание тенденций экономического развития.

Так, исследователями часто приводится в экономической и сельскохозяйственной литературе статистический пример оптимального соотношения выпуска и капитала (1:1), т.е. на единицу кэшвложений (денежных вложений) приходится две единицы кэшбека (возврата денежных средств), которое влияет на распределение и перемещение финансово-бюджетных средств.

Известно также, что для регионов Севера ранее уже рассматривалось процентное долевое соотношение приростов производства: показатель помощи зависит от суммы показателей натуральных объёмов производства и осуществляемых вложений. Поскольку вложения составляют примерно четвертую часть от продукта, то одна четвёртая часть вложений отвечает единичному приросту показателя продукта, при этом одновременно учитывается оптимальное отношение отдачи вложений (кэшбек), равное двум.

Полученные данные и математические соотношения подобного рода позволяют анализировать показатели эффективности обслуживания агропромышленной и экологической сфер регионов Севера финансово-бюджетными органами.

Следует также учитывать особенности накопления капиталов предприятий и организаций в природоохранной деятельности, известные исследователям с давних лет: на охрану, спокойствие, защиту общественного дела, составляющие результат труда одного года, нельзя купить охраны, спокойствия и защиты, необходимых в следующем году, поэтому и производительные, и непроизводительные работники, и лица, совсем неработающие, одинаково содержатся за счет годовых продуктов, получаемых от земли и труда, а размеры годового продукта имеют свои границы, что накладывает ограничения на объём инвестирования соответствующей деятельности.

С помощью описания современного состояния окружающей среды (ОС), составлены прогнозы окружающей среды по списку регионов Севера и его крупным районам. В основу этих прогнозов положены целевые показатели концепции развития экономики страны, её регионов, Водной стратегии Российской Федерации на период до 2020 г., программные и нормативные материалы.

Согласно прогнозам, объём оборотной и последовательно используемой воды имеет колебательную тенденцию роста. Использование свежей воды, улавливание загрязняющих веществ, выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух после кратковременного повышения имели тенденцию к стабилизации. Ожидалось также значительное снижение сброса загрязненных сточных вод. Процессы лесовосстановления предполагались набирающими силу. Результаты прогнозирования были получены как по отдельным регионам, так и по Северу в целом.

В РФ намечена реализация 11594 национальных экологических проектов. Сформирован наблюдательный совет для оценки реализации проектов на основе экспертных заключений из руководителей ведомств, министерств и общественных организаций, в том числе Всероссийского общества охраны природы. Основные проекты связаны с ресурсами, отходами, водой, лесом, окружающей средой и источниками энергии. По данным докладов Всероссийского общества охраны природы, в 2021 г. успешно реализованы около 70 проектов, в 2022 г. – 148 проектов по 42 единицам – от крупных предприятий до учреждений социальной сферы, организаций бизнеса, науки, образования, СМИ и отдельных экологов¹⁰. По 7 номинациям проекты оценочно ранжированы с выделением 3 первых мест.

Глава Минпромторга России при посещении Республик Коми вместе с руководством региона рассмотрел основные масштабные проекты АО «Монди СЛПК» в сфере экологии и производства бумаги и картона, в финансировании которых были заинтересованы РФ и региональные структуры. Среди них – лесовосстановление, изменение отдельных законодательных норм лесопользования, создание здоровых экосистем в зелёном секторе, развитие лесного фонда и лесной промышленности, перевод котельных в сфере ЖКУ с дорогих и вредных для окружающей среды видов топлива на современные и экологичные, производство звукопоглощающих материалов и нетканых материалов, товаров народного потребления и выпуска промтоваров, в рамках утвержденного плана диверсификации экономики Приполярья и Заполярья.

В 2021 г. в Республике Коми был принят Лесной план до 2029 г., предусматривающий мероприятия по лесоохране и лесозаготовкам. Ранее была разработана Схема эколого-экономического районирования с 4 эколого-экономическими районами с подрайонами (Северный, Восточный, Центральный и Юго-Западный) на основе систем ведения лесного хозяйства, учета физико-географических условий, требований охраны природы и системы лесохозяйственных мероприятий. Установлено, что в лесах I

---

¹⁰ Проекты Всероссийского общества охраны природы. URL: <https://voop-rf.ru/projects> (дата обращения: 29.03.2023).

группы – 19–20% запаса древесины, II группы – меньше 1%, III группы – около 80–81% запаса. В зависимости от географических условий районов, леса региона предлагалось подразделить на северо-, средне- и южнолесной варианты с различным удельным весом эксплуатационной, защитной и лесовосстановительной частей лесохозяйственной системы (36–48,5%, 21,5–28% и 30–36%) с результирующим интегральным признаком прогнозной лесоводственной эффективности мероприятий варианта.

При оценивании климаторегулирующей функции и экоэффективности лесов важно, чтобы показатели относительной продуктивности лесов отражали процессы депонирования углерода в лесных экосистемах Севера, в основном за счет накопления органического вещества в стволах и листьях деревьев. Установлено, что сосновые леса отдельных бассейнов хозяйственно пока не используются, но находятся в состоянии естественного динамического равновесия с формированием защищающего стабильность разновозрастного древостоя. Они непрерывно возобновляются после периодических нагрузок на экосистемы. Коэффициенты относительной продуктивности в северных районах были на уровне 0,5–0,6, в южных – 1,2–1,3, в центральных районах – 0,7–1,2.

В итоге, в экологической ситуации для регионов Севера наблюдаются как положительные, так и отрицательные тенденции. Сложная ситуация складывается по динамике оборотного и последовательного водоснабжения. Показатели экологической ситуации по Европейскому Северу имеют более стабильную динамику, чем показатели экологической ситуации на Азиатском Севере. Показатель Forest quality index для лесов одного бассейна реки региона Севера был подразделён на три множества значений: (≤ 1) – в основном для лесных хозяйств северных районов; ($> 1/\text{до } 2-x$) – в основном для лесных хозяйств центральных и приуральских районов; (> 2) – в основном для лесных хозяйств южных районов бассейна. Понятно, что при данной результирующей характеристике качества лесов достаточно двух множеств значений индекса, например, верхнего и нижнего, если индекс качества леса не принадлежит им, то он входит в третье множество по решению экопроблемы.

Согласно зарубежным исследованиям, сама проблема заключается в том, что приходится всё быстрее заставлять работать экосистему в соответствии с нуждами и с помощью технологии. Узким местом являются меры по ликвидации отходов. При нагрузке на систему обостряется проблема с отходами: выделение углекислого газа (CO_2), хлор-фторуглеродов (CFC), кислотные дожди и пожары в лесах, загрязненные реки. По ряду причин использовать технологии для устранения экотупика значительно труднее, чем использовать инновации для получения полезной энергии и производства продуктов. Обеспечивать двигатели энергией легче, чем абсорбировать поступающий в экосистему углекислый газ.

Леса северных регионов имеют важное экологическое и климато-регулирующее значение, поскольку поглощают выбросы парниковых газов, представляют интерес для хозяйственной и экономической деятельности. Только для одного региона Севера они давали работу 30% населения, а 50% экспортных доходов региона поступало от лесной и целлюлозно-бумажной продукции, когда в денежных расходах домашних хозяйств жителей страны свыше 50% приходилось на покупку продовольственных товаров.

Муниципальные образования сельскохозяйственной и лесохозяйственной ориентации, ранее отнесенные к группе 1 из 3-х групп по объёму экспорта, часто не имели экспортного дохода, но имели самые неудовлетворительные показатели по уровню зарегистрированной безработицы, прибыли (убытку) предприятий на одного человека в руб., объёму иностранных инвестиций на одного чел. в долл. США, что означало нарушение конкурентности рынка на взаимодействии и использовании возможностей внутреннего и внешнего рынков. Это создавало проблемы для развития территорий и усложняло экологическую ситуацию. Поэтому и были определены показатели доли списка регионов Севера в показателях федерации, характеризующие природоохранную деятельность и экологическую ситуацию, в процентах.

Показатели по экологической ситуации по списку регионов Севера за 2000-2020 гг. неоднократно пересматривались, в том числе с учетом региональных коэффициентов корректировки показателей экономического воздействия, изменения землепользования.

Площадь сельскохозяйственных угодий регионов Севера в процентах от общей площади регионов была относительно стабильна. К ним были отнесены пашня, залежь, многолетние насаждения, сенокосы и пастбища, систематически используемые для получения сельскохозяйственной продукции. Доля их в земельном фонде варьировала от 0,0% до 1,8%, земель поверхностных вод, включая болота – от 7,3% до 47,6%, доля лесных земель – от 9% до 76%. К лесным землям статистика отнесла земли, покрытые лесной растительностью, как и не покрытые ею, но предназначенные для восстановления растительности леса (вырубки, гари, редины, прогалины и другие). На землях муниципальных образований в стране территория редких природных парков и ботанических садов, иных уникальных объектов по доле не превышали 1%.

Аналогичные результаты можно найти в отечественной и зарубежной литературе по развитию сельскохозяйственных территорий. Так, создатель известной модели экономического роста Р. Солоу рассчитал эластичность роста объёма производства по фактору затраты на исследования и разработки. Она коррелирует с объёмом производства без материальных затрат и затратами на исследования и разработки, рассматриваемые в ка-

честве капиталовложений. При этом учитывается лаг времени до начала их отдачи, наложение во времени отдачи от вложений в исследования и разработки разных лет, а сама корреляция проводится за большие периоды времени. Результаты были таковы, что, например, для сельского хозяйства США за 1929–1982 гг. норма прибыли на исследования и разработки (инновации) оценивалась на уровне 48–57%. Следует отметить, что это можно использовать для прогноза развития экологии.

При этом установлено, что оптимальные затраты на исследования и разработки должны удовлетворять следующим условиям:

1) максимизация дополнительной прибыли от всех капиталовложений (включая традиционные);

2) поддержание пропорциональности экономики, т.е. выделение на капиталовложения в другие (чем исследования и разработки) сферы ресурсов в количестве, достаточном для реализации результатов исследований и разработок.

Поскольку при исследовании цен на продукцию многие предприниматели сталкивались с повышением себестоимости продукции, и это усугублялось неблагоприятным движением цен по сравнению с ценами на материалы, машины, землю, удобрения и уровнем заработной платы, а отношение средневзвешенного по доли данных затрат в себестоимости годовой продукции индекса роста последних к индексу цен на продукцию растениеводства (индекс опережения цен на производственные ресурсы) увеличилось за исследуемый период на 31,5%. Таким образом, доля затрат на новую технику в годовой себестоимости продукции стала расти быстрее, чем доля общих затрат на машины и механизмы.

При этом темпы прироста внедрения новой техники были положительными. Они держались примерно постоянными – на уровне 15-25%, определяемом разностью высот кривой роста доли затрат на новые машины и механизмы и кривой роста доли общих затрат на машины и механизмы в годовых издержках производства (*Спирягин, 2021*).

По данным ФАО, ограниченность земель и пахотных земель (на 1 га – 4 чел.) и рост потребности в продовольственных ресурсах заставляют вести разработку комплексных программ развития сельского хозяйства на длительный период, долгосрочных продовольственных программ во многих регионах мира.

Каждое программное мероприятие в сельском хозяйстве, проводимое на плановой основе, требовало своего экономического обоснования и расчета экономической эффективности затрат, сокращения потерь сельскохозяйственной продукции в цепочке "земельное поле -... потребитель".

Характерным моментом программ развития сельского хозяйства является поиск оптимального смещения между использованием внутренних факторов развития сельского хозяйства и продовольственной помо-

щью и поставками продукции из-за рубежа (использование внешних ресурсов в дополнение к национальным усилиям для стимулирования развития сельского хозяйства). По данным ФАО¹¹, в ценах 1975 г. потребность регионов мира во внешней помощи на цели сельскохозяйственного развития к 1990 г. была определена в 11–12,5 млрд. долл., к 2000 г. – в 15–20 млрд. долл. В настоящее время этот показатель подняли до 100 млрд. долл.

Основная часть помощи намечалась не поставками продовольствия, а из средств на финансирование развития сельского хозяйства, правильного ценообразования для стимулирования производства продовольствия. В каждом конкретном случае требовалось найти такой уровень цены, при котором стимулировалась производительность сельскохозяйственного производства и сохранялась покупательная способность менее обеспеченных слоев и домохозяйств населения, т.е. оказывалась помощь как средство применения адекватной технологии, воссоздания условий для экономического роста и устранения бедности. Для этого в сельском хозяйстве предлагалось учитывать социальные факторы в большей степени.

Приоритетным направлением развития экономики городов при росте населения становится транспорт, а транспортный ресурс является одним из факторов потенциального развития. Для городской экономики уже сегодня отмечена её транспортная зависимость, сопровождаемая ростом выбросов углекислого газа, иных загрязнителей, изъятием городских земель.

Неблагоприятные перспективные тенденции пока сохраняются в регионах Севера, где наблюдается отток населения. С учетом этих особенностей определены региональные коэффициенты корректировки экономического воздействия (здравоохранение, сельское и лесное хозяйство, промышленность) по регионам Севера. В целом была заметна растущая эконагрузка по трём федеральным округам РФ.

На Европейском Севере РФ явно выражены тренды снижения объемов использования свежей воды, понижения выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, отходящих от стационарных источников, уменьшения сброса загрязнённых сточных вод. Рыбное хозяйство региона и сегодня рассматривается для многих пользователей рек как возможный главный вид водопользования. Созданная биотехника выращивания ценных пород рыб открывает перспективы для рыбоводства, роста запасов и промысла рыб в водоёмах регионов Европейского Севера.

---

¹¹ World Food and Agriculture – Statistical Yearbook 2022. URL: <https://www.fao.org/documents/card/en/c/cc2211en> (дата обращения: 29.03.2023).

Выявляются новые изменения в общей тенденции снижения объемов улавливания загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников.

Леса Севера пока остаются источником средств существования и продуктов питания для коренного населения регионов. В то же время, согласно лесному законодательству, использование, охрана, защита, воспроизводство лесов осуществляются органами власти, участниками лесных отношений, исходя из понятия о лесе как об экосистеме и природном ресурсе.

Тенденция уменьшения объемов лесовосстановления в целом опасна в силу того факта, что бореальные леса Севера России частично выполняют функции и «зеленых легких», и накопителя углерода, и производителя кислорода, и поглотителя углекислого газа, и регулирования стока северных рек и климата планеты. На сегодняшний день бюджет по углероду для лесных экосистем Севера дефицитен, а по кислороду он пока еще профицитен. На состояние углеродного бюджета лесных экосистем Севера значительно повлияли чрезвычайные ситуации в Якутии, Красноярском крае и Западной Сибири, лесах и водоёмах Дальнего Востока.

Региональными исследованиями для систем особо охраняемых природных территорий (в том числе заказников) ранее устанавливалось поглощение углекислого газа. Проводились также финансовые операции мирового масштаба на рынках лесных квот (по биоразнообразию, по правам на выброс углекислого газа, по депонированию экосистемами углерода), но с изменением политико-экономической ситуации они были прекращены.

Предприятия и организации, работающие в экономике в регионах Севера, направляют средства и инвестиции в развитие лесоперерабатывающего производства в городах и в лесозаготовки в сельских муниципальных образованиях, поскольку они на практике получают реальный доход от вложений более чем в два раза выше инфляции.

В муниципальных образованиях функции экологического мониторинга заключаются в том, чтобы в локальных или региональных масштабах управлять качеством окружающей среды с учетом реакции основной производственной технологии. Привлекательные в части финансирования методы анализа позволяют инновационно вести визуальный контроль и осуществлять управление в непрерывном режиме времени.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что в большинстве северных регионов экологическое состояние находится на низком уровне, что тормозит повышение конкурентоспособности предприятий и отраслей. Поэтому необходимо увеличивать расходы регионов Севера на охрану окружающей среды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сущность конкуренции как экономического феномена можно раскрыть с четырёх подходов: поведенческого, функционального, структурного и институционального, что позволяет изучать категорию конкуренции как многогранную сущность. Исследование конкуренции с точки зрения поведенческого подхода предполагает анализ отношений между субъектами, применяемых ими форм и методов конкуренции. Функциональный подход позволяет оценить социально-экономические эффекты конкуренции на конкретном рынке. Структурный – показывает степень монополизации конкретного рынка в соответствии с известными рыночными структурами (рынок совершенной конкуренции, рынок монополистической конкуренции, олигополия, монополия, монополия и др.). Особенность конкуренции как института заключается в том, что отсутствует способность самоорганизации, то есть необходимо регулирование такого института со стороны государства.

Конкуренция — это соперничество или взаимодействие (сотрудничество) между отдельными конкурентами на рынке за получение желаемых (необходимых или наилучших) условий для развития их хозяйства

Термин «конкурентоспособность» – многоаспектное понятие, которое может быть раскрыто на различных иерархических уровнях в зависимости от объекта исследования. При этом каждый уровень имеет свои специфические особенности, а также они теснейшим образом связаны между собой – прямыми и обратными связями. Так, конкурентоспособность страны определяется конкурентоспособностью товаров, предприятий, отраслей, городских округов, муниципальных образований, регионов, макрорегионов. Вместе с тем высокая конкурентоспособность страны создает благоприятные предпосылки для повышения макрорегиональной, региональной, отраслевой конкурентоспособности, а также конкурентоспособности на уровне предприятий и товаров. Такое многоуровневое содержание понятия «конкурентоспособность» позволяет изучать конкурентоспособность региона как самостоятельный объект исследования.

Конкурентоспособность региона — это способность и возможность наиболее эффективно использовать имеющийся в регионе экономический потенциал, обеспечивать динамику повышения уровня жизни населения, улучшения экологической сферы и доходов собственников капитала.

На основе концепции «привлекательности» территории для развития бизнеса, повышения качества жизни людей и улучшения экологической сферы разработана методика оценки уровня конкурентоспособности региона, в которой выделены семь конкурентно значимых региональных факторов и 34 частных индикатора. Методика опирается на метод линей-

ного масштабирования и применяет различные подходы к учету межрегиональной дифференциации в уровне цен.

В последние годы интегральный индекс большинства регионов Севера значительно повысился, хотя конкурентоспособность многих из них ещё находится на низком и крайне низком уровнях. Для повышения конкурентных преимуществ органам власти данных регионов следует активнее осуществлять природоохранные мероприятия и меры по реализации творческого потенциала населения.

Предложена методика оценки конкурентоспособности регионов исходя из выявления склонности отраслей и территорий к сотрудничеству. Суть подхода состоит в анализе коэффициента вариации в целом и в трёх разрезах: межрегиональном, межотраслевом и между основными экономическими показателями, взятыми в расчёте на одного занятого.

В промышленности в большинстве северных регионов в последние годы наблюдается высокий уровень соперничества из-за опережающего развития добывающих и ослабления обрабатывающих производств в условиях капиталистической идеологии и несоответствия законодательства принципам «честной конкуренции». Помимо традиционных регулятивных инструментов, проблема может решаться внутренним духовно-нравственным преобразованием управленцев и собственников, то есть использованием преимущественно механизма сотрудничества по сравнению с соперничеством.

Разработан методический инструментарий диагностики отраслевой и межрегиональной конкурентоспособности строительства на основе расчета интегрального индекса и индексов ресурсного, производственного и финансового потенциалов. Установлены позиции северных регионов России, факторы и последствия для региональной экономики. В межрегиональной конкурентоспособности строительства изменения происходят не за счёт роста частных инвестиций или доходов физлиц, а устойчивого спроса со стороны государственного сектора экономики.

Лидерство северных регионов по интегральному индексу конкурентоспособности строительства обусловлено относительно низкими издержками производства, в основном низким уровнем оплаты труда, в сравнении со среднеотраслевыми значениями, а также высокой долей бюджетных инвестиций. Но для повышения конкурентоспособности строительства в регионах недостаточно средств только из бюджетной системы, а также необходимы частные инвестиции.

Определено влияние мультипликативного эффекта инвестиций (коэффициента мультипликатора) на конечный продукт сельского хозяйства Республики Коми. В 2012–2020 гг. наблюдается высокий уровень колебания этого показателя, однако в целом эффективность инвестиций в сельское хозяйство довольно низкая: величина мультипликатора меньше

единицы. Причины снижения мультипликативного эффекта связаны не только с медленными темпами инвестирования и неэффективными методами хозяйствования, но и со слабым развитием рыночных отношений, отсутствием полноценной маркетинговой службы.

Повышение конкурентоспособности региона через финансовые факторы будут способствовать делегирование налоговых и расходных бюджетных полномочий и ресурсов органам местной власти и обеспечение сектора малого и среднего предпринимательства доступными финансовыми средствами. Данный результат согласуется с известными положительными каналами воздействия широких местных бюджетных полномочий на развитие экономики – рост подотчётности системы общественного управления перед местным налогоплательщиком и формирование структуры бюджетных расходов, благоприятной для развития частного сектора.

С точки зрения экономико-социологического подхода конкурентоспособность социальной сферы – это взаимодействие (партнёрство, сотрудничество) между конкурирующими агентами и государством.

Определены факторы, негативно влияющие на государственные и негосударственные механизмы услуг психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями: недостаточная информированность и востребованность передового опыта регионов; низкая продуктивность комплексного межведомственного взаимодействия; отсутствие благоприятных условий для вхождения на рынок негосударственного сектора экономики; недостаточное обеспечение информационного, организационного, кадрового и методического сопровождения; ограниченные меры налоговой, имущественной, инвестиционной и финансовой поддержки данного рынка услуг.

Раскрыты основные причины недостаточного формирования и использования финансовых средств в целях регулирования природоохранной деятельности для комфортного и безопасного производства и строительства различных объектов северных регионов. Именно финансовые вложения в охрану окружающей среды обеспечивают повышение конкурентоспособности северных регионов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смит А. Исследование о природе и причине богатства народов. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
2. Рязанов А.А. Эволюция теории конкуренции // Вест. Моск. ун-та им. С.В. Витте. Серия 1. Экон. и управ. 2007. № 2 (21). С. 21–30.
3. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. М.: Эконов, 2003. 133 с.
4. Милль Дж. С. Основы политической экономии. М.: Прогресс, 1981. 512 с.
5. Маркс К. Капитал. Т. 46, Ч. 2. М.: Политиздат, 1988. 628 с.
6. Джевонс У. С. Деньги и механизм обмена. Челябинск: Социум, 2005. 192 с.
7. Блауг М. // 100 великих экономистов до Кейнса. СПб.: Экономикс, 2008. 352 с.
8. Маршалл А. Принципы политической экономии. М.: Центр, 2007. 698 с.
9. Гуляев Ю. Эволюция теория конкуренции. // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского, Общественные науки. 2012. № 28. С. 317–324.
10. Робинсон Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции. М.: Прогресс, 1986. 471 с.
11. Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции. М.: Центр, 1997. 302 с.
12. Sraffa P. The Law of Returns under Competitive Condditions // The Economic Journal. 1926. Vol. 36, No. 144. P. 535–550.
13. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. М.: Прогресс. 1982. 120 с.
14. Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12. С. 5–17.
15. Саймон Г.А. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1. Вып. 3. С. 16–38.
16. Довбенко М.В., Осик Ю.И. Современные экономические теории в трудах нобелиантов. М.: Академия естествознания, 2011. 341 с.
17. Гэлбрейт Д.К. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004. 608 с.
18. Флештин В.И. Современные тенденции развития теории конкуренции // Экономический журнал. 2014. №1. С. 47–57.
19. Porter M. Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors. Free Press, 1998. 397 p.
20. Портер М. Конкуренция. М.: Вильямс, 2010. 608 с.

21. Пенроуз Э. Теория роста фирмы. UK: Oxford University Press, 1995. 272 с.
22. Барни Дж.Б. Может ли ресурсная концепция принести пользу исследованиям в области стратегического управления? — Да // Российский журнал менеджмента. 2009. № 7(2). С. 19–24.
23. Эндриус К. Концепция корпоративной стратегии // Минцберг Г., Куинн Д.Б., Гошал С. Стратегический процесс. СПб.: Питер, 2001. 688 с.
24. Хамел Г., Прахалад К. Конкурируя за будущее. М.: Олимп-бизнес, 2002. 288 с.
25. Хэмел Г., Прахалад К., Томас Г., О’Нил Д. Стратегическая гибкость. СПб.: Питер, 2005. 384 с.
26. Коуз Р. Природа фирмы // Вехи экономической мысли. Вып. 2: Теория фирмы. СПб.: Экон. школа, 1995. 534 с. С. 11–32.
27. Уильямсон О. Фирмы и рынок. М.: Прогресс, 1981. 356 с.
28. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начало, 1997. 220 с.
29. Кравцевич С.В. Историко-экономические взгляды на формирование представлений о конкуренции. Чита, 2011. 146 с.
30. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М., 2000. 120 с.
31. Ходжсон Дж. Жизнеспособность институциональной экономики. Эволюционная экономика на пороге XXI века. М.: Япония сегодня, 1997. 415 с.
32. Moore J.F. The Death of Competition. N. Y.: Harper Business, 1996. 384 p.
33. Бранденбургер А.М., Нейлбафф Б.Дж. Конкурентное сотрудничество в бизнесе. М.: Кейс, 2012. 352 с.
34. Gloor P. A. Swarm Creativity. Competitive advantage through collaborative Innovation Networks. Oxford: Oxford University Press, 2006. 288 p.
35. Антонов Г.Д., Иванова О.П., Тумин В.М. Управление конкурентоспособностью организации и территорий. М.: ИНФРА-М, 2016. 348 с.
36. Чан Ким В., Моборн Р. Стратегия голубого океана. Как найти или создать рынок, свободный от других игроков. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 336 с.
37. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.
38. Хайне П. Экономический образ мышления. М.: Дело, 1993. 704 с.

39. Стиглер Дж. Совершенная конкуренция: исторический ракурс. Теория олигополии // Теория фирмы / Под ред. В. М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1995. 534 с.
40. Азоев Г.Л., Челенков А.П. Конкурентные преимущества фирмы. М.: ОАО Типография «НОВОСТИ», 2000. 256 с.
41. Иванов В.Н., Фокина И.А. Методические основы управления конкурентоспособностью // Инновационные подходы к модернизации современного общества. 2010. С. 41–44.
42. Стародубровская И.В. Долгий путь от монополизма к конкуренции. М.: АЛБТ, 2013. 298 с.
43. Юданов А. Теория конкуренции: прикладные аспекты // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 6. С. 54–64.
44. Долгова И.В., Швейко Н.В. Монополия и конкуренция // Финансы и кредит. 2001. №3 (75). С. 44–59.
45. Рубин Ю.Б., Шустов В.В. Конкуренция: реалии и перспективы. М.: Знание, 1990. 64 с.
46. Голиков И.А. Особенности содержания понятий «конкуренция» и «конкурентоспособность» // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. № 10. С. 1251–1264.
47. Фатхутдинов Р.А. Конкурентоспособность: экономика, стратегия, управление. М.: ИНФРА-М, 2000. 311 с.
48. О защите конкуренции [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 29.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".
49. Азоев Г.Л. Конкуренция: анализ, стратегия и практика. М.: Центр экономики и маркетинга, 1996. 208 с.
50. Юданов А.Ю. Конкуренция: теория и практика. 2-е изд. (испр. и доп.). М.: ГНОМ-ПРЕСС, 1998. 384 с.
51. Шкардун В.Д. Методика исследования конкуренции на рынке // Маркетинг в России и за рубежом. 2000. № 4. С. 44–54.
52. Борисов Д.Б. Большой экономический словарь. М.: Книжный мир, 2013. 860 с.
53. Найт Ф. Риск, неопределенность, прибыль. М.: Дело, 2003. 360 с.
54. Качалина Л.Н. Конкурентоспособный менеджмент. М.: Эксмо, 2006. 464 с.
55. Шаститко А., Голованова С. Последствия слабой конкуренции: количественные оценки и выводы для политики (экспертно-аналитический доклад) // Экономическая политика. 2012. №5. С. 5–53.
56. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 368 с.
57. Коммонс Дж.Р. Правовые основания капитализма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 416 с.

58. Нуреев Р.М. Россия: особенности институционального развития. М.: НОРМА, 2009. 448 с.
59. Оберт Т.Б. Теория конкуренции: учебное пособие. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2014. 96 с.
60. Коробов Ю.И. Теория и практика конкуренции. Саратов: Издательский центр СГЭА, 1996. 132 с.
61. Krugman P. Competitiveness: a dangerous obsession // Foreign Affairs. 1994. Vol. 73, No. 2. P. 28–44.
62. Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. М.: Международные отношения, 1993. 895 с.
63. Селезнев А.З. Конкурентные позиции и инфраструктура рынка России. М.: Юрист, 1999. 382 с.
64. Калюжнова Н.Я. Конкурентоспособность регионов в условиях глобализации: монография. М.: ТЭИС, 2003. 526 с.
65. Медушевская И.Е. К вопросу об экономической безопасности и конкурентоспособности: региональный аспект // Экономика. 2001. № 6. С. 76–69.
66. Парахина В.Н., Парахин К.А. Конкурентоспособность региона как экономическая категория // Сборник научных трудов. Серия «Экономика», вып.5. Ставрополь: Северо-Кавказский государственный технический университет, 2002. С. 88–89.
67. Нефедова Е.Е. Формирование конкурентоспособности региона в переходной экономике: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Саратов. 2001.
68. Гусаров В.С. Формирование конкурентоспособности региона на современном этапе экономического развития Российской Федерации (на материалах Республики Коми). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Москва, 2004.
69. Шнипер Р.И. Конкурентные позиции региона и их оценка // Регион: экономика и социология. 1995. №1. С. 3–24.
70. Ушвицкий Л.И., Парахина В.Н. Конкурентоспособность региона как новая реалья: сущность, методы оценки, современное состояние // Сборник научных трудов СевКавГТУ. Экономика. Владикавказ: Северо-Кавказский гос. технический ун-т, 2005. №1. С. 1–20.
71. Андреев В.А. Конкурентоспособность региона и методика ее оценки. Ярославль: изд-во Яросл. ун-та, 2000. 150 с.
72. Меркушов В.В. Интегральная оценка конкурентоспособности регионов // Региональная наука: сб. науч. тр. молодых ученых. Кн. 1. М.: СОПС, 2004. 288 с. С. 24–38.
73. Ермишина А.В. Конкурентоспособность регионов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cfin.ru/management/> (дата обращения 22.03.2021).

74. Регион на перекрестке Востока и Запада: глобализация и конкурентоспособность / Под науч. ред. Калюжной Н.Я., Лидина К.Л. М.: Теис. 2003. 359 с.
75. Гринчель Б.М., Назарова Е.А. Методы оценки конкурентной привлекательности регионов: монография. СПб.: ГУАП, 2014. 244 с.
76. Печаткин В.В., Салихов С.У., Саблина В.А. Рейтинговая оценка конкурентоспособности регионов России: монография. Уфа: Ин-т социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, 2004. 205 с.
77. Логинова В.А. Современные подходы к оценке конкурентоспособности территориальных экономических систем // Вестник ТОГУ. 2008. № 2 (9). С. 139–152.
78. Чайникова Л.Н. Методологические и практические аспекты оценки конкурентоспособности региона. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. 148 с.
79. Шеховцева Л.С. Обоснование методики оценки конкурентоспособности российских регионов // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 6. С. 31–37.
80. Муратова М.И. Роль конкуренции в микроэкономических процессах переходного периода. Ростов н/д : Феникс, 1998. 358 с.
81. Комарова М.А. О критериях конкурентоспособности региона // Пути и механизмы обеспечения конкурентоспособности российских регионов: сб. науч. тр. Саратов: Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина, 2007. 292 с.
82. Ларина Н.И., Макаева А.И. Кластеризация как путь повышения международной конкурентоспособности страны и регионов // ЭКО. 2006. № 10. С. 2–26.
83. Важенин С.Т., Злоченко А.Р., Татаркин А.И. Конъюнктура конкурентоспособности региона // Регион: экономика и социология. 2004. №3. С. 23–38.
84. Казанцев С.В. Потенциал экономики регионов России как основа их внутренней конкурентоспособности // Регион. 2004. №1. С. 191–199.
85. Фридман Ю.А., Речко Г.Н., Писаров Ю.А. Алгоритм оценки конкурентоспособности региона // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 111–124.
86. Шаповалов В.А. Акинин П.В., Устойчивое развитие региона в условиях экономической интеграции России в мировое хозяйство // Сборник Ставропольского государственного университета. 2006. № 4. С. 75–82.
87. Отчет о результатах рейтинга социально-экономического положения субъектов РФ–2013 [Электронный ресурс]. URL:

http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2013.pdf (дата обращения 27.03.2021).

88. Schwab K. (ed.). The Global Competitiveness Report 2019. World Economic Forum Publishing, 2019. 650 p.

89. IMD World Competitiveness Yearbook 2019. International Institute for Management Development Publishing, 2019. 553 p.

90. 18th Annual State Competitiveness Report. Beacon Hill Institute Publishing, 2018. 68 p.

91. Webster D., Muller L. Urban Competitiveness Assessment in Developing Country Urban Regions: The Road Forward. Urban Group, INFUD. Washington, DC: The World Bank, 2000. 47 p.

92. Segal Gf., Moore A., Nolan J. California Competitive Cities: A Report Card on Efficiency in Service Delivery in California's Largest Cities. Reason Public Policy Institute, 2002.

93. Balassa B., Noland M. "Revealed" Comparative Advantage in Japan and the United States // Journal of International Economic Integration, 1989, Vol, 4 (2) Autumn, pp. 8–22.

94. Haiying S., Fangmiao H., Yixin Y., Zheng H., Can L. An assessment of the international competitiveness of China's forest products industry // Forest Policy and Economics, 2020, 1022562, pp. 1-8.

95. Власенко Т.И. Комплексная оценка уровня конкурентоспособности отрасли // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2006. № 5. С. 13–18.

96. Павлова С.Ю. Оценка конкурентоспособности отраслей региона на основе расчета показателей специализации // Вестник Чувашского университета. 2014. № 3. С. 183–187.

97. Белоглазова С.А. Выявление хозяйственной специализации регионов ЮФО в контексте кластеризации: развитие методики и актуальные результаты // Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. 2018, Vol. 8, 11A, pp. 148–157.

98. Сафиуллин А.Р. К вопросу методологии оценки региональных конкурентных преимуществ по видам деятельности // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 102–108.

99. Сафиуллин А.Р. Управление конкурентными преимуществами при проведении промышленной политики на мезоуровне. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. доктора эк. наук. Казань, 2010. 44 с.

100. Фатхутдинов Р.А. Стратегический маркетинг: учебник. М.: ЗАО "Бизнес-школа "Интел-Синтез", 2000. 640 с.

101. Савельева Н.А. Формирование конкурентоспособности в отраслях промышленного производства: теория и методология. Автореферат дисс. на соискание уч. степ. докт. эк. наук. Ростов-на-Дону. 2005. 48 с.

102. Минько Л.В. Оценка инвестиционной привлекательности отраслей промышленности региона // Вестник ТГТУ. 2004. Том 10. № 4Б. С. 1176–1183.
103. Сальников В.А., Галимов Д.И. Конкурентоспособность отраслей российской промышленности – текущее состояние и перспективы // Проблемы прогнозирования. 2006. №2. С. 55–84.
104. Muhammad I., Yu H., Manoj K. et al. Competitive assessment of South Asia's wind power industry: SWOT analysis and value chain combined model // Energy Strategy Reviews. 2020, No. 32, pp. 1–15.
105. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 454 с.
106. Томпсон А.А., Стрикленд Дж. Стратегический менеджмент. М.: Юнити, 2007. 928 с.
107. Акулич О.В. Методические подходы к оценке конкурентоспособности рыбной отрасли // Baikal Research Journal. 2011. №2. С.1–6.
108. Морозова О.А. Концептуальное исследование конкурентоспособности отраслей регионального хозяйственного комплекса // Вестник Тамбовского госуниверситета. 2008. № 1 (69). С. 369–375.
109. Шмидт Ю.Д., Ивашина Н.В. Конкурентоспособность регионального рыбного комплекса // Региональная экономика: теория и практика. 2008. №3 (60). С. 2–6.
110. Макаренко Т.Д. Оценка конкурентоспособности субъектов предпринимательской деятельности Забайкальского края // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т.25, № 3. С.1-12.
111. Шишкина Н.П. Аналитическая оценка конкурентоспособности пищевой промышленности Забайкальского края // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. № 1. С. 1–7.
112. Вохмянин И.А. Оценка конкурентоспособности лесных комплексов территорий // Проблемы развития территории. 2017. № 2(88). С.77–91.
113. Смолейчук И.М. Организационно-экономические основы повышения конкурентоспособности легкой промышленности Дальневосточного региона. Диссертация на соискание уч. степ. докт. эк. наук. Владивосток. 2003. 48 с.
114. Даваасурэн А., Кузнецова И.А. Оценка конкурентоспособности отраслей экономики Монголии // Шинжлэх Ухааны Академийн Мэдээ. 2014. № 03 (211). С. 60–72.
115. Мосейко В.О. Оценка конкурентоспособности регионов: методология, модели, инструменты. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. 89 с.

116. Старикова М.С. Оценка и направления повышения конкурентоспособности отраслей российской промышленности // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2016. №9. С. 199–205.
117. Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М.: Институт русской цивилизации, 2013. 646 с.
118. Хазин М.Ю. Мир на пороге новых времен [Электронный ресурс]. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/1000041> (дата обращения 15.12.2020).
119. Глазьев С.Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с.
120. Лукин Е.В., Ускова Т.В. Межрегиональное экономическое сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 148 с.
121. Единая межведомственная информационно-статистическая система Росстата. [Электронный ресурс]. URL: <http://fedstat.ru> (дата обращения: 07.05.2020)
122. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.
123. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.
124. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с.
125. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.
126. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.
127. Национальный рейтинг трезвости регионов за 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trezvros.ru/calendar/953> (дата обращения: 07.05.2020)
128. Мизес Л. фон. Либерализм в классической традиции. М.: Социум, Экономика, 2001. 239 с.
129. Институциональные преобразования в экономике [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/instituteconomics> (дата обращения: 23.01.2023)
130. О Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Республики Коми от 11 апреля 2019 г. № 185. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс"
131. Асаул А.Н., Асаул М.А., Люлин П.Б., Чепаченко Н.В. Тренды жилищного строительства в России и среднесрочный прогноз // Проблемы прогнозирования. 2019. № 3(174). С. 111–117.

132. Hooper E., Peters S., Pintus P.A. The impact of infrastructure investments on income inequality: Evidence from US states // *Economics of Transition and Institutional Change*. 2021. No. 29(2). P. 227–256.
133. Momaya K.S. The Past and the Future of Competitiveness Research: A Review in an Emerging Context of Innovation and EMNEs // *International Journal of Global Business and Competitiveness*. 2019. No.14(1). P. 1–10.
134. Кирсанова Д.А., Жариков В.Д. Критерии и показатели конкурентоспособности машиностроительной продукции // *Социально-экономические явления и процессы*. 2016. № 11(3). С. 72–76.
135. Гусев Е.В., Угрюмов Е.А., Обронов И.М. Оценка конкурентоспособности строительных предприятий на основе организационно-технических показателей // *Вестник ЮУрГУ Серия: Экономика и менеджмент*. 2013. Т. 7. № 3. С. 122–127.
136. Møller J.L. et al. The competences of successful safety and health coordinators in construction projects // *Construction Management and Economics*. 2021. No. 39(3). P. 199–211.
137. Çınar S. Construction labour, subcontracting and masculinity: “construction is a man’s job. // *Construction Management and Economics*. 2020. No. 38(3). P. 275–290.
138. Carbonara N., Pellegrino R. The role of public private partnerships in fostering innovation // *Construction Management and Economics*. 2020. No. 38(2). P. 140–156.
139. Lindblad H., Guerrero J.R. Client’s role in promoting BIM implementation and innovation in construction // *Construction Management and Economics*. 2020. No. 38(5). P. 468–482.
140. Guo H., Lu W. The inverse U-shaped relationship between corporate social responsibility and competitiveness: Evidence from Chinese international construction companies // *Journal of Cleaner Production*. 2021. No. 295. 126374.
141. Борисов В.Н., Почукаева О.В. Анализ и прогноз конкурентоспособности российской инвестиционной техники на рынках дальнего зарубежья // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. Т. 14. № 2. С. 43–58.
142. Гильмундинов В.М. Межотраслевая конкуренция в экономике России // *Проблемы прогнозирования*. 2020. № 5 (182). С. 60–71.
143. Растворцева С.Н., Снитко Л.Т. Региональная специализация и агломерационные эффекты в экономике России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13. № 3. С. 46–58.

144. Шуваев М.А. Методический подход к оценке рейтинга конкурентоспособности строительного предприятия // ПСЭ. 2012. №1. С.135–138.
145. Прохин Е.А., Белянцева О.М., Сафонова Н.А. Драйверы конкурентоспособности инвестиционно-строительного комплекса в условиях экономического кризиса // Социально-экономические явления и процессы. 2016. №6. С. 51–57.
146. Gunhan S. Factors Affecting International Contractors' Performance in the 21st Century // Practice Periodical on Structural Design and Construction. 2020. No. 25(4). 05020011.
147. Flanagan R. et al. Measuring Construction Competitiveness in Selected Countries [Электронный ресурс]. University of Reading Team Report. 2005. URL: <https://www.reading.ac.uk/icrc/Projects/icrc-projects-25-Measuring-Construction-Competitiveness.aspx> (дата обращения: 29.06.2021)
148. Лифиц Н.М. Конкурентоспособность товаров и услуг: учебное пособие. М.: Высшее образование, Юрайт. 2009. 451 с.
149. Барабанов А.С. Управление региональной конкурентоспособностью: монография Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. 160 с.
150. Курносова Н.С., Курносов А.П. Стратегия формирования и развития системы информационного обеспечения управления аграрным производством: монография. Воронеж: ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2018. 166 с.
151. Павлов К.В. Социально-экономические модели из мирового опыта. Рыночные отношения: методология моделирования. М.: Экономика, 2005. 287 с.
152. Чайникова Л.Н. Формирование системы управления стратегической конкурентоспособностью региона: монография. Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. 125 с.
153. Мустафаев А.А., Гаджиев Ю.А., Спиригин В.И. Методологические аспекты модернизации инвестиционно-инновационной системы экономики // Научно-производственный журнал Восточнoукраинского национального университета – ВНУ им. Владимира Даля «Часопис економічних реформ». 2013. №1 (9). С. 21–33.
154. Долгова А.В., Долгова М.В. Эффективность и конкурентоспособность: взаимосвязь и взаимообусловленность // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2014. №4. С. 159–168.
155. Сладкова Т.В., Пыжикова Н.И. Государственная поддержка сельского хозяйства как фактор повышения конкурентоспособности АПК в условиях ВТО. Красноярск: СФУ, 2016. 106 с.
156. Коротков Э.М., Шестонал Ю.Т., Дорофеев В.Т. Конкурентные позиции бизнеса. М.: ИНФРА-М, 2003. 261 с.

157. Шарафутдинов Б.Ф. Трансформация бизнес-моделей в цифровой экономике // Материалы XII Международной научно-практической конференции «Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем». Уфа, 2018. 354 с.

158. Палей Т.Ф. Инновационные подходы к управлению инфраструктурой региона // Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России». Уфа, 2019. Часть 1. С. 102–108.

159. Оценки системы управления развитием региона. Стратегический анализ социально-экономического развития региона: принципы, основные направления, проблемы / Под ред. Гневко В.А., Рохчина В.Е. Санкт-Петербург: ИРЭ РАН, ИУЭ. 2004. 285 с.

160. Ястребова О.М. Эволюция продовольственной цепочки. Агропродовольственный сектор России: на пути к рынку / Под ред. П. Фархайма, Е. Серовой, К. Фроберга. М: ИЭПП, 2001. 549 с.

161. Агарков В.В., Агаркова Л.В., Высоцкая Т.Р. Экономическая политика: инновации, инвестиции, конкурентоспособность: монография. Пенза: МЦНС «Наука и просвещение». 2017. 102 с.

162. Немченко А.В. Модернизация как залог роста конкурентоспособности сельскохозяйственного производства // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. №4 (70). С. 31–33.

163. Мустафаев А.А. Экономический потенциал – основа устойчивого развития АПК // Факторы и условия устойчивого развития агропродовольственного комплекса и сельских территорий Севера: монография. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН. 2011. 252 с.

164. Михайлов С.Н., Чаплыгина Е.В. Оценка уровня инвестиционной конкурентоспособности предприятий строительной организации // Проблемы современной экономики: Экономика, управление и учет. 2011. №3 (39). С. 85–88.

165. Орлова Е.В., Ульмасова И.С. Ценовая стратегия предприятия: формирование и реализация // Молодой ученый. 2015. №14(94). С.269–272.

166. Мараховская И.Ю., Каневец П.И. Системный анализ инновационных процессов при обосновании необходимости разработки новой концепции обеспечения конкурентоспособности наукоемкой продукции // Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции «Конкуренция и конкурентоспособность. Организация производства конкурентоспособной продукции». Новочеркасск: ЮРГТУ. 2010. 106 с.

167. Ромашов А.В., Баранов В.В. Реинжиниринг как метод управления инновационными преобразованиями на высокотехнологичном

предприятия // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Формирование новой экономики XXI века». Пенза, 2009. 218 с.

168. Анищенко А.Н. Цифровая экономика XXI века и АПК: взгляд с позиций развитых и развивающихся стран // Проблемы рыночной экономики. 2019. №4. С. 28–38.

169. Демченко С.К. Теория экономического роста во взаимосвязи с концепцией мультипликатора // Проблемы современной экономики. 2006. №1-2 (17-18). С. 85–89.

170. Милухина О., Храмова И.Г. Эволюция продовольственной цепочки. Новые операторы на продовольственных рынках России // Агропродовольственный сектор России: на пути к рынку / Под. ред. П. Верхайма, Е. Серовой, К. Фроберга. Москва, 2001. 550 с.

171. Костюкович Н.В. Мультипликационный эффект в российской экономике // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Экономика и управление». 2016. №1. С. 33–41.

172. Анохина М.Е., Середина Н.С. Конкурентоспособность регионального АПК на основе создания стратегических альянсов // Региональная экономика: теория и практика. 2010. Том 8, №36. С. 52–61.

173. Еремин В.В. Зависимость мультипликатора автономных расходов от степени загруженности и деградации основного капитала // Вестник Евразийской науки. 2018. Том 10, №3. С. 6–14.

174. Солодовников С.Ю., Кузьмицкая Т.В. Динамика экономического, социального и трудового потенциалов Республики Беларусь // Перспективы социально-экономического развития субрегионов Европы с точки зрения глобальных геостратегических тенденций: Республика Беларусь и Республика Коми Российской Федерации. М.: Экон-Информ, 2012. 383 с.

175. Ушачев И.Г., Оглоблин Е.С., Санду И.С., Трубилин А.И. Инновационная деятельность в аграрном секторе экономики России. М.: Экономика и информатика, 2007. 636 с.

176. Рокотянская В.В., Герасимов А.Н. Особенности конкурентоспособности продукции промышленных предприятий // Экономика, Статистика и Информатика. Вестник УМО. 2015. № 2. С. 118–123.

177. Антонова Н.С. Поиск и создание конкурентных преимуществ как инструмент привлечения и удержания клиентов // Управление продажами. 2016. № 2. С. 136–147.

178. Ахметшина Л.Г. Конъюнктурное исследование регионального продовольственного рынка // Аграрный вестник Урала. 2009. №11 (65). С. 24–27.

179. Клейнер Г.Б. Системная экономика: шаги развития. М.: Издательский дом «Научная библиотека». Москва, 2021. 746 с.

180. Нуралиев С.У. Регулирование рынка продовольственных товаров и внешнеторговой деятельности: монография. Астрахань: Армада, 2004. 210 с.
181. Львов Д.С., Макаров В.Л., Багриновский К.А. Мезоэкономика переходного периода: рынки, отрасли, предприятия: монография. Под ред. Клейнера Г.Б. М.: Наука и интерпериодика. Москва, 2001. 516 с.
182. Sánchez de la Vega, J. C. et al. A new measure of regional competitiveness // *Applied Economic Analysis*. 2019. No. 27(80). P. 108–126.
183. Комков Н.И., Лазарев А.В. Многоуровневая структура и подходы к оценке экономической категории «конкурентоспособность» // *Проблемы прогнозирования*. 2007. № 4. С. 3–21.
184. Анализ инновационного потенциала северных регионов России / Гаджиев Ю.А., Стыров М.М., Колечков Д.В., Шляхтина Н.В. // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2016. № 6 (48). С. 236–254.
185. Тимушев Е.Н. Финансы общественного сектора Республики Коми // *Известия Коми научного центра*. 2019. № 4. С. 91–100.
186. Индекс конкурентоспособности регионов AV RCI – полюса роста России [Электронный ресурс]. AV Group. URL: <http://av-group.ru/av-strategy/av-rci/> (дата обращения: 13.10.2020).
187. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 6. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 264 с.
188. Дмитриева Т.Е., Лаженцев В.Н. Актуализация проблем развития северных регионов // *Север России: актуальные проблемы развития и государственный подход к их решению* / под ред. А. Г. Гранберга, В. Н. Лаженцева. Москва–Сыктывкар, 2004. С. 7–14.
189. Чужмарова С.И. Методология формирования и реализации налоговой политики в северных регионах России / Под общ. ред. А.Г. Шеломенцева, В.В. Фаузера. М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2014. 385 с.
190. Tanzi V., Zee H. H. Fiscal Policy and Long-Run Growth // *International Monetary Fund Staff Papers*. 1997. No. 44(2). P. 179–209.
191. Martínez-Vazquez J., Lago-Peñas S., Sacchi A. The Impact Of Fiscal Decentralization: A Survey // *Journal of Economic Surveys*. 2017. No. 31(4). P. 1095–1129.
192. Либман А.М. Эмпирические исследования факторов децентрализации: обзор литературы // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2010. № 6. С. 10–29.
193. Oates W.E. Fiscal decentralization and economic development // *National Tax Journal*. 1993. No. 46(2). P. 237–243.
194. Oates W.E. On the Theory and Practice of Fiscal Decentralization // *IFIR Working Paper*. 2006. No. 2006-05.

195. Hatfield J.W., Kosec K. Federal competition and economic growth // *Journal of Public Economics*. 2013. No. 97(1). P. 144–159.
196. Eyraud L., Lusinyan L. Decentralizing Spending More than Revenue: Does It Hurt Fiscal Performance? // *IMF Working Papers*. 2011. No. 11(226). P. 1–20.
197. Boetti L., Piacenza M., Turati, G. Decentralization and Local Governments' Performance: How Does Fiscal Autonomy Affect Spending Efficiency? // *FinanzArchiv: Public Finance Analysis*. 2012. No. 68(3). P. 269–302.
198. Keen M.J., Kotsogiannis C. Does federalism lead to excessively high taxes? // *American Economic Review*. 2002. No. 92(1). P. 363–370.
199. Kappeler A. et al. Does fiscal decentralization foster regional investment in productive infrastructure? // *European Journal of Political Economy*. 2013. No. 31 (Supplement C). P. 15–25.
200. Gao S. et al. Fiscal decentralization and corporate investment: empirical evidence from China // *Journal of Economic Policy Reform*. 2019. No. 22(1). P. 51–68.
201. Escaleras M., Calcagno P.T. Does Fiscal Decentralization Affect Infrastructure Quality? An Examination of U.S. States // *Contemporary Economic Policy*. 2018. No. 36(2). P. 410–422.
202. Caldeira, E. Foucault M., Rota-Graziosi G. Decentralization in Africa and the nature of local governments' competition: evidence from Benin // *International Tax and Public Finance*. 2015. No. 22 (6). P. 1048–1076.
203. Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции (вместе с "Национальным планом развития конкуренции в Российской Федерации на 2018–2020 годы"): Указ Президента РФ от 21.12.2017 N 618
204. XIX Всемирный фестиваль молодежи и студентов. 2017. 15 октября. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/XIX_Всемирный_фестиваль_молодёжи_и_студентов (дата обращения: 17.12.2019).
205. Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. М., 2003. 328 с.
206. Портер М. Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 714 с.
207. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Знание, 2005. 419 с.
208. Данилов И.А., Волкова Е.В. Ретроспективный анализ трактования терминов «конкурентоспособность» и «конкурентное преимущество» отечественными и зарубежными авторами // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2010. №3 (184). С. 126–133.

209. Завьялов П.С. Конкуренция — неотъемлемое свойство развитого рынка // Маркетинг. 2007. № 5. С. 2–14.
210. Долинская М.Г., Соловьёв М.А. Маркетинг и конкурентоспособность промышленной продукции. М.: Изд-во стандартов, 1991. 128 с.
211. Фатхутдинов Р.А. Стратегическая конкурентоспособность. М.: Экономика, 2005. 505 с.
212. Мюллер Д. Тирания показателей: Как одержимость цифрами угрожает образованию, здравоохранению, бизнесу и власти. М.: Альпина Паблишер, 2019. 120 с.
213. Malecki E.J. Knowledge and regional competitiveness. Erdkunde, 2000. 54 p.
214. Ведин Н.В. Диалектика сотрудничества и конкуренции в хозяйственной эволюции общества: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Казань, 2007. 44 с.
215. Терешин А.В. Интеграция партнерства и конкуренции в предпринимательстве // Этап: экономическая теория, анализ, практика. 2015. №5. С.127–136.
216. Стандарт развития конкуренции в субъектах РФ: Распоряжение Правительства РФ № 1738-р. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".
217. Об органах исполнительной власти в Республике Коми [Электронный ресурс]: Закон Республики Коми от 31 октября 1994 г. N 8-РЗ. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".
218. Об определении уполномоченного органа по содействию развитию конкуренции в Республике Коми [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Республики Коми от 23 октября 2014 г. N 354-р. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".
219. Об утверждении Перечня приоритетных и социально значимых рынков для содействия развитию конкуренции в Республике Коми [Электронный ресурс]: Распоряжение Главы Республики Коми от 14 декабря 2015 года N 360-р (с изменениями на 17 июля 2018 года). Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".
220. Об утверждении единой методики мониторинга состояния и развития конкуренции на товарных рынках субъекта Российской Федерации [Электронный ресурс]: Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 11.03.2020 № 130. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".
221. О внесении изменений в распоряжение Главы Республики Коми от 30.12.2016 N 433-р "Об утверждении Плана мероприятий ("дорожной карты") по содействию развитию конкуренции в Республике Коми" [Электронный ресурс]: Распоряжение Главы Республики Коми от 19

ноября 2018 года N 297-р. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

222. Подпрограмма «Малое и среднее предпринимательство» Государственной программы Республики Коми «Развитие экономики» [Электронный ресурс]: утверждена Постановлением Правительства Республики Коми от 31.10.2019 № 521. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

223. Состояние и развитие конкуренции на товарных рынках Республики Коми по итогам 2020 года [Электронный ресурс]: Доклад Министерства экономического развития и промышленности Республики Коми. Сыктывкар 2021 г. URL: <https://econom.rkomi.ru/dokumenty/dokumenty-v-sfere-podderjki-i-razvitiya-predprinimatelstva> (дата обращения: 19.06.2021).

224. Состояние и развитие конкурентной среды на рынках товаров и услуг в Республике Коми: Аналитический отчет. Сыктывкар, 2020. 312 с.

225. О мерах по устранению административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spp.spb.ru/ru/node/1170> (дата обращения: 13.07.2021).

226. Информация о текущих и планируемых мероприятиях по развитию субъектами Российской Федерации государственно-частного взаимодействия (государственно-частного партнерства) в здравоохранении (на основании данных программных и концептуальных документов, утвержденных органами государственной власти субъектов Российской Федерации на 2014–2020 годы [Электронный ресурс]: Министерство здравоохранения РФ. URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/037/172/original/Справочная_информация_Программы_субъектов_РФ_по_развитию_ГЧП.pdf?1517230707 (дата обращения: 18.07.2021)

227. Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

228. Основные показатели здоровья населения и состояния здравоохранения Республики Коми за 2015–2019 гг. Статистический сборник ГБУЗ РК "РМИАЦ", Сыктывкар, 2020. 85 с.

229. О концессионных соглашениях [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 21.07.2005 N 115-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

230. Актуальные вопросы модернизации объектов коммунальной инфраструктуры с высокой степенью износа: законодательные новации и правоприменительная практика. 10 декабря 2019 г. Утверждены на заседании Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, ре-

гиональной политике, местному самоуправлению и делам Севера (протокол № 211 от 20 декабря 2019 года) (дата обращения 22.12.2019).

231. Валдайцев С.В. Экономическое обоснование темпов научно-технического прогресса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 176 с.

232. Спирягин В.И. Методы управления лесопользованием и воспроизводством лесных ресурсов // Лесной комплекс Республики Коми на этапе рыночных преобразований. Сыктывкар, 2021. 162 с.

233. Мезоэкономика России: стратегия разбега / Под ред. Г.Б. Клейнера. М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2022. 808 с.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОЦЕНКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ	7
1.1 Эволюция теории конкуренции	7
1.2 Содержание, функции и виды конкуренции.....	19
1.3 Содержание понятия конкурентоспособности региона	28
1.4 Разработка методики оценки конкурентоспособности	33
1.5 Анализ динамики уровня конкурентоспособности северных регионов	41
ГЛАВА 2. КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ.....	54
2.1 Обзор методик оценки конкурентоспособности видов экономической деятельности.....	54
2.2 Оценка уровня конкурентоспособности: сотрудничество и соперничество в промышленности	57
2.3 Основные направления повышения конкурентоспособности обрабатывающей промышленности.....	62
2.4 Влияние социальных льгот и гарантий работникам на конкурентоспособность предприятий северных регионов.....	71
ГЛАВА 3. КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ.....	78
3.1 Методические подходы к оценке конкурентоспособности регионов в строительстве	78
3.2 Анализ уровня конкурентоспособности строительства регионов России... ..	85
3.3 Направления повышения конкурентоспособности в строительстве	98
ГЛАВА 4. КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ АПК СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ И ФАКТОРЫ ЕГО ПОВЫШЕНИЯ	105
4.1 Содержание конкурентоспособности АПК северных регионов	105
4.2 Инвестиционный фактор повышения конкурентоспособности регионов Севера	111
4.3 Мультипликативный эффект как метод оценки уровня конкурентоспособности	122
4.4 Рыночное преобразование и повышение конкурентоспособности....	128
ГЛАВА 5. ФИНАНСОВЫЕ ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ.....	134
5.1 Финансовые критерии и показатели конкурентоспособности	134
5.2 Анализ финансовых факторов конкурентоспособности.....	142
5.3 Повышение конкурентоспособности на основе финансовых факторов	151

ГЛАВА 6. КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ И СОТРУДНИЧЕСТВО В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ.....	154
6.1 Содержание конкурентоспособности в социальной сфере.....	154
6.2. Обзор методик анализа конкурентной среды в социальной сфере ...	157
6.3 Оценка конкурентной среды в социальной сфере (на примере Республики Коми)	159
ГЛАВА 7. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ УЛУЧШЕНИЯ ЭКОЛОГИИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ.....	176
7.1 Актуальность и критерии оценки состояния экологии на Севере	176
7.2 Оценка общего состояния экологии	178
7.3 Тенденции и перспективы изменения состояния окружающей среды	189
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	198
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	201

Научное издание

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ:
СОСТОЯНИЕ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ

Юсиф Алимович Гаджиев, Евгений Николаевич Тимушев,
Максим Михайлович Стыров, Дмитрий Васильевич Колечков,
Азиз Агасалимович Мустафаев, Валентина Валентиновна Тихомирова,
Василий Игоревич Спирыгин.

Ответственный редактор:
доктор экономических наук, профессор
А.Г. Шеломенцев

Оригинал-макет – Е.Н. Тимушев

Компьютерный набор. Подписано в печать 24.08.2023 г.
Формат 14,5x21,5/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 13,7. Тираж 120. Заказ № 6012.